

АЛЕКСЪЙ РЕМИЗОВЪ

СОЧИНЕНІЯ

ТОМЪ ШЕСТОЙ

1910—1912.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СИРИНЪ“

СПБ. ПУШКИНСКАЯ, 10.

АЛЕКСЪЙ РЕМИЗОВЪ

С К А З К И

ТОМЪ ШЕСТОИ

1910—1912.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СИРИНЪ“

СПБ. ПУШКИНСКАЯ, 10.

**Т-во „Екатерингофское
Печатное Дѣло“, СПб.,
Екатерингофскій пр., 10.
Тел. № 25-06 и 584-72**

П О С В Я Щ А Ю

С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

С К А З К И

Вячеславу Ивановичу Иванову.

П О С О Л О Н Ъ .

BECHA-KPACHA

Раскрылись желанная губки.
Свѣтлое личико ангела краше.
Вѣютъ и грѣютъ тихія сказки...
Полночь крадется.
Темная темь залегла по путямъ и дорогамъ.
Гдѣ-то въ трубѣ и за печкой
Вѣтеръ ворчливо мурлычетъ.

Вѣтеръ... ты меня не покинешь?
Дѣточка... милая...

1902 г.

МОНАШЕКЪ.

Мнѣ сказали, тамъ кто-то пришелъ, въ сѣняхъ стоитъ.
Вышелъ я изъ комнаты, а тамъ, гляжу, — монашекъ
стоитъ.

— Здравствуй! — говоритъ и смотритъ на меня пристально, словно провѣряетъ что-то.

Маленькій монашекъ, бѣленькій.

— Здравствуй, что тебѣ надо?

— Такъ, по домикамъ хожу, — подаетъ мнѣ вѣточку.

— Что это, монашекъ, никакъ листочки!

— Листочки, — и улыбается.

А я ужъ отъ радости не знаю, что и дѣлать. Комната, рамы и вдругъ эта вѣтка съ зелеными, совсѣмъ-совсѣмъ крохотными масляными листочками.

— Хочешь, монашекъ, баранокъ турецкихъ, у насъ тутъ на углу некутъ?

— Нѣтъ.

— Чего же тебѣ, молочка хочешь?

— Нѣтъ.

— Ну, яблочковъ?

— Медку бы съѣлъ немножко.

— Медку... Господи, монашекъ!.. Я тебя гдѣ-то видѣлъ...

Монашекъ улыбается.

Крѣпко держу зеленую вѣтку. Листочки выглядят.

Моя вѣтка, мои и листочки!

Монашекъ стоитъ, улыбается.

КРАСОЧКИ.

— Динь-динь-динь...

— Кто тамъ?

— Ангель.

— Зачѣмъ?

— За цвѣтомъ.

— За какимъ?

— За незабудкой.

Вышла Незабудка, заискрились синіе глазки. Принялъ Ангель синюю крошку, прижалъ къ теплomu бѣлому крылышку и полетѣлъ.

— Стукъ-стукъ-стукъ...

— Кто тамъ?

— Бѣсъ.

— Зачѣмъ?

— За цвѣтомъ.

— За какимъ?

— За ромашкой!

Вышла Ромашка, протянула бѣлыя ручки. Пощекоталъ Бѣсъ вертушкѣ желтенькое пузичко, подхватилъ себѣ на мохнатя лапки и убѣжалъ.

— Динь-динь-динь...

— Кто тамъ?

— Ангель.

— Зачѣмъ?

— За цвѣтомъ.

— За какимъ?

— За фіалкой.

Вышла Фіалка, кивнула голубенькой головкой. Приглубилъ Ангель черноглазку и полетѣлъ.

— Стукъ-стукъ-стукъ...

— Кто тамъ?

— Бѣсъ.

— Зачѣмъ?

— За цвѣтомъ.

— За какимъ?

— За гвоздикой.

Вышла Гвоздика, зарумянились бѣлыя щечки. Бѣсъ ее въ охапку и убѣжалъ.

Опять звонилъ колокольчикъ, — прилеталъ Ангель, спрашивалъ цвѣтъ, бралъ цвѣточекъ. Опять колотила колотушка, — прибѣгалъ Бѣсъ, спрашивалъ цвѣтъ, забиралъ цвѣточекъ.

Такъ все цвѣты и разобрали.

Сѣли Ангель и Бѣсъ на пригоркѣ въ солнышко. Бѣсъ со своими цвѣтами налѣво, Ангель со своими цвѣтами направо.

Тихо у Ангела. Гладятъ тихонько цвѣточки бѣлыя крылышки, дуютъ тихонько на перышки.

Уговоръ не смѣяться, кто засмѣется, тотъ пойдетъ къ Бѣсу.

Ангель смотритъ сурьезно.

— Въ чемъ ты грѣшна, Незабудка? — начинаетъ исповѣдывать плутовку.

Незабудка потупила глазки, губки кусаеть—вотъ ~~раз-~~смѣется.

Налѣво у Бѣса такое творится, будь ты кисель киселемъ, и то засмѣнешся. Поджигалъ Бѣсъ цвѣточки: самъ мордочку строишь, — цвѣточки мордочку строятъ, самъ дѣлаешь моську, — цвѣточки дѣлають моську, самъ рожницы корчитъ,—цвѣточки рожницы корчатъ, мяукають, кукують, юлой юлятъ и такъ-то и этакъ-то—вотъ какъ!

Незабудка разинула ротикъ и прыснула.

— Иди, иди къ Бѣсу!—закричали цвѣточки.

Поняла Незабудка налѣво.

Тихо у Ангела. Гладятъ тихонько цвѣточки бѣлыя крылышки, дуютъ тихонько на перышки.

А налѣво гуготня,—Бѣсъ тѣшится.

Ангель смотритъ сурьезно, исповѣдуетъ:

— Въ чемъ ты грѣшна, Фіалка?

Насушила бровки Фіалка, крѣпилась-крѣпилась, не вытерѣла и улыбулась.

— Иди, иди къ Бѣсу!—кричали цвѣточки.

Пошла Фіалка налѣво.

Такъ всѣ цвѣточки, какіе были у Ангела, не могли удержаться и расхохотались.

И стало у Бѣса многое множество и бѣлыхъ и синихъ—цѣлый лужокъ.

Высоко стояло на небѣ солнышко, играло по лужку зайчикомъ.

Тутъ прибѣжало откуда-то семь бѣсенятъ и еще семь бѣсенятъ и еще семь, и такую возню подняли, такого рогача-стрекоча задавать пустились, кувыркались, скакали, лищали, бодались, плясали, да такъ, что и сказать невозможно.

Цвѣточки туда же, за ними--и! какъ весело, — только платица развѣваются синенькія, бѣленькія.

Кружились-кружились. Оголтѣли совсѣмъ бѣсенята, по-

лѣзли мять цвѣточки да тискать, а гдѣ подь шумокъ и щипнуть, ой-ой какъ!

Измятые цвѣточки ужь едва качаются. Понить запросили.

Ангель поднялся съ горки, поманилъ бѣлымъ крылышкомъ темную тучку. Приплыла темная тучка, улыбулась. Пошелъ дождикъ.

Цвѣточки и понили досыта.

А бѣсенята тѣмъ временемъ въ кусты попрятались. Бѣсенята дождика не любятъ, потому что они и не пьютъ.

Ангель увидѣлъ, что цвѣточкамъ довольно водицы, махнулъ бѣлымъ крылышкомъ, сказалъ тучкѣ:

— Будетъ, тучка, плыви себѣ.

Поплыла тучка. Показалось солнышко.

Ангелята явились, устроили радугу.

А цвѣточки схватились за ручки да бѣгомъ горѣлками съ горки—

Гори-гори ясно,
Чтобы не погасло...

Очухались бѣсенята, вылѣзли изъ-подъ кустика да сломя голову за цвѣточками, а ужь не догнать, — далеко. Покрутились-повертѣлись, показали ангелятамъ шишки, да и разсыпались по полю.

Тихо летѣли надъ полемъ птицы, возвращались изъ теплой сторонки.

Бѣсенята ковырялись въ землѣ, курлыкали — птичекъ считали, а съ ними и Бѣсъ-зажига рогатый.

КОСТРОМА.

Чуть только лѣсъ одѣнется листочками и теплое небо завьется бѣлесыми хохолками, сбросить Кострома свою колючку-ежевую шубку, протреть глазыньки да изъ овина на всѣ четыре стороны, куда взглянется, и пойдетъ себѣ.

Идетъ она по талымъ болотцамъ, по вспаханымъ полямъ да гдѣ-нибудь на зеленой лужайкѣ и заляжетъ; лежать-валяется, брюшко себѣ лапкой почесываетъ,—брюшко у Костромы мяконькое, переливается.

Любитъ Кострома попраздновать, блинковъ поѣсть да кисельку клюквеннаго со сливочками да съ пѣночками. А такъ она никого не ѣстъ, только представляется: поймаешь своимъ желтенькимъ усикомъ мушку какую, либо букашку, пососеть язычкомъ медовья крылышки, а потомъ и выпустить,—пускай ихъ!

Теплынь-то, теплынь, благодать одна!

Еще любитъ Кострома съ малыми ребятками повозиться, поваландаться: по сердцу ей лепуны-щекотуньи махонькіе.

Знаеть она про то, что въ колыбелькахъ дѣется, и кто грудь сосеть и кто молочко хлебаеть, зоветъ каждое дите по имени и всѣхъ отличить можетъ.

И всѣ отъ мала до велика величаютъ Кострому пѣсенкой. На то она и Кострома-Костромушка.

Лежить Кострома, валяется, разминаеть свои бѣлыя косточки, брюшкомъ прямо къ солнышку.

Запримѣтять гдѣ ребятышки ея рожицу да айда гурьбой взалупки. И скачутъ печушки пестренькія, бѣгутъ бѣгомъ, тянутъ ленточкой и чувыркають-чивикають, какъ воробышки.

А нагрнуть на лужайку, возьмутъ другъ дружку за руки да кругомъ вокругъ Костромушки и пойдутъ плясать.

Пляшутъ и пляшутъ, поють пѣсенку.

А она лежить, лежона-нѣжона, нѣжится, валяется.

— Дома Кострома?

— Дома.

— Что она дѣлаеть?

— Спитъ.

И опять закружатся, завертятся, ножками топають-притопываютъ, а голосочки, какъ бубенчики, и звенять и заливаются,—не угнаться и птицѣ за такими свистульками.

— Дома Кострома?

— Дома.

— Что она дѣлаеть?

— Встаетъ.

Встаетъ Кострома, подымается на лапочки, обводитъ глазньками, поводитъ желтенькимъ усикомъ, прилаживается кого бы ей напередъ поймать.

— Дома Кострома?

— Дома.

— Что она дѣлаеть?

— Чешетъ.

Такъ кругъ за кругомъ ходять по солнцу вкругъ Костромушки, играютъ пѣсенку, допытываютъ: что Кострома подѣлываетъ?

А Кострома-Костромушка и попила, и поѣла, и въ баню пошла, и изъ бани вернулась, сѣла чай пить, чаю попила, прикурнула на немножечко, встала, гулять собирается...

— Дома Кострома?

— Дома.

— Что она дѣлаетъ?

— Померла.

Померла Кострома, померла!

И подымается такой крикъ и визгъ, что сами звѣри-звѣрюшки, какіе вышли-было изъ-за ельниковъ на Костромушку поглазѣть, лататы на попятный,—вотъ какой крикъ и визгъ!

И бросаются всѣ взахлесь на мертвую, поднимаютъ ее къ себѣ на руки и несутъ хоронить къ ключику.

Померла Кострома, померла!

Идутъ и идутъ, несутъ мертвую, несутъ Костромушку, поютъ пѣсенку.

Вьется пѣсенка, перепархиваетъ, голубымъ жучкомъ со цвѣтка по травушкѣ, повѣваетъ вѣтеркомъ, расплетаетъ у дѣвочекъ коски, машетъ ленточками и звенить-жужжить, отклинкается далеко за тѣмъ синимъ лѣсомъ.

Поле проходятъ, полянку, лѣсокъ за лѣскомъ, проходятъ калиновый мостъ, вотъ и овражекъ, вотъ ключикъ — и бѣжить и недвиженъ—сѣрая искорка-пчелка...

И вдругъ раскрываетъ Кострома свои мертвые глазыньки, пошевеливаетъ желтенькимъ усикомъ,—амъ!

Ожила Кострома, ожила!

Съ крикомъ и визгомъ роняютъ наземь Костромушку, да кто куда—вразсыпную.

Мигомъ вскочила Костромушка на ноги, да бѣгомъ, бѣгомъ,—догнала, переловила всѣхъ,—возятся. Стогъ изъ цвѣточковъ!—Хохоту, хохоту сколько,—пискъ, визготня. Щекочеть, цѣлуетъ, козочку дѣлаеть, усикомъ водить, бодаеть, сама поддается, — попалась! Гляньте-ка! гляньте-ка, какъ забарахтались! — повалили Костромушку, салазки загнули, щиплютъ, щекочуть, — мала куча, да не совсѣмъ! И! — разсыпался стогъ изъ цвѣточковъ.

Ожила Кострома, ожила!

Вырвалась Костромушка, да проворно къ ключику, припала къ ключику, насытилась и опять на лужайку пошла.

И легла на зеленую, на прохладную. Лежитъ, развалилась, валяется, лапкой брюшко почесываетъ, — брюшко у Костромы мяконькое, переливается.

Теплынь-то, теплынь, благодать одна!

Тамъ распаханная поля зеленой зеленятся, тамъ въ сипемъ лѣсѣ изъ норъ и берлогъ выходятъ, идутъ и текутъ по чернымъ утлокамъ, по пробойнымъ тропамъ Божіи звѣри. тамъ на гибломъ болотѣ въ красномъ ивнякѣ Лѣснь-птица гнѣздо вьетъ, тамъ за болотомъ, за лѣсомъ Егорій кнутомъ ударяеть...

Пѣсенка вьетъ, перепархиваетъ со цвѣточка по травушкѣ, пестрая пѣсенка-ленточка...

А надъ полемъ и полемъ, лѣсомъ и лѣсомъ прямо надъ Костромушкой небо — церковь хлѣбная, калачомъ заперта, блиномъ затворена.

КОШКИ И МЫШКИ.

Путались мышки въ полѣ. Тащили кулекъ съ костяными зубами: не мало ихъ за зиму попало отъ ребятъ въ норку. А теперь приходила пора за зубъ костяной отдавать зубъ желѣзный, а много ли надо зубовъ, мышки не знали.

Путь имъ лежалъ полемъ въ молоденькій березнякъ. Тамъ подъ заячьими ушками—ландышами, у Громовой стрѣлки могли онѣ хорошо примоститься и сладить нелегкое дѣло. Ни Громовая стрѣлка, ни бѣлая Заячья ушки не выдадутъ мышекъ.

Прошелъ вечеръ дождикъ съ громомъ да съ молніей, и жарынь, что твое лѣто.

Подвигались мышки не споро.

Одна мышка во главѣ шла, казала дорогу хвостикомъ,—свистуха отчаянная, дурила всѣмъ мышкамъ голову.

— Никого я не боюсь,—егозила егоза, подшаркивала розовой лапчочкой,—самому коту на лапу наступлю, ищи-свищи, вывернусь!

Пыхтѣли мышки, диву давались, да отговоръ сказывали: накличетъ еще бѣды какой, ногъ не соберешь.

А ужь Коть-Котонай и идетъ съ своей Котофеевной, пыжить сѣдые усищи, поеть пѣсенку.

Мышка на него:

— Кто ты такой?

— Да я Коть-Котонай!—удивился Коть.

— А я тебя не боюсь.

— Чего меня бояться, — завель Котонай сладко зеленые глазки,—я ничего худого не сдѣлаю.

— А тебѣ меня не поймать!

— Ну, это еще посмотримъ.

— И не смотрѣвши..

Но ужь котъ наершился, прицѣлилъ глазъ, хотѣлъ на мышку броситься.

А мышка стала на пяточки, поджала хвостикъ промежь лапокъ, пошевсливаетъ хвостикомъ.

— Нѣтъ ужь,—говорить,—такъ этого не полагается, ты сядь вотъ тутъ на камушекъ и сиди смирно, а намъ давай твою Котофеевну и пускай она меня ловить.

Потянулся Коть-Котонай, мигнулъ Котофеевиѣ. Пошла Котофеевна къ мышкамъ, самъ усѣлся на камушекъ, задралъ заднюю лапу вверхъ пальцемъ, запряталъ мордочку въ брюшко, сталъ искать.

Блюховать былъ Коть, строковать Котонай, пѣлъ пѣсенку.

— Мы съ тобой, кошка, станемъ въ середку, а онѣ пускай за лапки держатся и пускай вокругъ насъ вертятся, я куда хочу, туда могу выскочить, а тебѣ будетъ двое воротъ, вотъ эти да эти, ну, разъ, два, три—лови!

Пискнула мышка, да съ кона отъ кошки жигъ!—закружилась.

Кошка за мышкой, мышка отъ кошки, кошка налѣво мышка направо, кошка лапкой хватъ мышку, а мышка:

— Брысь, кошка!—да за ворота,—что, кошка, съѣла?

Крутится, вертится, мечется кошка.

Крутятся, кружатся, вертятся мышки, держатся крѣпко за лапки, да дальше по полю, да дальше по травкѣ, да дальше по кочкамъ.

Заманиваетъ мышка-плутовка конку подъ Заячьи ушки.
— Гдѣ ты, Котъ, гдѣ, Котонай!—Котофеевна кличетъ.

Потеряли совсѣмъ Кота-сѣдоуса изъ виду.

Блоховать былъ Котъ, строковать Котонай, пѣлъ пѣсенку.

Кошка изъ кона въ ворота:

— Берегись, мышка, поймаю!

Мышка бѣгомъ, сиганула—живо-два—да въ конъ.

Кошка за мышкой, мышка отъ кошки, крутятся, кружатся мышки, хитрая мышка, плутиха, вотъ поддается, ужъ прыгнула конка...

Стой!—березнякъ, Заячьи ушки, Громовая стрѣлка...

Туда-сюда, глянь, а мышекъ и нѣтъ,—канули мышки.

Изогнула сердито Котофеевна хвостикъ, надула брезгливо красненькіи ротикъ, язычокъ наострила: „Тутъ онѣ гдѣ-то, а гдѣ, не поймешь“.

— Чтобъ васъ нелегкая!—и пошла Котофеевна.

Шла искать Котоная, курлыккала.

Вянули вѣтры, пыхало зноемъ.

А мышки оскалили зубки, взялись за зубы.

Полкулька растеряли въ дорогѣ,—эка досада!—спросить съ нихъ Громовая стрѣлка, не дастъ имъ желѣзные зубы.

Заячьи ушки—бѣлая стѣнка загораживали мышекъ.

И тихо качались березы, осыпали на мышекъ золотыя сережки, вѣсли прохладой.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ.

Еще до разсвѣта, когда черти бились на кулачки и собиралась заря въ восходѣ взойти и вскидывалъ вѣтеръ шелковой плеткой, вышелъ изъ лѣса волкъ въ поле погулять.

Канули черти въ оврагъ, занялась заря, выкатилось въ зорькѣ солнце.

А подь солнцемъ р а й-д е р е в о распустило свой сиреневый медовый цвѣтъ.

Гуси проснулись. Попросились гуси у матери въ поле полетать. Не перечила мать, отпустила гусей въ поле, сама осталась на озерѣ, сѣла яйцо нести. Несла яйцо, не замѣтила, какъ ужъ день подошелъ къ вечеру.

Забезпокоилась мать, зоветь дѣтей:

— Гуси-лебеди, домой!

Кричатъ гуси:

— Волкъ подь горой.

— Что онъ дѣлаеть?

— Утку щиплетъ.

— Какую?

— Сѣрю да бѣлюю.

— Летите, не бойтесь...

Побѣжали гуси съ поля. А волкъ тутъ-какъ-тутъ. Пере-
нялъ все стадо, потащилъ гусей подъ горку. Ему, сѣрому,
только того и надо.

— Готовьтесь,—объявилъ волкъ гусямъ,—я сейчасъ васъ
ѣсть буду.

Взмолились гуси:

— Не губи насъ, сѣрый волкъ, мы тебѣ по лапochкѣ отда-
димъ по гусиной!

— Ничего не могу подѣлать, я—волкъ сѣрый.

Пощипали гуси травки, сѣли въ кучку, а ужъ солнышко
заходить, домой хочется.

Волкъ въ тѣ поры точилъ себѣ зубы: иступилъ, лако-
мясь утками.

А мать, какъ почуяла, что неладное случилось съ дѣтьми,
снялась съ озера да въ поле. Полетала по полю, покликала,
видить—перышки валяются, да слѣдомъ прямо и пришла
къ горкѣ.

Стала она думать, какъ ей своихъ найти,—у волка были
тамъ и другіе гуси,—думала, думала и придумала: пошла
ходить по гусямъ да тихонько за ушко дергать. Который
гусь пикнетъ, стало быть, ея,—матернинъ, а который заку-
курекаетъ, не ея,—волковъ.

Такъ всѣхъ своихъ и нашла.

Ужъ и обрадовалась гуси, содомъ подняли.

Бросилъ волкъ зубы точить, побѣжалъ посмотрѣть, въ
чемъ дѣло.

Тутъ-то они на него, на сѣраго, и напали. Схватили волка
за бока, поволокли на горку, разложили подъ рай-деревомъ,
да такую баню задали, не приведи Богъ.

— Вы мнѣ хвостъ-то не оторвите!—унималъ гусей волкъ,
отбрыкивался.

Поцципали-таки его изрядно, уморились, да опять на озеро: пѣра и спать ложиться.

Поднялся волкъ, не солоно хлебавши, пошелъ въ лѣсъ.

Возныла темная туча, покрыла небо.

А во тѣмѣ бѣлыя томновали по лугу дѣвки-пустоволоски да бабы-самокрутки, поливали одоленъ-траву.

Вылѣзли на берегъ водяники, поснимали съ себя тину, сѣли на колоды и поплыли.

Шелъ сѣрый волкъ, спотыкался о межу, думалъ-гадалъ о Иванѣ-царевичѣ.

На озерѣ гуси во снѣ гоготали.

К У К У Ш К А.

Давнымъ-давно прилетѣлъ куликъ изъ-за моря, принесъ золотые ключи, замкнулъ холодную зиму, отомкнулъ землю, выпустилъ изъ неволя воду, траву, теплое время.

Размыла рѣчка пески, подмыла берегъ, подплыла къ орѣшенью и ушла назадъ въ берега.

Расцвѣла яблонка въ бѣлый цвѣтъ, поблекли цвѣты, опадалъ цвѣтъ.

Изъ зари въ зарю перекатилось солнце, повѣяли нѣжные вѣтры, пробудили поле.

Сторожилъ куликъ поле, ранняя птичка, почицалъ носокъ.

По полю гурьбой шли дѣвочки, рвали запашные васильки, закликали кукушку.

Кукушечье-горюшечье на виловатой соснѣ соскучилась, не сидѣлось кукушкѣ въ бору, поднялась въ луга.

По дубравѣ дорожка лежитъ.

Дѣвочки свернули на дорожку. Подъ широкимъ лопухомъ несли кукушку, плели вѣнки.

За дубравой на красѣ стоитъ гора-круча. На той горѣ на кручѣ супротивъ солнца стоитъ березка.

Обливалась росой кудрявая березка.

Посадили дѣвочки кукушку на березку. Заломили бѣ-
лую заплели вѣночкомъ. Схватились рука объ руку и пои-
ли, вокругъ кукушки.

— Кукушечка боровая, чего въ бору не сидѣла?

— Воли нѣту, воды нѣту.

— Гдѣ же воля?

— Пошла воля по лугамъ.

— Гдѣ вода?

— Пошла вода по болотамъ.

— Лети, кукушечка, лети боровая, въ лугахъ птички
поютъ, соловей свищетъ.

Сѣли дѣвочки на примятую траву, поѣли лепешекъ,
цѣловались, покумались другъ съ дружкой и въ вѣнкахъ
тронулись къ рѣчкѣ.

Тамъ раздѣлись и съ берега вошли въ воду. По водѣ
пустили вѣнки.

Плыли вѣнки, куковала кукушка.

— Кукушка, кукушка, сколько годовъ мнѣ осталось
жить?

Ушли обнявшись дѣвочки съ рѣчки, закатилось солнце.

Вышла изъ бора старая старуха Ворогуша, пошла съ
костылемъ по полю.

Преклонялось поле, доцвѣталь хлѣбъ.

Перехожая звѣздочка перешла къ горѣ-кручѣ, забли-
стала синимъ василькомъ.

Плыли вѣнки, куковала кукушка.

— Кукушка, кукушка, сколько годовъ мнѣ осталось
жить?

Красная жаръ-жаромъ заря не гасла.

Въ высокой травѣ въ пѣтушкахъ всю ночь до первыхъ
пѣтуховъ стрекоталъ кузнецъ-чирюканъ.

У ЛИСЫ БАЛЪ.

У лисы балъ.
— Я песъ.
— Я басъ.
— Я баранъ.
Это ноты.
Барабанъ.

Трамъ-тамъ-тамъ,
Трамъ-тамъ-тамъ.

По высокимъ горамъ,
по зеленымъ доламъ
чинно шествуемъ на балъ.
Разбрѣда-емся,
собира-емся,
переходимъ ровъ и валъ.
Осель, козелъ,
олень да левъ,
медвѣдюшка —

звѣри страшные,
звѣри важные,
самъ съ усамъ,
самъ съ рогамъ.

Трамъ-тамъ-тамъ,
Трамъ-тамъ-тамъ.

У лисы балъ.
— Я песъ.
— Я басъ.
— Я баранъ.
Это ноты.
Барабанъ.

Трамъ-тамъ-тамъ,
Трамъ-тамъ-тамъ.
Тамъ, тамъ.
Тамъ.

1906 г.

ЛѢТО КРАСНОЕ

КАЛЕЧИНА-МАЛЕЧИНА.

Сергѣю Городецкому.

Курица со двора—
Калечина въ ворота.

Заберется Малечина въ гибкій плетень,
тоненько комарикомъ пѣсню заведеть,
ждеть:

„Не покличетъ ли кто Калечину погадать о вечерѣ?“

У Калечины одна—деревянная нога,
у Малечины одна—деревянная рука,
у Калечины-Малечины одинъ глазъ—
маленькій, да удаленькій.

— Калечина-Малечина.
сколько часовъ до вечера?

Скокъ Калечина-Малечина съ плетня,

подберется вся—прыгъ-прыгъ-прыгъ...

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7!

Д а кркъ въ плетень. Пригорюнится,
тоненько комарикомъ пѣсенку ведетъ,
ждетъ:

„Не покличетъ ли кто Калечину погадать о вечерѣ?“

У Калечины семь братьевъ—
у Малечины семь вѣтровъ,
а восьмой неродной—вихорь витной—
миленькій, да постыленькій.

— Калечина-Малечина,
сколько часовъ до вечера?

Вечеромъ врывается, крутитъ вихрь въ лѣсу,
Вечеромъ Калечинѣ весело въ виру.
Ночка по небу лучинки зажжетъ,
Темная, темную нитку прядеть...

Курица въ ворота—
Калечина со двора.

ЧЕРНЫЙ ПЬТУХЪ.

Отъ недѣли до недѣли подоспѣло лѣто.

Послѣдняя отлетная птичка прилетѣла до витога гнѣздышка. Зацвѣли бѣлые и алые маки. Голубые цвѣточки шелкового льна моремъ разлились по полю. Бѣлая греча запорошила прямымъ снѣгомъ безъ конца всѣ пути. Встали по тыну, какъ козыри, золотые подсолнухи. Сухимъ золотомъ-стрѣлками затеплилась липа, а серебряные овсы и алатырное жито раскинулись и вдаль и вширь; неоглядные, обошли они лѣса да овраги, заняли округъ небесную синь и потонули въ жужжаньѣ и сыти до-жатвенной жажды.

Съ цвѣтка на цвѣтокъ, съ травки на травку день до вечера перелетаетъ пчелка, несетъ праздники.

И не упасть первой росѣ, а ужъ целкаетъ, звонко хлопаетъ въ воздухъ кнутъ, звякаютъ коровьи колокольчики-гонять стада.

А за стадомъ высоко, какъ дымъ, подымается пыль вдоль по улицѣ.

И онѣ чахлыя и заморенныя — Коровья смерть да Веснянка-Подосенница съ сорока сестрами пробѣгаютъ по селу, старухой въ бѣломъ саванѣ, кличутъ на голосъ.

Много онѣ натворили бѣдъ—съѣшь ихъ волкъ! — то подѣ тыномъ прикинется — Подтынница, то на дворѣ пристягнетъ — Навозница, то соскочитъ съ веретена да заскочитъ въ пряху — Веретенница, то выскочитъ съ болотной кочки — Болотница: имъ бы портить скотину, вынимать румянецъ изъ бѣлаго лица, вкладывать стрѣлы въ спину, крючить на рукахъ пальцы, трясѣя трясти тѣло.

И не гулянье отъ нихъ ребятишкамъ: не вѣкъ же голонузымъ поситъ на себѣ змѣинаго выползка.

Но и нечистъ знаетъ чередь.

Собирается нечистъ зноемъ въ полдень къ вѣдьмаку Пахому,—Пахома изба на краю села: тамъ ей попить, тамъ ей поѣсть.

Въ курникѣ пѣтухъ взлетаетъ на насѣсть, схватившись съ мѣста, какъ шальной, кричитъ по селу. Кричитъ пѣтухъ цѣлыя ночи, несетъ змѣиные спорыши, напѣваетъ проклятый на голову отъ недѣли до четверга. Самъ Пахомъ-вѣдьмакъ о эту пору въ печуркѣ возится, стряпаетъ изъ ребячьяго сала свѣчу,—той свѣчей наведетъ колдунъ мертвый сонъ на человѣка и на всякую Божію тварь. Джурка, Пахомова дочка, не смыкая глазъ, летаетъ перепелкой, собираетъ золотой грибокъ.

Такъ отъ недѣли до четверга.

Въ четвергъ въ полночь на пятницу подымается на ноги все село.

Съ шумомъ врываются въ Пахомовъ курникъ, чадятъ зажженными метлами, ловятъ чернаго пѣтуха.

Изловили чернаго пѣтуха и съ пѣтухомъ идутъ на другой край села.

Алена верхомъ на рябиновой палкѣ съ мутовкой на плечѣ, пагая, впереди съ горящимъ уголькомъ, за Аленой двѣнадцать дѣвокъ съ распущенными волосами въ бѣлыхъ рубахахъ съ серпами и кочергами въ рукахъ и другія двѣ-

надцать съ распущенными волосами въ черныхъ юбкахъ держать чернаго пѣтуха.

А за ними ватагой и старъ и малъ.

Шумя и качаясь, вышли дѣвки за село, запалили уголькомъ сложенный въ кучу наземъ, трижды обнесли пѣтуха вокругъ кучи.

Тутъ выхватила Алена отъ дѣвокъ пѣтуха и, высоко держа надъ головой чернопераго, пустилась съ пѣтухомъ по селу, забѣгая къ каждой избѣ, мимо всѣхъ клѣтей съ края на край.

Съ пронзительнымъ крикомъ, съ гиканьемъ погнались за ней и бѣлыя и черныя дѣвки.

— А, ай, ату, сгинь, пропади, черная немочь!

Рвется черный пѣтухъ, наливаются кровью глаза, колотится черное сердце.

Обѣжавъ все село, бросила Алена пѣтуха въ тлѣющій наземъ.

Кинули за нимъ дѣвки хвороста, сухихъ листьевъ,—и вспыхнулъ костеръ, съ трескомъ взвились листья и пестлись, жужжа, какъ красныя жучки,—пестлись красныя перья, завивались въ косицы, и красная голова пѣла зимовья пѣсни.

— Сгинь, сгинь, пропади, черная немочь! — скачутъ вокругъ костра хороводомъ и черныя и бѣлыя дѣвки, притопываютъ, приговариваютъ, звенять въ косы, бьютъ въ чугуны, пока не ухнетъ красная голова, не зашипитъ ужъ больше ни одно красное перышко.

Сонной сохой по селу протянулась дорога бѣлая отъ высокаго мѣсяца. На мѣсяцѣ все по-прежнему подымалъ на вилы Каинъ Авеля.

Шатаясь, шелъ по вымершему селу вѣдьмакъ Пахомъ хватался за вереву, дыхалъ гарнымъ пѣтушьимъ духомъ.

У Аленина двора со двора въ ночевку бѣжитъ котъ; ударилъ его Пахомъ посередъ живота, сѣлъ на него, подка-

тиль, какъ мѣсяць, къ окну, глазомъ надѣль на Алену хомуть, шепталъ въ ея слѣдъ:

— Чтобъ у нея, у миленькой, и спинушка и брюшенько краснымъ опухомъ окинулись и съ зудомъ.

Притрепался вѣдьмакъ, помануль зарю, изсякъ, какъ дымъ: волю снимать, неволю накладывать.

Не дождалась Джурка отца, поужинала. Поужинавъ, обернулась въ галочку, полетѣла за рѣчку росицу пить.

Занялась заря.

БОГОМОЛЬЕ.

Петька, мальчонка дотошный, шаландать куда гораздый, увязался за бабушкой на богомолье.

То-го дорога была. Для Петьки вольготно: гдѣ скокомъ, гдѣ взапуски, а бабушка старая, ноги больныя, едва духъ переводить.

И страху же натерпѣлась бабушка съ Петькой и опаски,— пострѣль, того и гляди, шею свернетъ, либо куда въ нехорошее мѣсто ткнется, мало ли! Ну, и смѣху было: въ жизнь не смѣялась такъ старая, тряхонула на старости лѣтъ старыми костями. Умора давай разныя разности выкидывать: то медвѣдя, то козла начнетъ представлять, то кукуеть по-кукушечьи, то лягушкой заквакаетъ. И озорничаль немало: напугаль бабушку до-смерти.

— Нѣтъ,—говорить,—сухарей больше, я всё съѣлъ, а червяковъ, хочешь, я тебѣ собралъ, вотъ!

„Вотъ тебѣ и богомолье,—полпути еще не пройдено, Господи!“

А Петька поморочилъ, поморочилъ бабушку, да вдругъ и подносить ей полную горсть не червяковъ, а земляники, да такой земляники, всё пальчики оближешь. И сухари всё цѣлы-цѣлехоньки.

Скоро пѣсня другая пошла. Уморились странники. Ба-

бушка все молитву творила, а Петька Господи помилуй пѣлъ.

Такъ и добрались шажкомъ да тишкомъ до самага монастыря. И прямо къ заутреиѣ попали. Выстояли они заутреню, выстояли обѣдню, пошли къ мощамъ да къ иконамъ прикладываться.

Петькѣ все хотѣлось мощи посмотрѣть, что тамъ внутри находится, приставаль къ бабушкѣ, а бабушка говоритъ: — Нельзя, грѣхъ!

Закапризничаль Петька. Бабушка ужъ и такъ и сякъ, крестикъ ему на красненькой ленточкѣ кунила, ну, помаленьку и успокоился. А какъ успокоился, опять за свое принялся. Потанциль бабушку на колокольню колоколь посмотрѣть. Ужъ лѣзли-лѣзли, и конца не видно, ноги подкашиваются. Насилу вскарабкались.

Петька, какъ колокольчикъ, заливаается, гудить,—колоколь представляетъ. Да что—ухватился за веревку, чтобы позвонить. Еще, слава Богу, монахъ, оттанциль, а то долго ли до грѣха.

Кое-какъ спустились съ колокольни, усѣлись въ холодкѣ закусить. Тутъ старичокъ одинъ странникъ житіе пустился рассказывать. Петька ни одного слова мимо ушей не проронилъ, вѣкъ бы ему слушать.

А какъ свалила жара, снова въ путь тронулись.

Всю дорогу помалкивалъ Петька, крѣпкую думу думалъ: поступить бы ему въ разбойники, какъ тотъ святой, о которомъ странникъ-старичокъ рассказывалъ, грѣхъ принять на душу, а потомъ къ Богу обратиться—въ монастырь уйти.

„Въ монастырѣ хорошо, — мечталъ Петька,—ризы-то какія золотыя, и всякій Божій день лавай на колокольню, никто тебѣ уши не надеретъ, и мощи смотрѣлъ бы. Монаху все можно, монахъ долгогривый“.

Бабушка охала, творила молитву.

КУПАЛЬСКІЕ ОГНИ.

Закатное солнце, прячась въ тучу, заскалило зубы—брызнулъ дробный дождь. Притупилъ дождь косу, прибилъ пыль по дорогѣ и закатился съ солнцемъ на ночной покой.

Коровы, положа хвостъ на спину, не мыча, прошли. Не пыль—тучи мухъ провожали скоть съ поля домой.

На болотѣ болтали лягушки-квакушки.

И дикая кошка—желтая иволга унесла на клювъ вечеръ за шумучій боръ, тамъ разорила гнѣздо соловью, съѣла ночевать подъ черной смородиной.

Теплыми звѣздами опрокинулась надъ землей чарая Купальская ночь.

Изъ тѣнистыхъ могилъ и темныхъ погребовъ встало Навье.

Плавали по полю воздушные корабли. Кудеяръ-разбойникъ стоялъ на кормѣ, помахивалъ краснымъ платочкомъ. Катили съ погостовъ погребальныя сани. Сами ведра шли на рѣчку по воду. Въ чащѣ разставлялись столы, убирались скатертями. И гремѣлъ въ болотныхъ огняхъ Навій пиръ мертвецовъ.

Криксы-вараксы скакали изъ-за крутыхъ горъ, лѣзли къ попу въ огородъ; оттяпали хвостъ попову кобелю, затесались въ малинникъ, тамъ подпалили собачій хвостъ, играли съ хвостомъ.

У развилистаго вяза растворялась земля, выходили изъ-подъ земли на свѣтъ посмотрѣть зарытые клады. И зарочныя три головы молодецкихъ и сто головъ воробьиныхъ и кобыля сивая холка подмаргивали зеленымъ глазомъ,—плакались.

Бросилъ Чортъ свои кулички, скучно: небо заколочено досками, не звонятъ колокольчикъ,—поманулось рогатому погулять по Купальской ночи. Безъ него и ночь не въ ночь. Забралъ Чортъ своихъ чертятокъ, глянулъ на четыре стороны, да какъ гокнется объ земь, посыпались искры изъ глазъ.

И потянулись на чортовъ зовъ съ рѣчного дна косматыя русалки, приковылялъ дѣдъ Водяной, старый хрѣнь кряхтѣлъ да осочимъ корневищемъ помахивалъ,—чтобъ ему пусто!

Выползла изъ-подъ дуба-сорокавца, изъ-подъ яраго руна сама змѣя Скоропея. Переваливаясь, поползла на своихъ гусиныхъ лапахъ, лютыя всѣ двѣнадцать головъ—пухотныя, рвотныя, блевотныя, тошнотныя, волдырныя и рябая и ясная катились мѣсяцемъ. Скликнула-вызвала Скоропея своихъ змѣй-змѣенышей. И онѣ—домовыя, полевныя, луговныя, лозовыя, подтычныя, подрубежныя приползли изъ своихъ норъ.

Зачесалъ Чортъ затылокъ отъ удовольствія.

Тутъ прискакала на ступѣ Яга. Стала Яга хороводницей. И водили хороводъ не по-нашему.

— Гушъ-гушъ, хай-хай, обломи тебя обломъ!—отмахивался да плевалъ заплутавшійся въ лѣсу колдунъ Фалалей, неподтыканный старикъ съ мухой въ носу.

А имъ и горя нѣтъ. Защекотали до смерти подъ елкой

Аришку, втопили въ болото Рагулю—пошатаешься! — нена-
рокомъ задавили зайченка.

Пошла зайчка собирать подорожникъ: авось поможетъ!

Съ грѣхомъ пополамъ перевалило за полночь. Уцѣпи-
лись непутные, не пускаютъ ночь.

Купальская ночь колыхала теплыми звѣздами, летѣяла.

Распустившійся въ полночь купальскій цвѣтокъ горѣлъ
и сіялъ, точно звѣздочка.

И бродили среди ночи нагія бабы—глазь бѣлый, сѣрый,
желтый, зобатый,—худыя думы, темныя рѣчи.

У Ивана-царевича въ высокому терему сидѣлъ въ го-
стяхъ попъ Иванъ. Судили-рядили, какъ русскому цар-
ству быть, говорили зачатскія слова. Заткнувъ ладонь за
семишелковый кушакъ, игралъ царевичъ насыннымъ пер-
стенкомъ, у Ивана-попа изъ-подъ ворота торчалъ козьею
бородой чортовъ хвостъ.

— Приходи вчера!—улыбался царевичъ.

А далекимъ-далеко гулкимъ походомъ гнался сѣрый
Волкъ, несъ отъ Кощея живую воду и мертвую.

Доможиль-Домовой толкалъ подъ ледяной бокъ—гладилъ
Бабу Ягу. Притрушенная папоротникомъ задрала ноги Яга:
привидѣлся Ягѣ на купальской зарѣ обрада—молодой сонъ.

Лѣшій краль дороги въ лѣсу да посвистывалъ,—тѣшилъ
мохнатый свои совыи глаза.

За горами, за долами по синему камню бѣжить вода,
тамъ въ дремливой лебедѣ Сорока-щектуха загоралась жарь-
птицей.

По рѣкѣ тихой поплывней плывутъ двѣнадцать грѣш-
ныхъ дѣвъ, бѣлый камень алатырь, что цвѣтъ, томно свѣ-
тится въ ихъ тонкихъ перстахъ.

И восхикала лебедью алая Вытарашка, раскинула крылья
зарей, — не утнать ее въ черную печь, — знобить, неуга-
симая, горячую кровь, ретивое сердце, истомленное купаль-
скимъ огнемъ.

ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ.

Валили валомъ густыя облака, не изникали,—имъ смѣты нѣтъ. За облаками возили коны, и туча шла за тучей, какъ за копой веселая копа, поскрипывали колеса.

Вѣтромъ повѣяло-бъ, грянуть бы громъ!—Не вѣяли вѣтры, не крапнуть дождикъ.

Ни звѣринаго потопу, ни змѣинаго пошину.

Въ тихихъ заводяхъ лебеди пѣли.

И разомкнулось тридевятъ золотыхъ замковъ, раскуталось тридевятъ дубовыхъ дверей— туча за тучу зашла — затрещало, загикало, свистѣло, гаркало.

Воробушки—ночные полуночники, выпорхнувъ, кинулись по небу летать

Коваль кузнецъ воробьиную свадебку, коваль крѣпка-на-крѣпка, вѣчно-на-вѣчно,—не разсушить ее солнцемъ, не размочить дождемъ, не раскинетъ вѣтеръ, не расскажутъ люди.

Коваль кузнецъ Кузьма-Демьянъ вѣковой вѣнокъ.

И стала передъ невѣстою-воробушкой чужая сторона, не изюмомъ, горемъ усаженная, не травой, слезами покрытая.

Узлюлекнула воробушка:

— Понеситесь вы, вѣтры, съ высокихъ горъ! Подуйте, вѣтры, на звонки колоколы! Вы ударьте, звонки колоколы, по сырой землѣ, распахайте нески, раздвоите сыру-землю на могилѣ матери. Вы сшибите, звонки колоколы, гробову доску! Сдуйте тонко-бѣлое полотенце! Разомкните руки матери, раскройте глаза ея, поставьте ее на ноги. Не придетъ ли она, не прилетитъ ли къ моему дню, къ часу великому.

Летали воробушки, прятались-тулились рахманные подь небесныя ракиты, подь мосты калиновые, пагуливались воробушки до-любви.

Раскунѣжились, пошли они плясъ плясать въ присядку, квасили, жарили другъ дружку по носамъ. Одинъ воробей въ трубу скаканулъ, другой воробей въ колодець упалъ, третій воробей невѣсть что надѣлалъ.

И падали, кто какъ попало, безхвостые, безклювые съ неба на землю,—навалили горы воробьевыя. И ничего-то не родила гора, родила воробьева гора одинъ бѣль-горючъ камень.

Заняло сердце, какъ малое дитятко:

— Родимая моя матушка! Что же ты ко мнѣ не подшатнешься. Призагуньте, призамолкните! Разступитесь, пропустите! Подшатнись-ка ты, посмотри на меня...

Засвирило небо, красно, что жаръ.

Роскачѣнъ жемчугъ—васильковая слеза катится на грудь, съ груди на траву.

Перекаати-поле унесла слезу.

Не разжалила невѣста сердце матери: знать, отволила она волю, отнѣжила пѣгу, открасовала свою дѣвичью красу?

Сердце матери оборотливо, сердце матери обернется,—дасть великое благословеніе.

И раскрылась могила,—стала мертвая.

А тамъ разбили сорокъ сороковъ, тридцать три бочки,— и хлынуло пиво-медъ пьяное-распьяное.

Всѣ поля и луга, лѣса, перелѣски, заборы и крыши до корня смочены.

Первые пѣтухи пропѣли — полночь прошла. И вторые пѣтухи пропѣли—передъ зарей. И третьи пѣтухи пропѣли— на самой зарѣ.

А они, неутомонные, справляли великій запой, хмельные ворущили, съ пьяныхъ глазъ вили воробушки не воробьиное—гнѣздо ремезовое.

Догорѣла четверговая страстная свѣча, закурились избы, — волокомъ отъ трубы до трубы стлались книзу сизые дымы.

Поросятки-викуны рылись подъ грушей въ сладкихъ надалкахъ, а ихъ была цѣлая грудя—непочатый край.

Б О Р О Д А.

Съ горки на горку, отъ ветлы до ветлы примчался ильинскій олень, окунуль рога въ рѣчку,—стала вода холоднѣе.

Тынъ зарастаетъ горькой полынью, не видать перелаза.

Въ садахъ наливаются яблоко: охота ему поспѣть къ Спасову дню.

И шума висятъ, призаблекнувши, листья. Утомленные, клонятся никлыя вѣтви.

Щебетливая птичка научаетъ дитя перелетному лету. Одинъ у нея ладъ на всѣ прилучья:

— Скоро въ путь опять!

Дождется-ль рябина студеныхъ дней, нарядная, опустила она свои красныя бусы къ землѣ.

Шумный колось стелеть по нивѣ сухое время.

На проходѣ страда. Подоспѣли дожинки.

Дожинаютъ и вяжутъ послѣдній снопь.

Ужъ кличутъ на Бороду.

И потянулся народъ—бѣлый макъ—по селу на жнивье.

А Борода стоитъ, развѣвается, золотая, разукладная, много яштаря въ ней, много усика долгаго, тонкаго, остраго, какъ серпъ.

— Завивать, завивать бородушку!

Разогнули солому, посыпаютъ земли: пусть мать-сыра земля покроетъ ее материнскою пеленой на красное годье, на новое лѣто, на веселый дородъ.

— Нивка, отдай мою силу!—причитаетъ-приговариваетъ жнея, красивая молодка Василиса въ длинной бѣлой рубахѣ съ серпомъ на плечѣ.

И катается молодка по жнивью, просить и молить свою ниву.

Несутъ дѣвки межевые васильки, подвиваютъ васильками Бороду, расцвѣчаютъ ее васильками—крестовой слезой. И кругомъ, какъ коверъ, васильки.

Собрала Борода людей вмѣстѣ,—поднялось на всю ниву веселье.

Запалили солому, заварилась отжинная каша.

— Нивка, отдай мою силу!

И идутъ хороводомъ вокругъ Бороды, ведутъ долги пѣсни, перевиваются долги пѣсни пригудкой, и опять на широкой разливной ладъ хороводы.

Сѣло за оруженье солнце, тучей одѣлась заря.

А Борода въ василькахъ разгорается.

Веретъ коповода плясъ.

Бросила молодка серебряный серпъ, подсучила рукава, сбила подпояску, да изъ кона, пустилась въ плясъ.

Звенѣлъ ея голось, звенѣла пѣсня.

Катилъ за облаками Илья, грохоталъ Громовникъ на своей колесницѣ, ажъ поджилки тряслись.

И сбѣгался хороводъ, разбѣгался, отклонившись назадъ, запрокинувъ голову—это ласточки быстро неслись по землѣ, черкая крыльями.

Сѣдой ковыль, горкуя голубемъ, набирался гульбы, усти-

лалъ, шевелить, шель по полю дальше и дальше за покосы, за болото, за зарю.

И зарей ничего такъ не слышно, только слышно, только слышно, только слышно, только чутко:

— Нивка, отдай мою силу!

Отъ четырехъ птицъ—желѣзныхъ носовъ, изъ-за темныхъ каточинъ вышла молодая медвѣдица посмотрѣть на Бороду.

Купена-лупена страцала медвѣдицу тремя пальцами, ровно дите рогатой козой.

Вындрикъ-звѣрь стремглавъ бѣжалъ за сине море.

П горѣль хороводъ, пока солнце взошло.

1906 г.

К И К И М О Р А.

На пѣтушкѣ воротъ, крутя курносый посохъ, съ ужимкою крещенской маски, затѣйливо Кикимора усѣлась и чистить бережно свое копытце.

— Га! — прыснулъ тонкій голосокъ, — ха! ищи! а шапка вошь на жерди... Хи-хи!.. хи-хи! А тотъ какъ чебурахнулся, споткнувшись на гладкомъ мѣстѣ!.. Лебедкамъ-молодухамъ намяла я бока.. Га! ха-ха-ха! Я Бабушкѣ за ужиномъ плюнула во щи, а Дѣду въ бороду пчелу пустила. Лукнула— мяукнула подъ поцѣлуи, хи!.. — вся затряслась Кикимора, заколебалась, отъ хохота за тонкіе животики схватилась.

— Тьфу! ты, проклятая! — отплеывался прохожій.

— Га! ха-ха-ха! — и только пятки тонкія сверкнули за поле въ лѣсъ сплетать обману, причуды сѣять, и до умору хохотать.

1903 г.

ОСЕНЬ ТЕМНАЯ

БАБЬЕ ЛѢТО.

Унесъ жаворонокъ теплое время.

Устудились озера.

Цвѣты, зацвѣтая пустыми цвѣтами, опадаютъ ранней зарей.

Сорвана бурей верхушка елки. Завитая съ корня, опустила верба вялые листья. Высохла бѣлая береза противъ солнца, сухая, небѣлая пожелтѣла.

Дуетъ вѣтеръ, надуваетъ непогоду.

Дождь на дворѣ, въ полѣ—туманъ.

Поломаны, протоптаны дуга, уколочены зеленые, вбиты колесами, прихлыснуты плеткой.

Скоро минуетъ гулянье.

Стукнулъ послѣдній красный денекъ.

Богатая осень.

Встало изъ-за лѣса солнце—не нажать такого на свѣтѣ—приобсушило лужи, сгладило скучную расторопицу.

По полѣстью мимо избы бѣжить дорожка, — мхи, шурша сырѣмъ серебромъ среди золота, кажутъ дорожку.

Лѣсъ въ пожарѣ горить и горить.

Въ бѣломъ на бѣломъ копѣ въ вѣнкѣ изъ зеленой озими
ѣдетъ по полю Егоріи и сыплетъ и сѣетъ съ рукава бѣлы
жемчугъ.

Изунизала жемчугомъ озимь.

И дальше по лѣсу вмигъ загорается красный -- солнце
во лбу, огненный конь, — раздаетъ Егоріи звѣрямъ наказы.

Лѣсъ въ пожарѣ горитъ и горитъ.

И птицы не знаютъ, не домкнутся пѣвуньямъ, летѣтъ
имъ за море или вить новыя гнѣзда, и водныя -- лебеди -- па-
даютъ грудью о воду, плывутъ:

— Выльнь, выпльвь весна! — вьютъ волну и плывутъ.

Богатая осень.

Летитъ паутина.

Катитъ пенье косопалый медвѣдь, воротитъ колоды —
строитъ мохнатый на зимовье берлогу: морозами всласть посо-
сетъ онъ до самага горлышка медовую лапу.

Собирается зайчикъ линять и трясется, какъ листикъ:
боится лисицы.

Померкло.

Занываетъ полное сердце:

„Пойти постоять за ворота!“

Тихая рѣчка тихо гонитъ воды.

По вечеру плавно вдоль поля тянется стая гусей, уле-
таетъ въ чужую сторонку.

— Счастлива дорожка!

Далеко на селѣ пѣсня и гомонъ: свадьбу играютъ.

Хороша угода, хорошъ хмель зародился — золотой вѣ-
нецъ.

Богатая осень.

Шумъ, гамъ, — наступаютъ грудью одинъ на другого, то-
паютъ, машутъ руками, вонь сама по себѣ отчаянно

вертится сорви-голова молодуха — разгарчиво лицо, кровь съ молокомъ, вонъ дѣдъ подъ хмелькомъ съ печи со-
рвался...

Кипить разгонщица каша.

Валить дымъ столбомъ.

Шумъ, гамъ, пѣсня.

А гдѣ-то за темною тошью конь колотить копытомъ.

Скрипятъ ворота, грекаютъ дверью — запираетъ Егорій
вплоть до весны небесныя ворота.

Тамъ катается по сѣнямъ послѣднее времячко, послѣдній
часокъ, тамъ не свое житье-бытье испровѣдываютъ, тамъ
плачутъ по русой косѣ, тамъ воля, такой не дадутъ, тамъ
не можно думы раздумать...

„Ей, глаза, почему же вы ясные, тихіе, снаглядные не
источаете огненныхъ слезъ?“

Мать по-темному не поступить, вернуть теплое время...

Сотлѣло сердце чернѣе земли.

— Вернитесь!

И звѣзды вбиваются въ небо, какъ гвозди, падаютъ
звѣзды

З М Ъ П.

Петьку хлѣбомъ не корми, дай только волю по двору побѣгать. Тепло, ровно лѣто. И ужъ закатится непосѣда, день-деньской не видать, а къ вечеру, глядишь, и тащится. Поѣлъ, помолился Богу, да и спать, — свернется суркомъ, только посапываетъ.

Помогалъ Петька бабушкѣ капусту рубить.

— Я тебѣ, бабушка, капустную муку сдѣлаю, будетъ намъ зимой пироги печь, — твердитъ таратора да рубить, что твой заправскій: такъ вотъ себѣ и бабушкѣ по пальцу отрубить.

А кочерыжки, какъ ни любилъ лакома, хряпалъ не очень много, а все прибиралъ: сложить въ кучку, выждетъ время и куда-то снесетъ. Бабушкѣ и введомекъ: знай похваливаетъ, думаетъ себѣ, — коровѣ носить.

Какой тамъ коровѣ! — Стоялъ у бабушки подъ кроватью старій-престарій сундучокъ, желѣзомъ кованій, хранила въ немъ бабушка смертную рубашку, туфли безъ пятокъ, саванъ, рукописаніе да вѣнчикъ, — собственными руками старая изъ Кіева отъ мощей принесла, батюшки-пещерника

благословеніе. И въ этотъ-то самый сундучокъ Петька и складывалъ кочерыжки.

„На томъ свѣтѣ бабушкѣ пригодятся, сковородку-то лизать не больно вкусно“...

Случилось на Воздвиженъе, понадобилось бабушкѣ въ сундучокъ зачѣмъ-то, открыла бабушка крышку, да такъ тутъ же на мѣстѣ отъ страха и сѣла.

А какъ опомнилась, наложила на себя крестное знаменіе, кочерыжки всё до одной изъ сундучка повыбрасывала, окропилась святою водою, да силенъ, вѣрно, окаянный — змѣй треклятый.

Стали онѣ нечистыя, эти Петькины кочерыжки, представляться бабушкѣ въ сонномъ видѣніи: встанетъ передъ ней такая вотъ дубастая и торчитъ цѣлую ночь, не отплюешься. Притомъ же и духъ нехорошій завелся въ комнатахъ, какой-то капустный, и ничѣмъ его не выведешь, ни монашкой, ни скипидаромъ.

А Петька диву дается, куда изъ сундука кочерыжки дѣваются, и нѣтъ-нѣтъ да и подложить.

„Пускай себѣ ѣсть, коровѣ и сѣна по горло“.

Думалъ пострѣлъ, сѣдаетъ ихъ бабушка тайкомъ на сонъ грядущій.

Бабушка на нечистаго все валила.

И не проходило дня, чтобы Петька чего-нибудь не напроказилъ. Пристрастился гулена змѣевъ пускать, понасажалъ ихъ тьму тьмущую по всему саду, и много хвостовъ застряло за домъ.

Запускалъ Петька какъ-то разъ змѣя съ трещеткой, и пришла ему въ голову одна хитрая хватка:

„Ворона летаетъ, потому что у вороны крылья, ангелы летаютъ, потому что у ангеловъ крылья, и всякая стрекоза и муха—все отъ крыла, а почему змѣй летаетъ?“

И отбился отъ рукъ мальчонка, ходитъ, какъ тѣнь, ѣсть, не пьетъ ничего.

Ужь бабушка и то и другое,—ничего не помогаетъ, двѣнадцать травъ не помогаютъ!

„А летаетъ змѣй потому, что у него драпки и хвостъ!“—рѣшаетъ, наконецъ, Петька и, не долго думая, прямо за дѣло: давно у Петьки въ головѣ вертѣло полетать подь облаками.

Варила бабушка къ празднику калиновое тѣсто—удалась калина, что твой виноградъ, сокъ такъ и прыщетъ, и тѣсто вышло такое разваристое, халва да и только. Вотъ Петька этимъ самымъ тѣстомъ-халвой и вымазался, приклеилъ себѣ драпки, какъ къ змѣю, придѣлалъ сзади хвостъ изъ мочалокъ, обмотался ниткой, да и къ бабушкѣ:

— Я,—говоритъ,—бабушка, змѣй, на тебѣ, бери клубокъ да пойдемъ подсади меня, а то онъ такъ безъ подсадки летать не любитъ.

А старая трясется вся, понять ничего не можетъ, одно чувствуетъ, наущеніе тутъ бѣсовское, да такъ, какъ стояла простоволосая, не выдержала и предалась въ руки нечистому,—взяла она обѣими руками клубокъ Петькинъ, пошла за Зміемъ подсаживать его, окаяннаго.

Хочетъ бабушка молитву сотворить, а изъ-подъ дранокъ на нее ровно кочерыжка, хоть и малюсенькая, такъ крантикомъ, а все же она, нечистая,—и запекаются отъ страха губы, отшибаетъ всю память.

Влѣзь Петька на бузину.

— Разматывай!—кричитъ бабушкѣ, а самъ какъ сиганетъ и—полетѣлъ, только хвостъ зачиклечился.

Бабушка клубокъ разматывать разматывала, но что было дальше, ничего ужъ не помнить.

— Пала я тогда замертво,—разсказывала послѣ бабушка,—и потопталъ меня Зміи лютый о семи головъ ужасныхъ и

такъ всю царपालъ кочерыжкой острой съ когтемъ и опачкалъ всю, ровно тѣстомъ, липкимъ чѣмъ-то, а вкусъ—медъ липовый.

На Покровъ бабушка приобщалась Святыхъ Тайнъ и Петьку съ собой въ церковь водила: прихрамывалъ мальчонка, колѣнку летавши отшибъ,—хорошо еще, что на бабушку пришлось, а то бы всю шею свернулъ.

„Конечно, все дѣло въ хвостѣ, отращу хвостъ, хвачу на седьмое небо ужъ прямо къ Богу, либо птицей за море улечу, совью тамъ гнѣздо, снесусь“...—Петька усердно кланялся въ землю и, будто почесываясь, ощупывалъ у себя сзади подъ штанишками мочальный змѣевъ хвостикъ.

Бабушка плакала, отгоняла искушенія.

РАЗРѢШЕНІЕ ПУТЬ.

— Иди къ намъ, Бабушка, иди, пожалуйста, глянь: наша Вольга ужъ твердо на ножки встаетъ!

Старая вѣщая знаетъ: съ веревкой дите народилось, крѣпко-на-крѣпко запутаны ноги веревкой, надо веревку распутать—и дите побѣжить.

Старая вѣщая знаетъ, ножикъ вострить.

Дѣвочка ручками машетъ, смѣется, а ротикъ зубатый—зубастая щука, знай тараторить...

— Да стой же, постой! — тянутся жесткіе пальцы къ рубашкѣ, зацепила старуха за воротъ, разрываетъ тихонько.

Заискрились синіе глазки, свѣтится тѣльце.

Старая вѣщая знаетъ, — видитъ веревку, шенчетъ за-клятье, рѣжетъ:

— Пунтилей, Пунтилей, путы распутай, чтобы Вольгѣ ходить по землѣ, прыгать и бѣгать, какъ прыгаетъ въ полѣ звѣрь полевое, а въ лѣсѣ лѣсное. Сними человѣче про-клятье съ младенца...

Пожелайте счастья мнѣ отъ ледяного сѣвера, сколько зеленыхъ цвѣтовъ смородины!

Пожелайте счастья мнѣ отъ знойнаго юга, сколько на нивѣ золотого зерна!

Пожелайте счастья мнѣ отъ широкой рѣки, сколько рыбъ на глубокомъ днѣ!

Пожелайте счастья мнѣ отъ дремучаго лѣса, сколько скрыто вольныхъ птицъ!

Пожелайте счастья мнѣ отъ темнаго бора, сколько зрѣеть ягодъ въ бору!

Пожелайте счастья мнѣ отъ топкихъ болотъ, сколько сосенъ стоитъ кругомъ!

Пожелайте счастья мнѣ, солнце! бѣлый свѣтъ! луна, радуга!

Пожелайте великимъ своимъ пожеланіемъ съ поперхъ головы до подножія ногъ.

903 г.

ТРОЕЦЫПЛЕНИЦА.

Съ дерева листьє опало, раздувается вѣтромъ.

По полямъ ходить вѣтеръ, все поднимаетъ, несетъ холодъ и дождикъ.

Протяжная осень.

Запустѣли сады, улетають послѣднія птицы. Приунывши, висять сорныя гнѣзда.

Попрятались звѣри. Некому вѣсти принестъ на хвостѣ: скрылся въ нору хомякъ, залегъ лежебока.

Намутили воду дожди, не состояться водѣ, рѣка—половодье.

И по тинистымъ ямамъ, гдѣ раки зимуютъ, сонныя бродятъ водяники.

Протяжная осень.

Всѣ пути и дороги исхожены,—невылазная грязь.

Черти торятъ пути, не траву—трынь траву, очертя голову, косятъ, да на межевомъ бугоркѣ, на черешкахъ въ свайку играютъ.

Волей-неволей, безъ прилуки летаютъ стадами съ мѣста

на мѣсто черныя галки, падаютъ на-косъ, кричатъ. Воробыи, гоняя собакъ, почувыркиваютъ.

Пошла непогода. Ненастье.

Бѣдовое время въ теплой избѣ.

Въ свины-поздни, лишь засмеркалось, трубой ввалились въ избу непорочныя благовѣрныя вдовы.

На-глухо заперли двери.

Бросили вдовы свои перекоры, прямо съ мѣста усѣлись за столъ.

На Хватавицину вдовы угощались блинами—поминали родителей, на Семикъ собирали сохлые старыя цвѣты, а теперь чередъ и за курицей: не простая курица—троецыпленца. Троецыпленца—трижды сидѣла на яйцахъ три семьи вывела: пятьдесятъ пять куръ, шестьдесятъ пѣтуховъ—добыча не малая!

Чинно роспили вдовы бутылку церковнаго, снимали съ себя подпояски, обмотали подпояской бутылку и пустую засунули Кузьмѣ за пазуху.

Долговязый Кузьма, по-бабы повязанный, пѣтухомъ пѣтушится, улещаеетъ словами, потчуетъ вдовъ на повалъ.

И въ полномъ молчаніи не рѣжутъ—ломаютъ курицу вдовы, ѣдятъ по-звѣриному, чавкаютъ.

Такъ по косточкамъ разберутъ онѣ всю троецыпленцу, да за яичницу.

А она глазуныя и трещить и прыщеть на жаркой сковородкѣ, обливается кипящимъ душистымъ саломъ.

Досыта, долго ѣдятъ, наѣдаются вдовы.

Оближутъ все пальчики, да съ разговоромъ вымоютъ руки и до послѣдней пушинки все: косточки, голову, хвостъ, перья и воду соберутъ все вмѣстѣ въ корчагу.

И зажигаются свѣчи.

Мокрыми курицами высыпаютъ вдовы съ корчагой на дворъ.

Вырыли ямку, покрыли корчагу онучей, закапывают курочку.

И всё, какъ одна, не спѣша съ пережевкой, съ перегнутой затагнули вдовы надъ могилкой куриную пѣсню.

Пѣсней славятъ—молють троецыпленицу.

Тутъ Кузьма, не снимая платка, избоченился.

Не подкузьмить Кузьма, вѣтъ изъ себя веревки, хочешь илyani по немъ, только держись!

И разводять вдовы бобы, кудахчатъ, какъ куры, алалакаютъ.

Обдуваетъ холодомъ вѣтеръ, помачиваетъ дождикъ.

Вцѣпляется Бѣсъ въ ребро, подаетъ Водяной человѣчскій голосъ.

Темъ, ни зги. Скоро пѣтухъ запоетъ.

Мольба умолкаетъ. Въ избѣ тушатъ огни.

Протяжная осень.

На задворкахъ щенята трепали онучу, построшили священныя перья троецыпленицы.

Растянувшись бревномъ, гналъ до дому Кузьма, кукурекаль.

А дождь такъ и сѣтъ и сѣтъ...

Протяжная осень.

НОЧЬ ТЕМНАЯ.

Не въ трубы трубятъ, — свиститъ вѣтеръ-свистень, шумитъ, убабушевался. Такъ не шумѣла листьями липа, такъ не мели метлами ливни.

Хунды-трясучки шуршали подь крышей.

Не гавкала старая Шавка, свернувшись, хоронилась Шавка въ сторожкѣ у сѣдого Шандыря, — Шандырь-шентунъ пускалъ по вѣтру нашенцы, сторожилъ, отгонялъ отъ башни злыхъ хундовъ.

Въ башнѣ шелъ пиръ: взбунтовались ухваты, заплясала сама кочерга, Пери да Мери, Шуды да Луды—все шуты и шутихи задавали плясъ, скакали по горницѣ, инда отъ топота прыгаль полъ, ходила ходуномъ половица.

Блѣдень, какъ мѣсяць, сидѣлъ за столомъ Иванъ-царевичъ.

За шумомъ и непогодой не было слышно, сказалъ ли царевичъ хоть слово, вздохнулъ ли, посмотрѣлъ ли хоть разъ на невѣсту царевну Копчушку.

Въ сердце царевны уложилъ вѣтеръ все ея мысли.

Прошлой ночью царевичъ нехорошій пригласился сонъ, но теперь не до сна, только глазки сверкають.

Ждали царевича долго не годъ и не два, темные слухи кутали башню. Каркаль Кокъ-Кокоряшка: „Умеръ царевичъ!“—А вотъ дождались: самъ прилетѣлъ ясный соколь.

Всѣмъ заправляла Коза: извѣстно, Коза—на всѣ руки, не занимать ей ума,—и угостить, и позабавить, и хохотать верховая.

А вѣтеръ шумѣлъ и бѣсился, свистѣлъ свистень, сѣкъ тучи, стрекалъ звѣзду о звѣзду, заволакивалъ темно, гулъ угрюмо, уныло густой садъ, какъ сухую былинку, и колотилъ прутья о прутья.

Ходила вѣдьма Коца вокругъ башни, подслушивала.

Плотно въ башнѣ затворены ставни,—чуть видная щелка. Покажется мѣсяцъ, занадеть въ башню и блѣдный играетъ на мертвомъ—на царевичѣ мертвомъ.

Давнымъ-давно на серебряномъ озерѣ у семи коловъ лежитъ другъ его, сѣрый Волкъ, и никто къ сѣрому не приступитъ. Отгрызли сѣрому волку хвостъ,—не донесъ сѣрый Волкъ до царевича воду!—и рядомъ съ Волкомъ въ кувшинчикахъ нетронутая стоитъ живая вода и мертвая: не придетъ ли кто, не выручитъ ли сѣраго! А Иванъ-царевичъ за крѣпкими стѣнами, и никто къ нему не приступитъ. Ивана-царевича—ужъ цѣлая ночь прошла—за крѣпкими стѣнами повѣсили.

— Пронюхаетъ Коза, догадается... скажетъ царевичъ, возьметъ, вспырнетъ царевну: „Съ гуся вода, съ лебедя вода“...—тутъ вѣдьма Коца понерхнулась, крикнула Соломину-воромину.

Соломина-воромина тутъ-какъ-тутъ.

Сѣла Коца на корявую да къ щелкѣ. Отыскала сучокъ,хватила безмяннымъ пальцемъ сучокъ—украли языкъ у Козы:

— Какъ сукъ не ворочается, какъ безымянному пальцу имени нѣтъ, такъ и языкъ не ворочайся во рту у Козы.

И въ мигъ онѣмѣла Коза, испугалась Коза, бросила башню. Ушла Коза въ горы.

Черви выточили горы. Червей поклевали птицы. Птицы улетѣли за теплое море.

Пропала Коза. И никто не знаетъ, что съ Козой и гдѣ она колобродитъ рогатая.

А вѣдьма Коца вильнула хвостомъ и—улизнула: ей, Коцѣ, вездѣ мѣсто!

И кончился пиръ.

Пери да Мери, Шуды да Луды—все шуты и шутихи нализались до чортиковъ, влежку лежали.

Хунды-трясучки трясели и трепали сѣдого шестуна-Шандыря. Мяукала кошкой Шавка отъ страха.

Сѣлъ царевичъ съ Копчуншкой-царевной, поѣхали. Ъдутъ.

А ночь-то темная, лошадь черная.

Ъдетъ-ѣдетъ, царевичъ, ѣдетъ, да пощупаетъ: тутъ ли она?

Выглянетъ мѣсяцъ. Мѣсяцъ на небѣ,—блѣдный на мертвомъ играетъ. Мертвый царевичъ живую везетъ.

Проѣхали гремучъ виръ проклятый.

А ночь-то темная, лошадь черная.

— Милая,—говоритъ,—моя, не боишься ли ты меня?

— Нѣтъ,—говоритъ,—не боюсь.

Проѣхали чортовъ логъ.

А ночь-то темная, лошадь черная.

И опять:

— Милая,—говоритъ,—моя, не боишься ли ты меня?

— Нѣтъ,—говоритъ,—не боюсь,—а сама ни жива, ни мертва.

У семи коловъ на серебряномъ озерѣ, гдѣ лежитъ сѣрый

волкъ, у семи коловъ какъ обернется царевичъ, зубы оскалилъ, мертвый—бѣлый—блѣдный, какъ мѣсяць.

— Милая, — говоритъ, — моя, не боишься ли ты меня?

— Нѣтъ...

А ночь темная, лошадь черная...

— Амъ!!!—сѣлъ.

ЗИМА ЛЮТАЯ

К О Р О Ч У Н Ъ.

Дунуло много,—буйны вѣтры.
Всѣ цвѣты привозблекли, свернулись.
Вдарило много,—люты морозы.

Среди поля весь въ хлопьяхъ дроковитый дубъ, какъ бѣлый цвѣтокъ.

Катячь и сходятся пухомъ снѣговья тучи, подползають метелица, порошокъ пути, мететь во-всю, бьетъ глаза, за-слѣпляють: ни входу, ни выходу.

И вѣтеръ Вѣтренникъ, вставая вихоремъ, играетъ по полю, врывается клубами въ теплую избу: не отворяй дверь на морозы!

Царствуетъ дѣдъ Корочунъ.

Въ бѣлой шубѣ, босой, потряхивая бѣлыми лохмами, тряся сивой большой бородой, Корочунъ ударяеть дубиною въ пень,—и звенять злющія зюзи, скребуть коготками морозы, ажъ воздухъ трещить и ломается.

Царствуетъ дѣдъ Корочунъ.

Коротить дни Корочунъ, дней не видать, только вечеръ и ночь.

Звонкія крѣпкія почи.

Звѣздныя почи, яркія, все видно въ полѣ.

Щелкають зубомъ голодные волки. Ходить по лѣсу злой Корочунъ и реветъ, — не попадайся!

А изъ-за пустынныхъ болотъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, почуя голосъ, плдутъ къ нему звѣри безъ понята, безъ завороту.

Непокорнаго—палкой, такъ что сѣкнетъ на-двое кожа.

На измѣнника—семихвостая плетка, семь подхвостниковъ: разъ хлеснетъ—семь рубцовъ, другой хлеснетъ—четырнацать.

И сыплетъ и сыплетъ снѣгъ.

Люты морозы,—глубоки снѣги.

Съ вечера пѣтухи кричатъ, съ полудня метелица, къ бѣлому свѣту люты морозы.

Люты морозы,—глубоки снѣги.

Не скоро Свѣту—солнцу родиться, далекъ солнворотъ. Хорошо медвѣдю въ теплой берлогѣ, и въ голову косматому не приходитъ перевернуться на другой бокъ.

А дни все темнѣй и короче.

На голодную кутью ты не забудь бросить Дѣду первую ложку,—Корочунъ кутью любитъ. А будешь на Святкахъ рядиться, нарядись медвѣдемъ,—Корочунъ медвѣдя не съѣстъ.

И разворчался, тошаетъ, мѣсяцъ катаетъ по небу, стучитъ неугомонный,—Корочунъ неугомонный.

Старый котъ Котофей Котофенчъ, сладко курлякая, коротаешь корочуново долгое время, — рассказываетъ сказки.

МЕДВѢДЮШКА.

1.

Среди ночи проснулась Аленушка.

Въ дѣтской душно. Нянька Власьева хранить и задыхается. Красная лампадка нагорѣла: красное пламя то вспыхнетъ, то погаснетъ.

И никакъ не можетъ заснуть Аленушка: страшно ей и жарко ей.

„Папа поздно пришелъ, — вспоминается Аленушкѣ, — я собиралась спать, папа и говоритъ: „Смотри, Аленушка, на небо, звѣзды упадутъ!“ И мы съ мамой долго стояли, въ окно глядѣли. Звѣзды такія маленькія, а золотой водицы въ нихъ много, какъ въ брошкѣ у мамы. Холодно у окна, долго нельзя стоять. Когда идешь съ папой къ ранней обѣднѣ, тоже холодно: колоколь звонитъ, какъ къ покойнику. Власьева вчера рассказывала, будто покойникъ Иванъ Степановичъ рукой во снѣ ее ловить... А звѣздъ много на небѣ, звѣзды разговариваютъ, только не слышать. Дядя Федоръ Иванычъ говоритъ, будто летаетъ онъ къ звѣздамъ и

ночью слушаетъ, какъ звѣзды поютъ тонко-тонко. Днемъ ихъ нѣтъ, днемъ онѣ спятъ. Тоже и я полечу, только бы достать золотыя крылья... А папа подошелъ и говоритъ: „Аленушка, звѣзда падаетъ!“ И золотая ленточка долго горѣла на небѣ и потомъ пропала. Холодно звѣздочкѣ, гдѣ-нибудь лежитъ она, плачетъ,—моя звѣздочка!“

Аленушкѣ такъ страшно и такъ жалко звѣздочки. за-ныла Аленушка.

— Попить, няня, по-пить!

И когда Власевна нянька подаетъ Аленушкѣ кружку, Аленушка жадно пьетъ, вытягивая губки.

Теперь Аленушка свернулась калачикомъ и заснула.

И кажется ей, летитъ она куда-то къ звѣздамъ, какъ летаетъ дядя Федоръ Ивановичъ, попадаютъ ей навстрѣчу звѣздочки, протягиваютъ свои золотыя лапки, сажаютъ ее къ себѣ на плечи и кружатся съ ней, а мѣсяцъ гладитъ ее по головкѣ и тихо шепчетъ на самое ушко:

„Аленушка, а Аленушка, вставай, солнышко проснулось, вставай, Аленушка!“

Аленушка щуритъ глазышки, а все еще кажется ей, будто летитъ она къ звѣздамъ, какъ дядя Федоръ Ивановичъ.

— Что тебя не добудишься, вставай скорѣе!—это мама, мама наклонилась надъ кроваткой, щекочетъ Аленушку.

2.

Аленушкина звѣздочка долго летала и унала, наконецъ, въ лѣсъ, въ самую чащу, гдѣ старья ели сплетаются мохнатыми вѣтвями и страшно гудятъ.

Проснулся густой, сизый дымъ, поползъ по небу, и кончилась зимняя ночь.

Вышло и солнце изъ своего хрустального терема нарядное, въ красной шубкѣ, въ парчевой шапочкѣ.

Прозрачная, съ синими грустными глазками, лежитъ Аленушкина звѣздочка неподалеку отъ заячьей норки на мягкихъ иглахъ: вдыхаетъ морозъ.

А солнышко походило-походило надъ лѣсомъ и ушло домой въ свой хрустальный теремъ.

Поднялись снѣжныя тучи, залегли по небу, стало смеркаться.

Дребезжалцимъ голосомъ затянулъ вѣтеръ—ворчунъ свою старую зимнюю пѣсню.

Глухая метель прискакала, глухая кричитъ.

Снѣгъ заплясалъ.

Дремлетъ у заячьей норки бѣдная звѣздочка, оттаявшая слезинка катится по ея звѣздной щекѣ и замерзаетъ.

И кажется звѣздочкѣ, она снова летитъ въ хороводѣ съ золотыми подругами, имъ весело и хохочуть онѣ, какъ хохочетъ Аленушка. А ночь хмурая старой нянькой Власьевной глядитъ на нихъ.

3.

Выставляли рамы.

Цѣлый день стоитъ Аленушка у раскрытаго окна.

Чужіе люди проходятъ мимо окна, ломовые трясутся, вонь плетется возъ съ матрацами, столами и кроватями.

„Это на дачу!“—рѣшаетъ Аленушка.

А небо голубое, чистое, небо Аленушкѣ ровно улыбается.

— Мама, а мама, а когда мы на дачу?—пристаетъ Аленушка.

— Уберемся, дѣточка, сложимъ все и поѣдемъ далеко, дальше, чѣмъ прошлымъ лѣтомъ! — сказала мама: мама нибетъ халатикъ Левѣ, и ей некогда.

„Поскорѣ бы уѣхать!“—томится Аленушка.

На игрушки и смотрѣть Аленушкѣ не хочется, такія деревянные игрушки, скучныя. Игрушкамъ тоже зима надоѣла.

Долго накрываютъ на столъ, стучать тарелками.

Долго объѣдаютъ. Аленушкѣ и кушать не хочется.

Приходитъ дядя Федоръ Ивановичъ, говорить съ мамой о какихъ-то стаканахъ, смѣется и дразнить Аленушку.

А Аленушка слоняется изъ угла въ уголъ, заглядываетъ въ окна, капризничаетъ, даже животикъ у ней разболѣлся.

Не дожидаясь папы, уложили ее въ кроватку.

И сквозь сонъ слышитъ Аленушка, какъ за чаемъ папа и мама и дядя Федоръ Ивановичъ въ столовой толкуютъ объ отъѣздѣ на дачу въ лѣсъ въ дремучій, гдѣ деревья даже въ домѣ растутъ, надъ крышей растутъ. Вотъ какія деревья!

Головка у Аленушки кружится.

Ей представляется большая зеленая елка, ярко освѣщенная разноцвѣтными свѣчками, въ бусахъ, въ пряникахъ, елка идетъ на нее, а изъ темныхъ угловъ крадутся медвѣди бѣлые и черные въ золотыхъ онейникахъ, съ бубенцами, съ барабанами и падаютъ, летаютъ вокругъ медвѣдей золотыя звѣздочки.

„А гдѣ та, моя, гдѣ моя звѣздочка? — вспоминаетъ Аленушка, — дядя сказалъ, вырастетъ изъ нея такая же дѣвочка, какъ я, или звѣрушка. И что это за такая звѣрушка?“

— Ну что, Аленушка, какъ твой животикъ? — это папа, папа тихонько наклонился надъ Аленушкой, крестить ее.

— Нѣтъ! — сквозь сонъ ницить Аленушка.

— Выздоровливай скорѣй, дѣточка, на дачу завтра ѣдемъ, горы тамъ высокія, а лѣса дремучіе!

Аленушка перевернулась на другой бокъ, крѣпко-крѣпко обвила подушку и засонѣла.

4.

Какъ-то сразу замолкли вихри, и разлившіяся рѣки задремали.

Зардѣлись почки, кое-гдѣ выглянули первые шелковые листики.

Сѣдя, каменные вѣтки оленьяго моха блѣдно зазеленѣлись, разнѣжились; поползли на цѣпкихъ бархатисто-зеленыхъ лапкахъ разноцвѣтные лишай; медвѣжья ягода покрылась восковыми цвѣточками.

Птицы прилетѣли, и въ гнѣздахъ запищали маленькія дѣтки—птички.

Проснулась у заячьей норки и Аленушкина звѣздочка. За зиму-то вся покрылась она шерстью, какъ медвѣдюшка. На лапкахъ у ней выросли острые медвѣжьи коготки, и стала звѣздочка не звѣздой, а толстеннымъ, кругленькимъ медвѣженкомъ.

Хорошо медвѣженку прыгать по пнямъ и кочкамъ, хорошо ему сучья ломать, наряжаться цвѣтами.

Скоро научится онъ рычать по медвѣжьи и пугать маленькихъ птичекъ.

— Сидите, дѣтки, въ гнѣздышкахъ, — учитъ мать-птица, — медвѣдюшка ходитъ, укусятъ не укусятъ, а страху отъ него наберетесь большого.

Цѣлыми днями бродитъ медвѣженокъ по лѣсу, а уставеть—ляжетъ гдѣ-нибудь на солнышкѣ и смотритъ: и какъ муравьи съ своимъ царствомъ копошатся, и какъ цвѣточки да травки живутъ, и какъ мотыльки рѣзвятся,—все ему мило и любопытно.

Полежитъ, поотдохнетъ медвѣженокъ и пойдетъ. И куда-куда не заходить: разъ чуть въ болотѣ не завязъ, насилиу отъ мошекъ отбился, и смѣялись же надъ нимъ позабудки, мхи хохотали, поддразнивали. А то повстрѣчалъ чудовище... птицы сказали,—о х о т н и к ѣ.

— Человѣка остерегайся, глунышь!—долбилъ дятель,—человѣки тебя въ цѣпь закуютъ. Вонъ Скворца Скворцовича изловили, за рѣшеткою теперь, воли не даютъ. Летать къ

нему—„Живъ, пищитъ, корму вдосталь, да скучно“. У нихъ все вотъ такъ!

А медвѣженку и горя мало, прыгаетъ да гоняется за жуками, и только, когда багровѣетъ небо и сѣрые туманы идутъ дозоромъ и мѣсяцъ выходитъ любоваться на сонный лѣсъ, засыпаетъ онъ, гдѣ попало, и до утра дрыхнетъ.

Какъ-то медвѣженокъ и заблудился.

А ночь шла темная, душная.

Птицы и звѣри ни гугу въ своихъ гнѣздахъ и норкахъ.

Ходилъ медвѣженокъ, ходилъ, и такъ вдругъ страшно стало, принялся выть,—а голоса не подають. И собрался ужъ подъ хворостъ лечь, да вспомнился дятель.

„Еще сцапають, да въ цѣпь закують, пойду-ка лучше!“

По лѣсу пронесся долгій, урчащій гулъ, и листья затряслись, ровно отъ ужаса. Голубыя змѣйки прыгали на крестахъ елей и что-то трескалось, билось у старыхъ, рогатыхъ корней.

Какъ угорѣлый, пустился медвѣженокъ, куда глаза глядятъ, бѣжалъ-бѣжалъ, исцаранался, духъ перевести не можетъ, хватъ—голоса, огонекъ. Обрадовался.

„Птичье гнѣздо!“—подумалъ.

А огонекъ разгорался, голоса звенѣли.

Раздвинулъ медвѣженокъ кусты и видитъ: огромный свѣтлый залъ, много чудовищъ — охотниковъ, ѣдятъ охотники и что-то лопочуть.

— Ты, Аленушка,—говоритъ мама,—одна въ лѣсъ не ходи, тамъ тебя медвѣди съѣдятъ. Дядя Федоръ Ивановичъ намеренъ пошелъ на охоту, а ему медвѣженокъ навстрѣчу, крохотный, съ тебя!

— Папа, а папа,—обрадовалась Аленушка,—поймай ты мнѣ этого медвѣженка, я играть съ нимъ буду!

А медвѣженокъ, какъ услышалъ, зарычалъ и вышелъ.

— Смотрите, смотрите,—кричала мама,—вонъ медвѣженокъ!

Тутъ всѣ бросились изъ-за стола, папа супъ пролилъ.

— Медвѣдюшка, иди, иди къ намъ, ужинать съ нами, медвѣдюшка!—прыгала Аленушка.

И медвѣдюшка подошелъ, нюхнулъ,—очень ужъ понравилась ему бѣленькая дѣвочка.

И Аленушкѣ медвѣдюшка очень понравился: усадила она его рядомъ съ собою, гладила мордочку, тыкала въ носъ ему бѣлый хлѣбъ. А онъ ласково смотрѣлъ въ ея свѣтлыя глазки, сонѣлъ: такъ усталъ и напугался.

— Ну, вотъ и медвѣжепокъ у тебя, играй съ нимъ, а теперь отправляйся въ кроватку, и такъ засидѣлась!

— И онъ со мною?—робко спросила Аленушка.

— Нѣтъ ужъ, иди одна, его къ кусту папа привяжетъ!

Мама сердилась на папу за супъ, и Аленушка, едва сдерживая слезы, одна пошла въ дѣтскую.

Долго не спалось ей, все она думала о медвѣженкѣ, какъ они вмѣстѣ въ лѣсѣ будутъ ходить, какъ ягоды собирать,—бояться некого, никто съ медвѣженкомъ не съѣстъ.

— Медвѣдюшка, миленькій мой медвѣдюшка, бѣдненькій!—шептала Аленушка и засыпала.

5

Какъ проснется Аленушка, прямо бѣжитъ къ медвѣдюшкѣ, отвяжетъ его отъ куста и чего-чего только не дѣлаетъ: и тискаетъ его и надѣваетъ папину старую шляпу и садится верхомъ или долго водить за лапку и разговариваетъ.

Медвѣдюшка все понимаетъ, только говорить не можетъ, рычить.

Такъ незамѣтно проходятъ дни.

Съ Аленушкой хорошо медвѣдюшкѣ, а привязанный онъ тоскуетъ, вспоминаетъ птицъ и звѣрей разныхъ.

Подопла осень, захолодѣли ночи. Ужъ пзрѣдка топили печи.

Медвѣдюшка слышалъ, какъ папа и мама разговаривали объ отѣздѣ домой, да и Аленушка брала его за лапку, гладила, цѣловала въ мордочку.

— Скоро одинъ останешься,—говорила она медвѣдюшкѣ,—напа и мама не хотятъ тебя брать, ты кусаться будешь.

А сегодня мама сказала Аленушкѣ, чтобы она не очень-то водилась съ медвѣдюшкой.

— Дядя вонъ погладилъ твоего медвѣдюшку, а онъ его за носъ и цапъ!

„Ужъ не удрать ли въ лѣсъ, а то убьютъ еще!“—раздумывалъ медвѣдюшка, и такъ ему было тоскливо, и больно, и жалко Аленушку.

Собирались уѣзжать.

Вечеромъ пріѣхали гости, и мама играла на рояли.

Когда же дядя загѣлъ, началъ и медвѣдюшка подвывать изъ куста. И вдругъ разсвирѣгѣлъ, оборвалъ ошейникъ, да прямо въ залъ.

Всѣ страшно перепугались, словно пожара какого, бросились ловить медвѣженка, а когда поймали его, тянули онъ маму за палецъ.

Тутъ всѣ закричали.

— Мой медвѣдюшка, не троньте его!—визжала Аленушка. А медвѣдюшку связали и потащили.

— Куда вы дѣли моего медвѣдюшку?—всхлинывала Аленушка, вытягивала длинно-длинно свои оттопырки-губки.

— Ничего, дѣточка,—утѣшала Власьевна,—въ лѣсъ его пустять ходить, тамъ ему способнѣе будетъ. Сии, Аленушка, сии, утресь домой поѣдемъ, игрушки-то поди соскушнились по тебѣ!

— Не надо мнѣ игрушковъ, медвѣдюшка мо-ой, какіе вы всѣ-ѣ!

Лицо ея покраснѣлось, слезы такъ и бѣгутъ...

Частыя-частыя звѣзды осеннія изъ серебра, золотыя, тихо перелетаютъ, льются по небу.

Мѣсяць куда-то ушелъ.

Трещатъ сучья. Улетаютъ листья, гудятъ.

— Медвѣдюшка идетъ, прячьтесь скорѣе! — перекликаются птицы и звѣри.

Съ шумомъ раздвигая вѣтви, выходитъ медвѣдюшка: на шеѣ у него оборванная веревка, и торчитъ клоками шерсть. Насушился.

Такъ подходитъ медвѣдюшка къ берлогѣ, разрываетъ хворостъ, спускается въ яму, рычитъ:

— Спать заялягу, да поотдохну малость!

И раздается по всему лѣсу храпъ: это медвѣдюшка лану сосеть, снить.

Стаями выпархиваютъ птицы, собираются въ стаи, улетаютъ птицы въ теплыя страны, покидая холодъ, оставляя старыя гнѣзда до новой весны.

Лампадка зацурилась, пыхнула и погасла.

Сѣрый утренній свѣтъ тихомолкомъ подползъ къ двойнымъ рамамъ оконъ, заглянулъ украдкой въ дѣтскую, и почная тьма посѣдѣла и медленно побрела по потолку и стѣнамъ, а по угламъ встали тѣни—столбы мутныя, какіе-то сонныя.

Котофей Котофенчъ, черный бархатный котъ, приподнялся на своихъ бѣлыхъ подушечкахъ-лапкахъ, изогнулся, и сладко зѣвнувъ, прыгнулъ къ Аленушкѣ на кровать.

Аленушка таранцила заспаннныя глазыньки: ужъ не медвѣдюшка ли бросился съѣсть ее?

А Власьевны нѣтъ...

На кухнѣ глухо стучать и ходить.

Котъ подвернулъ лапки, вытянулъ усатую мордочку и зашѣлъ.

Теперь совсѣмъ не страшно.

„Господи, — мечтаетъ Аленушка, — хоть бы Рождество поскорѣе, а тамъ и Пасха, къ заутренѣ пойду, на Пасху хорошо какъ!“

Опухшія за ночь губки сурьезничаютъ, а личико свѣтится, и улыбается Аленушка, словно вотъ ужъ волхвы идутъ со звѣздою, большущую тащатъ елку, въ пряникахъ.

1900 г.

М О Р Ц И Н К А.

1.

Въ чистомъ полѣ жили-были двѣ мышки: Алишка-кургузка и Морцинка-долгоуска. Старая Алишка ходила на промыселъ добывать себѣ на день пищу, а молоденькой наказывала, чтобы сидѣла себѣ дома, убирала постельки.

Постельки у мышекъ были изъ листьевъ, подушки изъ цвѣточковъ, одѣяльца изъ душистой травки.

Хорошо было Морцинкѣ въ тѣсной норкѣ, да не весело. Крошечное окошечко изъ мотыльковыхъ крылышекъ пропускало чуть маленькїи желтый свѣтикъ. Темно было въ норкѣ.

Усядется мышка на сырой подоконникъ, грызетъ морковку и думаетъ, либо усикомъ по стеклышку выводить тонкими буковками чистое поле.

Никогда не видала Морцинка чистаго поля.

Въ теплый полдень возвращалась съ добычи Алишка, приносила ѣды, угощала Морцинку.

Сидѣли мышки, въ молчанїи кушали.

А потомъ въ постельки ложились.

— Тетушка, тетюшка, расскажи мнѣ про чистое поле,—приставала Морцинка-долгоуса.

— Про чистое поле?—зѣвала Алишка, трудно было кургузкѣ рассказывать послѣ обѣда,—чистое поле просторно, въ полѣ тепло и раздолье, за полемъ тонкое болото, тамъ живутъ незабудки, за болотомъ дремучій лѣсъ, за лѣсомъ быстрая рѣчка, за рѣчкой гора—курганъ, на горѣ Забругальскій замокъ.

— Ой, ой, какъ страшно, вотъ бы туда!—пищала Морцинка.

— А Носатая птица?

— Какая Носатая!?

— А такая, сидитъ на болотѣ. Словить тебя, да и скушаетъ.

— А я не поддамся!

— Одинъ такой не поддался!—отстраняла сердито сонная Алишка.

Въ щелку дверки проходилъ вѣтерокъ, приносилъ съ поля пыльцу дунистую. Мышекъ морило.

— Тетушка, а тетюшка, расскажи мнѣ про Носатую птицу!

Но ужъ тетюшка задавала хрѣвъ во всю Ивановскую.

2.

Разъ замѣшкалась старая Алишка въ полѣ. Морцинка одна осталась, убрала Морцинка постельки и скуки ради зубки точила. Точила-точила и выглянула изъ норки. И ей поправилось. Повела Морцинка долгимъ усикомъ—да въ чистое поле.

Вотъ она, листикъ за листикъ, кустокъ за кустокъ, мимо

Носатой птицы, мимо чудищъ, по болоту, по лѣсу, по рѣчкѣ на горку—курганъ и очутилась у Забругальскаго замка.

Долго ли, коротко ли,—пришла Алишка домой, принесла кулекъ разныхъ съѣдобныхъ, хватъ-похватъ, а Морцинки нѣтъ въ норкѣ.

Не пила старая съ горя, не ѣла, достала изъ-подъ подушки карты, стала гадать.

— На кого ты меня покинула!—плакала Алишка, утиралась платочкомъ изъ листьевъ.

Выходило по картамъ такое, что страсть: и Клещия и Носатая птица и какіе-то раки...

— На кого ты меня покинула!—плакала Алишка, да такъ и проплакала вплоть до глубокой ночи.

А Морцинка походила-походила вокругъ страшнаго замка, шмыгнула въ ворота и пошла въ чистую кладовую.

А въ чистой кладовой чего-чего не было: и пирожки слоеные сладкіе, и ветчина съ горошкомъ, и мыло розовое, и разноцвѣтныя свѣчки.

Всего Морцинка отвѣдала. Досыта наѣлась, сѣла въ уголокъ, посидѣла, запѣла пѣсенку да подумала.

И уходить не охота. Не жизнь, а масленница!

Взяла мышка свѣчку подъ мышку, да и за ворота.

Съ горки по рѣчкѣ, съ рѣчки по лѣсу, изъ лѣса въ болото, съ болота по полю мимо Носатой птицы, мимо чудищъ—прибѣжала домой Морцинка, говоритъ Алишкѣ:

— Тетушка, тетюшка, что мы въ этой въ своей противной норкѣ холодаемъ да голодаемъ. Пойдемъ-ка въ Забругальскій замокъ.

— Да ты что, съ ума что ли спятила?—всплеснула руками Алишка.

А Морцинка на тетюшку: рассказала ей о замкѣ, о зубчатыхъ стѣнахъ, и какая остроносая башня и какія ворота,

разсказала про чистую кладовую и про всё сладкія лакомства.

Не тутъ-то было. Старую не уломаешь.

Бла старая свѣчку, похваливала, на своемъ стояла.

— А Носатая птица меня и не скушала! — хвасталась Морщинка.

— А Клешня одноглазая?

— Какая одноглазая!?

— А такая, въ рѣчкѣ живеть. Спалаеть тебя, защемишь головку въ колѣни, да всю съ косточками и проглотить.

— Анъ не проглотить!—ничала Морщинка.

Утро вечера мудренѣе.

Тихо лежали мышки въ постелькахъ.

Тихій дождикъ въ полѣ шель, кропилъ цвѣточки да травки да ягодки.

— Тетушка, а тетушка, разскажи мнѣ про Клешню одноглазую!

А тетушка ужъ седьмой сонъ видѣла, горы городила.

3.

Еще до свѣту подняла Алишка Морщинку съ постельки. Ночью старой сонъ снился: приходила къ ней Коза-золотые рога, хороводилась.

Видѣть Козу во снѣ—хорошо, а Козла—непріятность.

Принарядилась старая, и Морщинка принарядилась. Долго мышки вертѣлись у зеркальца, зеркальце у мышекъ—ропинка, охоранивались мышки.

Ужъ солнце взошло, когда вышли мышки изъ норки въ свой опасный путь.

Полемя шли хорошо.

Чистое поле просторно, въ полѣ тепло и раздолье, отъ

ночного дождя глазки у травокъ горѣли и развѣвались кудряшки на синихъ цвѣточкахъ.

— Тетушка, тетюшка, чистое поле!—пищала Морщинка. Старая застилась лапкой.

— Тетушка, сколько цвѣточковъ на полѣ!

Старая думала думу: голубѣло подъ носомъ тонкое болото.

Мышки притихли, мышки согнулись.

— Чего вы тутъ шляетесь!—окрикнула Носатая птица.

Большія были передрыги въ болотѣ. Ползкомъ ползли мышки.

— Мы только въ замокъ,—шептала Алинка: колотилось у мышекъ сердечко.

— А! такъ вы въ замокъ...—разинула клювъ Носатая птица.

Едва улизнули отъ Птицы.

— Наказаніе съ тобою,—ворчала Алишка, оступаясь о кочки.

Въ тревогѣ достигли мышки дремучаго лѣса.

Откуда ни возьмись Коза-золотые рога.

— Куда,—говорить,—вы, мышки, путь держите?

Сѣли мышки въ холодокъ подъ кустикъ, все Козѣ рассказали.

— Ну, идите, Богъ съ вами, только моихъ козлятокъ не трогайте!—погрозила Коза пальчикомъ.

— Да ужъ не тронемъ, что ты, Коза!—въ голосъ сказали мышки, попрощались съ Козой и пошли себѣ дальше.

А дальше лелѣялась быстрая рѣчка.

Сѣли мышки въ лодочку, поѣхали. Ъхали, мочили въ водѣ лапки, перемигивались съ рыбками.

Хорошо на рѣчкѣ, вода студеная, любо поплавать подъ солнышкомъ.

Захотѣлось мышкамъ выкупаться въ рѣчкѣ.

И только что собрались онѣ причалить къ берегу, Клешня цань-царань!—прямо на мышекъ и зацемила имъ хвостыки.

Восплакались мышки:

— Пусти,—говорять,—пусти насъ, одноглазая!

— Не пущу,—говорить,—откупитесь.

Мышки и серебра ей и золота и яхонтовъ.

— Не надо,—говорить,—миѣ ни серебра вашего, ни золота, ни яхонтовъ.

Насилу отъ Клешни отбоярились, пообѣщали ей полцарства отдать.

Цѣлое полцарство мышиное!

Сѣла Клешня на рака, нырнула въ рѣчку, а мышки на горку полѣзли.

— Песъ ее знаетъ! — оправлялась Алишка: закрутили раки ушки у старой,—съ тобою, Морщинка, еще и послѣдній хвостъ потеряешь.

А Морщинка торонить:

— Тетушка, тетушка, вонъ замокъ бѣлѣеть, вонъ остроноса башня!

Карабкались мышки, карабкались, помаленьку и влѣзли.

Обошли мышки вокругъ страшнаго замка, изловчились—шмыгнули въ ворота и прямо въ чистую кладовую попали.

А въ чистой кладовой чего-чего не было.

— Вонъ, тетушка, пирожки слоеные сладкіе, вонъ ветчина съ горошкомъ, вонъ мыло розовое, вонъ разноцвѣтныя свѣчки...

И только что успѣла Морщинка сказать о свѣчкахъ, какъ защелкалъ замокъ въ кладовую.

И гдѣ-то надъ самой головой съ трескомъ распахнулась ставня, а изъ дыры съ потолка стало вываливаться маленькими колбасками что-то ужасное: змѣя не змѣя, ракъ не ракъ, Богъ знаетъ что.

Вываливалось чудовище, скалило зубы.

— Опять эти противныя мыши! Пиди, ихъ, Фингаль, раздави, растопчи!

— Хорошо, раздавлю, растопчу! — отвѣчалъ песь Фингаль.

Алишка въ миску, Морицинка подъ миску, сѣли мышки ни живы, ни мертвы, сидятъ.

Вываливалось чудовище—колбаска за колбаской, кусокъ за кускомъ.

— Ну, пойдѣмъ, Фингаль, мыши ушли.

Съ трескомъ захлопнулась ставня.

Защелкнулъ замокъ.

Часъ и другой и десятый высидѣли смирно ошарашенныя мышки, не пискнули.

Первая вылѣзла Морицинка изъ подъ миски.

— Тетушка, тетюшка, пойдѣмъ скорѣе. Хоть бы намъ сахарную голову сулили, больше никогда не пойдѣмъ въ этотъ замокъ.

А старая завязла въ вареньѣ, трясется: хвостикъ у бѣдняжки отвалился отъ страха.

Кое-какъ выбрались мышки и давай Богъ ноги.

Бѣжали, бѣжали, а какъ скатились съ горки—кургана, въ лужу и сѣли.

Бѣдетъ Клешня на ракѣ, ракомъ погоняетъ. И защемила Клешня головки мышкамъ.

— Подавайте, — говорить, — мнѣ полцарства, сію минуту, мышинное!

А на мышкахъ лица нѣтъ, на все соглашаются.

Видитъ Клешня, и безъ нея имъ попало, пощипала, Клешня, пощипала мышекъ и выпустила.

Покупаться бы теперь мышкамъ, да не до того ужъ.

Сѣли мышки въ лодочку, поѣхали. Переплыли рѣчку благополучно, въ лѣсъ вѣтушили.

Хотѣли онѣ съ Козой поговорить, а Коза козлятокъ кормила, только глазами поздоровалась.

А ужъ Носатая птица кричитъ съ болота:

— Давайте мнѣ ваши головы на отсѣченіе или сами полѣзайте немедленно въ клювъ!

Струхнули мышки пуще прежняго, съежились комарикомъ, закрыли глазки, да драла, куда попало.

Бѣжали онѣ, бѣжали, бѣжали-бѣжали, прибѣжали въ норку общипанная, обглоданная, облупленная. Съли.

И ужъ тамъ и сидятъ, въ своемъ мышинномъ подпольѣ, благодарять Бога.

1906 г.

П А Л Ь Ц Ы.

Жили-были пять пальцевъ — тѣ самые, которыхъ всякій на рукѣ у себя знаетъ: большой, указательный, средній, безымянный—всѣ четверо большіе, а пятый мизинецъ — маленькій.

Проголодалися какъ-то пальцы, и засосало.

Большой говорить:

— Давайте-ка, братцы, съѣдимъ что-нибудь, больно ужъ морить.

А другой говорить:

— Да что же мы ѣсть будемъ?

— А взломаемъ у матери ящикъ, наѣдимся сладкихъ пирожныхъ,—кажетъ безымянный.

— Наѣсться-то мы наѣдимся,—заперечилъ четвертый,— да этотъ маленький все матери скажетъ.

— Если скажу,—покаялся мизинецъ,—такъ пусть же я не вырасту больше.

Вотъ взломали пальцы ящикъ, наѣлись до сыта сладкихъ пирожныхъ, ихъ и разморило.

Пришла домой мать, видитъ: слипшись, спять пальцы, одинъ не спитъ мизинецъ.

Онъ ей все и сказалъ.

А за то и остался на вѣки самъ маленькій—мизинецъ, а тѣ четверо съ тѣхъ поръ ничего не ѣдятъ, да съ голодухи голодные за все хватаются.

1907 г.

ЗАЙЧИКЪ ПВАНЫЧЪ.

1.

Жилъ человѣкъ, и у того человѣка было три дочери,— какъ одна, красавицы и шустрыя, не знали онѣ надъ собою страха.

Старшую звали Дарьей, среднюю Агафьей, а меньшую Марьей.

Изба ихъ стояла у лѣса. А лѣсъ былъ такой громадный, такой частый,—ни пройти, ни проѣхать.

Безъ умолку день-деньской шумѣлъ лѣсъ, а придетъ ночь, загорятся звѣзды, и въ звѣздахъ, какъ царь, гудитъ лѣсъ грозно, волнуется.

Много страховъ водилось въ лѣсу, а сестрамъ любо: забѣгутъ куда—аукаютъ, передразниваютъ птичекъ, и въ домъ не загонишь до поздней ночи.

Такія веселыя, такія проворныя, такія безстрашныя— Дарья, Агафья и Марья.

Какъ-то старшая Дарья мела избу, свалился съ полки клубокъ, покатился клубокъ по полу, да и за дверь. Схвати-

лась Дарья, взялась клубокъ догонять. А клубокъ катится, закатился въ лѣсъ, пошелъ по кочкамъ скакать, по хворосту, привелъ въ самую чащу и сталъ у берлоги.

А изъ берлоги Медвѣдь тутъ-какъ-гуть.

Какъ увидѣлъ Медвѣдь Дарью, зубы оскалилъ, высунулъ красный языкъ, вытянулъ лапы съ когтями и говоритъ:

— Хочешь моею женою быть, а не то я тебя съѣмъ.

Согласилась Дарья. Осталась у Медвѣдя.

Вотъ живетъ она себѣ, поживаетъ, ходить съ Медвѣдемъ по лѣсу, показываетъ ей Медвѣдь разныя диковины.

У Медвѣдя теремъ. Въ терему три клѣти.

Раскрылъ Медвѣдь первую клѣть, а въ ней серебро рѣшкой льется. Раскрылъ Медвѣдь вторую клѣть, а въ ней живая вода ключемъ бьетъ.

Говоритъ Медвѣдь Дарьѣ:

— Третью клѣть я не покажу тебѣ, и ходить въ нее я не велю, а не то я тебя съѣмъ.

Цѣлый день нѣтъ Медвѣдя, уйдетъ куда на добычу, а Дарью одну оставить.

Ходитъ Дарья у запретной клѣти, заглянуть смерть хочется.

А сторожилъ клѣть Зайчикъ Иванычъ.

Пробовала Дарья съ Зайчикомъ Иванычемъ заговаривать, да отмалчивался безхвостый, — хвостикъ зайцу Медвѣдь для примѣты отѣлъ, — отмалчивался зайчикъ, поводилъ малиновымъ усомъ, уплеталъ малину.

И не разъ вгорячахъ пхала Дарья Зайчика по чемъ ни попало, таскала за серебряныя заячьи ушки. А отляжетъ сердце, примется цѣловать зайца, а то и въ плясъ пустится. Зайчику—потѣха, мяучить. И самъ когда-то гораздъ былъ, да лапки уходились—не выходитъ.

Разъ Зайчикъ Иванычъ и прикурни на солнышкѣ, замѣтила Дарья, да въ клѣть. Отворила Дарья дверцу и чуть не убила—въ глазахъ помутнѣло: въ огромной клѣти кипѣло

настоящее золото. И захотѣлось Дарьѣ потрогать золото, сунула она палець, и сталъ палець золотымъ.

Пришелъ Медвѣдь, принесъ малины. Съѣли за столъ. Пьютъ чай.

Медвѣдь говоритъ Дарьѣ:

— Что это, Дарья, у тебя палець-то золотой?

— Да такъ себѣ,—отвѣчаетъ Дарья,—золотой сдѣлался.

Тутъ Медвѣдь изъ-за стола всталъ и съѣлъ Дарью, а косточки въ уголь бросилъ.

2.

Тосковали сестры. Рыскали по лѣсу, по птичьи кликали, звали сестрицу. Хоть бы голосъ подала,—не слышитъ.

И годъ прошелъ и другой прошелъ. Ни духу, ни слуху.

Какъ-то середняя Агафья подметала избу, сронила клубокъ. Покатился клубокъ. Пошла за клубкомъ Агафья. Шла-шла и забралась въ самую гуңцу. Остановился клубокъ. Глядь,—Медвѣдь.

Сталъ на дыбы Медвѣдь, щелкнулъ зубами и говоритъ Агафьѣ:

— Хочешь моею женою быть, а не то я тебя съѣмъ.

Агафья и такъ и сякъ, да ничего не подѣлаешь, осталась жить у Медвѣдя.

Водилъ ее Медвѣдь по лѣсу, деревья выворачивалъ, медомъ пичкалъ и всякія медвѣжьи шутки выкидывалъ.

У Медвѣдя теремъ. Въ терему три клѣтки.

Растворилъ Медвѣдь клѣтки. Глазѣла Агафья на серебро и живую воду.

— А третью клѣтку я не отворю тебѣ,—говоритъ Медвѣдь,—и ходить въ нее я не велю, а не то я тебя съѣмъ.

Загрустила Агафья, ума не приложить, какъ бы такъ клѣтку посмотрѣть, чтобы Медвѣдь не узналъ. А тутъ этотъ

Зайчикъ трется, глазъ не сводить. Подходила Агафья къ Зайчику Иванычу, щекотала ему малиновый усъ, а Зайчикъ и въ усъ не дуешь: мяучить себѣ по-заячиному, ни слова путнаго.

Выбѣжалъ однажды Зайчикъ Иванычъ на закатъ полюбоваться, а Агафья стукъ въ клѣтъ. Взглянула—остолбенѣла, да въ столбнякъ-то и ткни палецъ въ золото, и сталъ палецъ золотымъ.

Охала и ахала Агафья: какъ быть, увидитъ Медвѣдь—съѣсть живьемъ. Побѣжала къ Зайчику. Сидѣлъ Зайчикъ Иванычъ, напѣвалъ себѣ подъ носъ, штаны чинилъ. Выхватила Агафья у Зайчика заплатку, перевязала себѣ золотой палецъ.

Вотъ пришелъ Медвѣдь, приволокъ лѣсныхъ лакомствъ полонъ коробъ. Съли за столъ.

— Что это у тебя, Агафья съ пальцемъ?—спрашиваетъ Медвѣдь.

— Ничего,—говоритъ Агафья,—набередила, вотъ и обвязала тряпочкой.

— Давай вылъчу.

Поднялся Медвѣдь, развязалъ тряпку. А подъ тряпкою золотой палецъ.

И съѣлъ Медвѣдь Агафью, а косточки въ уголь бросилъ.

3.

Убивалась Марья.

— Сестры, сестрицы мои родимыя!—куковала Марья по кукушечьи.

Только лѣсъ шумитъ, царь-лѣсъ!

Такъ годъ прошелъ и другой прошелъ. Нѣтъ сестеръ.

Какъ-то подметала Марья полъ, скатился клубокъ и въ лѣсъ. Шла Марья за клубкомъ, пла, какъ сестры, вплоть до самой берлоги.

Высочилъ изъ берлоги Медвѣдь, зарычалъ, оцетинился. Говоритъ Медвѣдь Марьѣ:

— Хочешь моею женой быть, а не то я тебя съѣмъ.

Не сразу далась Марья, заупрямилась. Диву дался Медвѣдь и полюбилъ ее пуще всѣхъ сестеръ.

Ходитъ косматый по лѣсу, собираетъ цвѣты, вѣнки плететъ. А выйдетъ съ Марьей гулять, про всякую травку ей рассказываетъ, всякія берложныя хитрости кажетъ. А то ляжетъ на спину, перекатывается, пѣсни медвѣжьи поетъ. Зайчику въ знакъ своего удовольствія мордочку медомъ вымазаль.

У Медвѣдя теремъ. Въ терему три клѣти.

Все показаль Марьѣ Медвѣдь—и серебро и живую воду, а въ третью клѣть не повель.

— И ходить въ эту клѣть я тебѣ не велю, а не то я тебя съѣмъ.

— Съѣмъ! Съѣлъ одинъ такой! — фыркнула Марья, а сама думаетъ, какъ бы этакъ Медвѣдя провести?

А Зайчикъ Иванычъ ей глазомъ мигаетъ. Зайчикъ Иванычъ въ Марьѣ души не чаяль.

Бывало, уйдетъ Медвѣдь, а Марья къ Зайчику:

— Зайчикъ, зайчика, научи меня, сѣренькій, какъ мнѣ быть, погибли сестры, погибну и я: заѣсть меня Медвѣдь.

А Зайчикъ Иванычъ подопрется лапкою, лопочетъ что-то по-своему.

Такъ и проводили дни: сядутъ гдѣ на крылечкѣ и сидятъ рядкомъ, горе горюють.

Разъ Зайчикъ Иванычъ лучинку щипаль: самоваръ нить собирались.

Извѣстно, примется Зайчикъ что-нибудь дѣлать, такъ ужъ на цѣлый годъ надѣлаетъ, такая повадка у Зайчика.

Зайчикъ весь дворъ лучинкой закидалъ.

Марья пособляла Зайчику. И такая тоска на нее нашла, свѣту она не взвидѣла, пошла бродить по терему. Постояла,

поплакала надъ костями сестеръ, да съ отчаянія туркнулась въ запретную клѣть. И ослѣпило ее золото, закружило голову. Да не слыховала Марья: опустила лучинку въ золото. А лучинка, какъ жаръ, горить.

— Сестры, сестрицы мои родимыя!—всплакнула Марья. Запрятала Марья золотую лучинку въ красный сафьянный башмачекъ, отдала башмачекъ Зайчику. Попелъ Зайчикъ въ погребъ за молокомъ да дорогой и сунуль башмачекъ въ свою старую норку.

Пришелъ Медвѣдь. Съли брагу пить, все честь честью по-хорошему. И пошла жизнь по прежнему.

4.

Пораскидываль умомъ Зайчикъ Иванычъ, горе горюя съ Марьей на крылечкѣ.

Разъ и говорить Зайчикъ:

— Не умѣю я по-человѣчьему сказывать, а то бы сказать. Тѣмъ разговоръ и кончился.

Бродить Марья по терему, плачетъ надъ костями сестеръ, заглядываетъ то въ одну, то въ другую клѣть.

И пришло ей на умъ счастье попробовать. Набрала она полонъ ротъ живой воды, вспрыснула сестрины кости. И встала передъ ней Агафья жива-живехонька.

Что дѣлать, куда дѣваться? Марья къ Зайчику, такъ и такъ, говорить.

— Хорошо,—говоритъ Зайчикъ,—сію минуту.

Взялъ Зайчикъ Агафью за руку, да въ душло и запряталъ, а самъ ей принесъ туда грушъ да яблоковъ и всякаго печенья. И дѣло съ концомъ.

Пришелъ Медвѣдь. Сталъ къ Марьѣ ластиться. А Марья и говорить:

— Рычунь, мой рычунь, сдѣлай ты мнѣ, что я тебя попрошу.

— А ты напередъ скажи, что тебѣ сдѣлать, а то ты, можетъ, третью клѣтъ посмотрѣть хочешь, такъ я тебя съѣмъ.

— Батя мой завтра именинникъ, хочу пироговъ ему испечь, а ты снесешь.

— Это можно, пеки.

Обрадовалась Марья, да опрометью на кухню ставить тѣсто. Поставила она тѣсто и, когда все было готово, принялась пироги печь. Испекла пироги, взяла мѣшокъ, посадила въ мѣшокъ Агафью, покрыла Агафью пирогами.

Говорить Агафѣ:

— Сядетъ Медвѣдь посидѣть, станетъ мѣшокъ развязывать, а ты и скажи: „Не садись, муженекъ, на пенекъ, все вижу, все слышу“.

Чуть только солнышко взошло, взвалилъ Медвѣдь мѣшокъ на плечи, да и въ путь-дорогу.

Полднемъ вздумалось Медвѣдю поотдохнуть маленько, свалилъ онъ мѣшокъ наземь, сталъ развязывать.

— Не садись, муженекъ, на пенекъ, все вижу, все слышу!—какъ закричить изъ мѣшка Агафья.

Вскочилъ Медвѣдь, повелъ ухомъ.

„Ишь,—подумалъ,—и голосъ же у моей Марьи, все видеть, и състь тебѣ не полагается“!..

И пустился Медвѣдь дальше. А какъ добѣжалъ до избы, шваркнулъ мѣшокъ у калитки, да во всѣ лопатки домой обратно.

Долго ли, коротко ли, немного не мало, а годъ, другой прошелъ.

Вспрыснула Марья сестрины кости. И встала передъ ней Дарья жива-живехенька. Опять Марья къ Зайчику. Заперъ Зайчикъ Дарью въ чуланъ.

А вечеромъ Марья говоритъ Медвѣдю:

— Мамушка моя именинница, испеку я ей пироговъ въ день ангела, снеси ты ихъ, косоланушка.

А сама Дарьѣ шепнула:

— Какъ разсядется Медвѣдь, ты ему крикни: „Не садись, муженекъ, на пенекъ, все вижу, все слышу.“

Все такъ и случилось. Съѣлъ было Медвѣдь посидѣть, сталъ мѣшокъ развязывать, а какъ услышалъ голосъ, оторопѣлъ, да скорѣе въ путь. А какъ добѣжалъ до калитки, брякнулъ мѣшокъ, и опять домой во-своица.

5.

— Зайчикъ, Заинька, научи меня, сѣренькій, что мнѣ дѣлать, не могу больше у Медвѣдя жить, хочу къ се-страмъ!

А Зайчикъ Иванычъ и радъ бы что посовѣтывать Марьѣ, да сказать-то ничего Зайчикъ не можетъ. А ужъ такъ привязался, такъ привязался онъ къ Марьѣ, на шагъ отъ себя не отнустить. Прямо влипъ.

Что наработалъ за долгую зиму, все Зайчикъ отдалъ Марьѣ, какіе бисерные кошельки попанизалъ, все отдалъ Марьѣ. Лѣтось къ Медвѣжьему дядѣ за тридевять земель скакалъ, выпросилъ у стараго хрустальную туфельку да жемчуговъ горстку, все Марьѣ отдалъ.

Когда съ весной зачирикали птицы и полѣзли изъ почекъ листочки, чтобы на свѣтъ посмотреть, сказала Зайчику Марья:

— Ну, Зайчикъ Иванычъ, придумала! Уйду я отъ Медвѣдя.

Зайчикъ насупился.

А Медвѣдь вечеромъ спрашиваетъ Марью:

— Что ты, красавушка, что ты такая веселая?

— А какъ мнѣ веселой не быть, батю съ мамушкой

во снѣ видѣла. Испеку я имъ пироговъ, отправлю завтра гостинцу. Еще дрыхнуть ты будешь, я затворюсь въ терему, подымусь на вышку, буду слѣдить за тобой, а какъ тронешься въ путь, буду пѣсни пѣть. Слышишь, ты не зови меня, я одна останусь, буду слѣдить за тобой, буду пѣсни пѣть.

Послушалъ Медвѣдь, легъ спать спозаранку. А Марья испекла пироговъ, позвала Зайчика, сказала Зайчику:

— Прощай, Зайчикъ Иванычъ, прощай, миленькій!

Насунился Зайчикъ, не пускаетъ Марью, уцѣпился лапками за передникъ, на глазахъ слезы.

И вдвоемъ коротали они послѣднюю ночь. Рассказывалъ Марья Зайчикъ свою заячью жизнь, какъ была когда-то у Зайчика норка и какъ Медвѣдь его выгналъ изъ родимой норки и пришибъ зайчиху, и какъ пришибленная помирала покойница Зайчиха Ивановна.

И плакалъ Зайчикъ Иванычъ, и о какихъ-то лисятахъ поминалъ сквозь слезы... Онъ ли ихъ съѣлъ, они ли дѣтей его слопали, понять мудрено было.

На развѣтъ юркнула Марья въ мѣшокъ, обложила въ мѣшкѣ пирогами. Отнесъ Зайчикъ Иванычъ мѣшокъ къ берлогу, заперъ теремъ, а самъ съѣлъ на крылечкѣ караулъ держать.

И когда Медвѣдь съ своею ношей скрылся изъ глазъ, запрятался Зайчикъ въ свою старую норку, вынулъ изъ кованнаго ларчика красный сафьянный башмачокъ, поставилъ къ себѣ на столикъ и залился горькими слезами:

— Сестры, сестрицы мои родимья! На кого вы меня покинули одного среди лѣса въ разоренной норкѣ? Зачѣмъ вы оставили меня доживать мои послѣдніе заячьи дни одиноко среди лѣса въ разоренной норкѣ? Былъ я вамъ другомъ вѣрнымъ, помогалъ и охранялъ васъ—и всѣ ушли, забыли меня. Сестры, сестрицы мои родимья!

А Медвѣдь шелъ, шелъ, задумалъ присѣсть, развязалъ мѣшокъ.

— Не садись, муженекъ, на пенекъ, все вижу, все слышу!—закричала изъ-подъ пироговъ Марья.

— Слышу, слышу!—рявкнулъ Медвѣдь и во всю прыть дальше помчался.

А какъ добѣжалъ до калитки, шлепнулъ мѣшокъ и однимъ духомъ обратно къ своей берлогѣ.

6.

То-то радость была.

Снова вмѣстѣ всѣ трое, три сестры, три красавицы.— Дарья, Агафья и Марья.

Пошли разспросы да рассказы.

До полночи сестры глазъ не сомкнули.

А въ полночь весь въ звѣздахъ, какъ царь, загудѣлъ лѣсъ, грозный, заволновался. И поднялась въ лѣсу небывалая буря. Трещала изба, вѣтромъ срывало ставни, дубастило въ крышу, а вѣковыя деревья, какъ былинку, пригибало къ землѣ, выворачивало съ корнемъ столѣтніе дубы, бросало зеленыхъ великановъ къ небу, за звѣзды.

Это—Медвѣдь, Медвѣдь крушилъ и ломалъ свою пустую берлогу, сворачивалъ бревна, разбрасывалъ въ щелки высокій покинутый теремъ.

А чуть только свѣтъ задымился на небѣ, Медвѣдь издохъ отъ тоски.

1906 г.

З А П И С К И.

1.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ высокой бѣлой башенкѣ на самомъ на верху жила-была Зайка.

Въ башенкѣ горѣли огни, и было въ ней свѣтло и тепло и уютно.

Лишь только солнце подымалось до купола и въ саду Пѣтушокъ-золотой-гребешокъ появлялся, приходилъ къ Зайкѣ старый котъ Котофей Котофеичъ. Впрыгивалъ Котофей въ кроватку и бережно бархатной лапкой будилъ спящую Зайку.

Просыпались у Зайки синіе глазки, заплетала Зайка свою свѣтлую коску. Котофей Котофеичъ пѣлъ пѣсни.

Такъ день начинался.

Зайка скакала, бѣленькая плясала. Съ ней скакала Лягушка-квакушка съ отбитою лапкой, плясали двѣ Бѣлки-мохнатки. А гадкій Зародышъ садился на корточки въ

уголь, хлопаль въ ладошки, да звонилъ въ серебряный колокольчикъ.

То-то веселье, то-то потѣха!

И обѣдать готово, а Зайку за столъ не усадишь.

Завязывалъ Котофей Котофеичъ Зайкѣ салфетку, и принималась Зайка кушать зайца жаренаго да козу паленую, а на загладку пунки Кошея, такіе сладкіе, такіе вкусныя, малиновыя и янтарныя,—весь ротикъ облипнетъ.

Тутъ Лягушка-квакушка себѣ мухъ ловила, а Бѣлки-мохнатки орѣшки грызли.

Но вотъ заходило за домикъ Барабаншей-Шкурки красное солнце, проходила мимо башенки старуха Буроба, проносила Буроба огромный мѣшокъ за плечами.

Не дай Богъ повернетъ Буроба въ башенку! Подыметъ Буроба наверхъ по лѣстницѣ, возьметъ Зайку въ мѣшокъ, унесетъ съ собою, да и съѣстъ.

Которыя дѣти спать не ложатся, Буроба въ мѣшокъ собираетъ.

Котофей Котофеичъ ужъ охаживалъ кроватку, усагой мордочкой грѣлъ пуховую зайкину думку, сонъ нагонялъ.

Зайка зѣвать начинала, просилась въ кроватку.

Выползалъ изъ ямки Червячокъ. Росъ Червячокъ, распухалъ, надувался, превращался въ громаднаго страшнаго червя, потомъ опадалъ, становился маленькимъ и червячкомъ уползалъ къ себѣ въ ямку.

Въ окнѣ показывался Кучерище, подпиралъ Кучерище скулы кулаками, ѣлъ Зайкины игрушки.

А Зайка расплетала свою свѣтлую коску, скидывала съ себя платице и чулочки да въ кроватку бай-бай ложилась.

И подымался изъ-за угла гадкїи Зародышъ, залѣзаль

Зародышъ въ фонарикъ, дулъ въ огонекъ. И огонекъ становился огонечкомъ съ ноготокъ Зайкинъ.

Васютка, сынишка Кучерищевъ, затягиваль въ трубѣ тонко пѣсенку,—сонную пѣсенку.

Такъ вечеръ кончался, ночь начиналась.

Ночью нерѣдко Зайка ловила рыбку.

И чихаль же на утро старый котъ Котофей Котофеичъ, не пѣлъ пѣсенъ.

А бѣдная Зайка замрала отъ страха: по лѣстницѣ шлепала-топала старуха Буроба съ огромнымъ мѣшкомъ за плечами, пробиралась Буроба наверхъ къ Зайкѣ.

Которыя дѣти по ночамъ ловять рыбку, Буроба въ мѣшокъ собираетъ.

2.

По праздникамъ, когда Пѣтушокъ-золотой-гребешокъ пѣлъ голосистѣй, а Курочка-кудахточка несла золотое яичко, и солнышко ярче и свѣтлѣе свѣтило въ башенку, вылѣзаль изъ одушника кумъ Котофея Котофеича — Чучело-чумичело.

Чучело-чумичело до самаго обѣда ходилъ на головѣ передъ Зайкой,—всѣ животики надрывала себѣ Зайка отъ хохота, а послѣ обѣда Чучело усаживался на шестокъ вмѣстѣ съ Котофеемъ Котофеичемъ, и у нихъ разговоръ начинался.

Прислушивалась Зайка, но понять ничего не могла.

Чучело-чумичело все рассказываль о крысахъ, да о мышахъ, да о мышатахъ маленькихъ. А Котофей Котофеичъ себѣ подъ носъ мурлыкаль.

Разъ Котофей Котофеичъ говоритъ куму:

— Чучело-чумичело-гороховая-куличина, бѣда мнѣ съ

Зайкой, да и только! Самъ видишь, обносилаь вся, локотки продраны, чулочки всё въ дыркахъ, а какія были кружевца на штанишкахъ, давно отъ нихъ и помину нѣтъ, всё обшаркались.

— Эхъ, кумъ, кумъ, — отвѣчалъ укоризненно Чучело, — чего жъ ты загодя не сказалъ: приходилъ вчера ко мнѣ Волчій Хвостъ, предлагалъ Хвостъ кубышку съ золотомъ, да на что мнѣ золото, я и безъ золота Чучело.

— Можетъ, опять придетъ?.. — замурлыкалъ Котъ, — ни зайца у насъ жаренаго, ни козы паленой, ничего нынче на обѣдъ не было, а одними пушками Кошца сытъ не будешь, да и пушковъ всего ничего осталось.

Призадумался Чучело-чумичело да и говорить Котофею:

— Такъ ты, кумъ, вотъ что, какъ пойдешь ужотко за мышами, загляни ко мнѣ въ отдушникъ, тамъ я тебѣ пошепчу на ушко что-то.

Рано легла баиньки Зайка, а глазки все не спали, — глядѣли, а ушки все не спали, — слушали.

То Червячокъ изъ ямки покажется.

То Васютка въ трубѣ запищитъ.

— Велите дать говядинки, говядинки! — пицалъ изъ трубы Васютка.

Такъ Зайку все и разгуливало.

Ужъ Котофей Котофеичъ всё свои пѣсни перепѣлъ, всё сказки поразсказалъ, а Зайка все ворочается, перекладывается то на одинъ бочокъ, то на другой.

— Спи, дѣточка, а то люди ночь разберутъ, — уговаривалъ Котъ.

Только когда Пѣтушокъ-золотой-гребешокъ прокукарекалъ полночь, а въ домикѣ Барабаньей-Шкурки труба закурилась, Зайка засопѣла носикомъ и завела далеко-далеко свои синіе глазки: прямо на прудъ... ловить рыбку.

А Котофей Котофеичъ прыгъ съ кровати да тихонько къ отдушнику.

Покликалъ Коть Чучелу-чумичелу. Высунуль Чучело журло изъ отдушника. И шептались они долгое время.

3.

На утро Котофей Котофенчъ не чихалъ, не пѣлъ пѣсенъ, снаряжалъ Котофей свою Зайку въ путь-дорожку.

Говорилъ Коть Зайкѣ:

— Зайка бѣленькая, отправляйся, моя курнопяточка, въ темный лѣсъ, иди все прямо-прямо, и будетъ тебѣ избушка Бабы-Яги. Заглянуть къ Ягѣ въ окошко можно, а входить не входи въ избушку. Яга тебя безъ шапки-невидимки замѣтитъ и съѣсть захочетъ. Ты иди лучше мимо избушки наискосокъ по тропинкѣ, пролѣзай черезъ шиповникъ, не бойся, пальчиковъ не оцарапаешь. Такъ-то, Зайка, такъ-то бѣленькая! Встрѣтитъ тебя птица Гагана, поздоровайся съ птицей: Гагана тебѣ птичьего молочка дастъ. Покушаешь молочка и снова въ путь трогайся. Къ полночи придешь къ подземелью, не туркайся въ дверь, а залѣзай прямо на дерево и жди, что будетъ. Пройдетъ мимо дерева слѣпышка Листинъ, прошуршитъ листьями, не бойся: Листинъ не страшный, Листинъ только пугать любить. Пролетитъ мимо дерева Сорока-бѣлобока, проскачетъ Коза-рогатая, ты не бойся: больно Коза не забодаетъ,—жди, что дальше будетъ. Выйдутъ изъ подземелья двѣнадцать черныхъ разбойниковъ, ты слушай, что станутъ говорить разбойники, заруби ихъ слова себѣ на носикѣ, а когда пронадутъ разбойники, снискайся въ подземелье и скажи то, что они говорили.

Протилась Зайка съ Котофеемъ Котофенчемъ, протилась съ Лягушкой-квакушкой, протилась съ Бѣлками-мохнатками, протилась съ гадкимъ Зародышемъ и съ Червячкомъ изъ ямки.

Всѣ дружно проводили Зайку до самой послѣдней сту-

пеньки, назадъ въ башенку вернулись, и занялся всякій своимъ дѣломъ.

Лягушка-квакушка мухъ ловила, Бѣлки-мохнатки орѣшки грызли, Зародышъ въ ладошки хлопалъ, да звонилъ въ серебряный колокольчикъ, Червячокъ выползаль изъ ямки, росъ, надувался, превращался въ громаднаго страшнаго червя, потомъ опадалъ, становился маленькимъ и червячкомъ уползалъ въ ямку.

А Котофей Котофеичъ по башенкѣ съ топорикомъ похаживаль, приводилъ все въ порядокъ, подшиваль и подглаживаль, а то заберется въ Зайкину кровать и тамъ лапкою гостей замываетъ.

Каждый вечеръ всѣ въ кружокъ садились, пили чай—дули на блюдечко, вспоминали свою бѣленькую Зайку.

Васютка, сынишка Кучерищевъ, въ трубѣ скучаль-насвистываль.

— Зайка-Зайка, вернись-перевернись!—насвистываль изъ трубы Васютка.

Кучерище въ окнѣ игрушки ѣлъ.

4.

Какъ сказали старый котъ Котофей Котофеичъ, такъ все и вышло.

Не успѣла Зайка оглянуться въ лѣсу, попался ей Медвѣдь съ Мужикомъ: Медвѣдь съ Мужикомъ стояли на палочкѣ, ковали желѣзо, пѣли пѣсни. Поздоровалась Зайка съ Медвѣдошкой и дальше пошла. Шла Зайка, шла и видитъ, стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, на собачьихъ пятакахъ. Заглянула Зайка въ окошко, а въ избушкѣ Баба-Яга спитъ, распустила длинныя уши: одно ухо вмѣсто подушки, а другимъ, будто одѣяломъ, съ головкою покрыта. Показала Зайка пальчиками носъ Бабѣ-Ягѣ да скорѣе

наискосокъ по тропинкѣ. Выпорхнула изъ шиповника птица Гагана, ударила о земь краснымъ крыломъ. Поздоровалась Зайка съ Гаганой, взяла у птицы кувшинчикъ съ птичьимъ молочкомъ, вышла молочко и дальше тронулась въ путь.

Вотъ видитъ Зайка подземелье, подходитъ она къ двери, а дверь изъ человѣчьихъ костей и скрипитъ и свѣтится. Забоялась Зайка да на дерево. Вскарабкалась, ждетъ — павострила ушко.

Прошелъ слѣнышка „Листинъ, прошуршалъ листьями, пролетѣла Сорока-бѣлобока, проскакала Коза-рогатая, упала съ неба сестричка-звѣздочка, и растворилась дверь изъ человѣчьихъ костей,—задрожали у Зайки поджилки,— и двѣнадцать черныхъ разбойниковъ вышли изъ подземелья и сказали разбойники въ одинъ голосъ:

— Чучело-чумичело-гороховая-куличина, подай челнокъ, заметай шестокъ!

И тотчасъ дверь подземелья закрылась.

Постояли разбойники, позѣвали на мѣсяць. Сказали разбойники въ одно слово:

— Чучело-чумичело-гороховая-куличина, подай челнокъ, заметай шестокъ!

И тотчасъ дверь подземелья раскрылась.

А какъ пронали разбойники, прыгнула Зайка съ дерева да все слова разбойничьи и повторила.

И дверь снова раскрылась и Зайка вошла въ подземелье.

Видитъ Зайка огромный хрустальный залъ, по угламъ банки, въ банкахъ золотыя рыбки плаваютъ. Хотѣла Зайка хоть одну рыбку поймать, да одумалась. Подошла къ семивинтовому столу. На семивинтовомъ столѣ—черная шкатулка, на черной шкатулкѣ—шитое разноцвѣтными шелками полотенце, а по полотенцу бѣленькая Мышка-хвостатка бѣгаетъ. Поздоровалась Зайка съ Мышкой-хвостаткой, подала ей Мышка золотой ключикъ. Приняла Зайка отъ Мышки золотой ключикъ, отперла шкатулку. А какъ открыла крышку, гла-

зенки такъ и забѣгали: вся шкатулка до самаго верху была полна бисерными кошельками. Взяла Зайка одинъ кошелекъ съ голубенькими цвѣточками,—больно ужъ кошелекъ ей понравился, хотѣла Зайка его въ сумочку положить, а изъ кошелька вдругъ золото орѣшками и посыпалось. Схватилась Зайка подбирать золото, а двѣнадцать черныхъ разбойниковъ встали съ своего мѣста да всю шкатулку Зайкѣ и отдали.

— Чучело-чумичело-гороховая-куличина, подай челнокъ, заметай шестокъ!—сказалъ Зайка по-разбойничьи.

Дверь раскрылась.

И Зайка была такова.

5.

Вся башенка поднялась на ноги, когда Пѣтушокъ-золотой-гребешокъ прокричалъ о бѣленькой Зайкѣ.

— Бѣленькая Зайка домой бѣжить!

Всѣ спустились по лѣстницѣ внизъ и на порогѣ встрѣтили Зайку.

Зацѣловали бѣленькую, задушили курнояточку: такъ были всѣ рады-радехоньки.

А Зайка едва духъ переводить, покраснѣлась, зашыхалась вся, всѣ штанишки спустились, по землѣ волокуются, а волоски взбились хохликомъ.

Подала Зайка шкатулку Котофею Котофеичу, говорить Коту:

— Вотъ тебѣ, Коть, находка, разбирайся!

А сама сѣла присѣсть да, какъ убитая, тутъ же на мѣстѣ и заснула.

И спала Зайка цѣлыхъ три дня и три ночи безъ просыпу.

Вышелъ изъ отдушника Чучело-чумичело, сталъ ходить на головѣ передъ Зайкой. Видитъ Чучело, не обращаетъ

Зайка на него вниманія, пошущукался съ Котофеємъ Котофеичемъ и опять въ отдушникъ забрался.

Котофей Котофеичъ загребъ золото, сталъ считать. И день считаль и другой считаль, все со счета сбивается,—ничего не выходитъ.

Побѣжалъ Коть къ Барабаньей-Шкуркѣ за мѣрой.

— Дай,—говорить,—мѣрку мнѣ на минутку.

— А зачѣмъ вамъ мѣра? — спрашиваетъ Барабанья-Шкурка.

— Кошечевы пупки считать.

— Хорошо,—ухмыльнулась Барабанья-Шкурка, — дамъ я вамъ мѣру, только смотрите, не затеряйте.

А сама думаетъ:

„Тутъ дѣло не чисто, кто жъ это пупки Кошечевы мѣрой считаетъ—пупки въ коробкахъ на фунты продаются!“

А чтобы вѣрнѣе дознаться, что будетъ Коть мѣрять, намазала Шкурка дно у своей мѣры липкимъ медомъ.

Взялъ Котофей Котофеичъ Шкуркину мѣру и домой въ башенку.

И ужъ мѣрять Коть, мѣрять, мѣрять-мѣрять — конца краю не видно. А какъ вымѣрять до послѣдняго золотого, отнесъ мѣру Барабаньей-Шкуркѣ, закупилъ платьевъ и игрушекъ, нарядилъ Зайку и сѣлъ себѣ тихомолкомъ гостей замывать.

Тутъ пошелъ такой въ башенкѣ плясъ, хоть образа выноси изъ дому.

Не плясали, а бѣсновались. Больше всѣхъ отличалась Лягушка-квакушка, до того дошла Квакушка, что подъ вечеръ еще одну лапку себѣ отбила и осталась всего о двухъ лапкахъ заднихъ.

Ну и Чучело-чумичело, нечего сказать, постарался—Чучело-чумичело лицомъ въ грязь не ударилъ: ходивши на головѣ, мозоль натеръ себѣ Чучело на самомъ носу.

То-то веселье, то-то потѣха!

А Барабанья-Шкурка не моргала. Какъ принесъ ей Котофей Котофенчъ мѣру, Шкурка всю мѣру во всѣ глаза оглядѣла и на самомъ доньшкѣ нашла золотой,—прилипъ золотой къ меду.

И порѣшила Шкурка развѣдать, откуда такое богатство попало въ руки Зайки.

Много годовъ живетъ на бѣломъ свѣтѣ Барабанья-Шкурка, сундуки Шкурки доверху золотомъ завалены, а такого золота она глазомъ отродясь не видала, ни слухомъ не слыхала: не простое золото, а серебряное!

И стала Барабанья-Шкурка подсылать къ бѣленькой Зайкѣ двухъ своихъ жоговъ подручныхъ: Артамошку—гнуснаго да Елифашку—скуснаго.

6.

Носъ крючкомъ, голова сучкомъ, брюшко ящичкомъ, а все само жилиное и толкачикомъ,—такіе эти были Артамошка съ Елифашкой.

Въ первый разъ пришли они чуть свѣтъ въ башенку. Въ другой разъ—въ сумерки, въ третій разъ—поздно вечеромъ, и повадились. И днюютъ и ночуютъ пакостники, отбоя нѣтъ.

Придутъ они въ башенку, разсядутся на кухнѣ и кланчуютъ. Немытые, нечесанные,—страсть взглянуть.

Разжалобили жого Зайку.

Пробовала Зайка посылать имъ грибовъ да щавелику,—не помогаетъ, все свое тянутъ, все еще кланчуютъ. Еще больше разжалобили Зайку.

И стала Зайка ихъ въ комнаты пускать.

А какъ влѣзли они въ комнаты,—тутъ ужъ ничѣмъ ихъ не выживешь.

Зайка скачетъ, бѣленькая пляшетъ, а они мороками по

башенкѣ бродячь, все трогаютъ, все нохаютъ, а то въ игры свои играть примутся: либо угощаютъ другъ дружку мордой объ столъ, либо въ окно выбрасываются,—такіе эти были Артамошка съ Енифанкой.

Остерегаль Зайку старый Коть Котофей Котофейчъ:

— Ой, Зайка, ой, бѣленькая, не водись ты съ этими полосатыми: шатія эта шатаются, не будетъ прока, помани ты мое котово вѣрное слово... съ Буробою они знаются, тенькою Буробу величаютъ, самъ слышалъ, тоже и башмачокъ твой намедни сожрала, да то ли еще натворять, ой, Зайка, ой бѣленькая!

А Зайка хохочетъ.

— Старый ты, старый ворчунъ, все бѣ тебѣ ворчать, иди-ка ты лучше да мышекъ топчи.

— Не могу я больше мышекъ топтать,—грустно вздыхалъ Котофей Котофейчъ и снова принимался журить Зайку.

Разъ сѣла Зайка въ ванночку мыться. Котофей Котофейчъ головку ей мылилъ, банная пѣсни пѣлъ. И случился такой грѣхъ: попало ѣдкое мыло коту въ глазъ.

Пошелъ Котофей Котофейчъ въ кухню глазъ промывать, а Артамошка съ Енифанкой стукъ къ Зайкѣ въ ванночку.

— Расскажи да расскажи, Занька, откуда бисерные такіе кошельки у тебя разноцвѣтные да откуда золото такое не простое, а серебряное?

Зайка все язычкомъ и выболтала.

Вернулся изъ кухни Котофей Котофейчъ, а ужъ Артамошки съ Енифанкой и слѣдъ простылъ.

И съ той поры сгнули они изъ глазъ, полосатые, словно никогда ихъ и земля не носила.

Призналась Зайка Котофею Котофейчу.

Встревожился Котофей Котофейчъ.

— Пропали мы, пропали все пронадомъ!—одно твердилъ старый Коть.

Проснется Зайка ночью попить, позоветъ Котофея Котофеича, а Кота нѣтъ у кровати: Котофей Котофеичъ цѣлыми ночами напролетъ перешептывался съ Чучелой-чумичелой, куму свое горе повѣрялъ.

Всякій праздникъ, какъ всегда, вылѣзаль изъ отдушника Чучело-чумичело, ходилъ до обѣда на головѣ передъ Зайкой, а послѣ обѣда, сидя на шесткѣ съ Котофеемъ Котофеичемъ, оба объ одномъ разсуждали и на разные лады умомъ раскидывали, какъ изъ бѣды Зайку выпутать: не спроста приходили полосатые, надѣлаютъ они дѣлъ, не оберешься.

— Пропали мы, пропали все пропадомъ!—твердилъ старый Коть.

7.

Артамошка съ Епифашкой потирали себѣ руки отъ удовольствія: такъ ловко провели они Зайку и носикъ ей натянули курносенькій.

Получили жоги въ награду отъ Барабаньей-Шкурки старую собачью конурку на съѣденіе. Засѣли въ конурку, лакомилась да облизывались.

А Барабанья-Шкурка намотала себѣ на усь разговоръ полосатыхъ и, не долго думая, снарядилась въ походъ за шкатулкой: добывать себѣ черную шкатулку съ не простымъ, а съ серебрянымъ золотомъ.

И случилось съ Барабаньей-Шкуркой то же, что и съ бѣленькой Зайкой.

Пришла Шкурка въ полночь къ подземелью, влѣзла на дерево. Вышли изъ подземелья двѣнадцать черныхъ разбойниковъ, постояли разбойники, позѣвали на мѣсяцъ, сказали заклинаніе и пропали.

— Чучело-чумичело-гороховая-куличина, подай челнокъ,

заметай шестокъ!—повторила Барабанья-Шкурка разбойничьи слова.

Дверь раскрылась, и Шкурка вошла въ подземелье.

Обошла Шкурка весь хрустальный залъ, все переглядѣла, и все перетрогала, забрала съ семивинтового стола черную шкатулку да къ двери.

А дверь не раскрывается.

И барабанила Шкурка, колотила въ дверь изъ всей мочи.

А дверь не раскрывается.

Забыла Шкурка впопыхахъ разбойничье заклинаніе.

А разбойники встали съ своего мѣста, окружили Шкурку да всю ее и измяли.

И превратилась Барабанья-Шкурка въ кожу, а изъ кожи сапоговъ да башмаковъ понадѣлали, и пошла Шкурка по мостовымъ прыгать, да ноги натирать,—пропала Шкурка пронадомъ.

8.

Именины Зайки совпали съ извѣстіемъ,—мухи рассказывали, что Барабанья-Шкурка въ кожу превратилась.

Вѣгаль Котофей Котофеичъ въ домикъ къ Шкуркѣ, но ни единой души не нашелъ въ домикѣ: Артамошка съ Епифашкой въ лѣсъ улизнули и тамъ свили гнѣздо себѣ, живутъ-поживаютъ, творять пакости да народъ смущаютъ.

Три дня праздновали въ башенкѣ именины, и пиръ горой шелъ.

На третій день, когда Кучерище объѣлся игрушками, а Чучело-чумичело голову потерялъ, прокралась незамѣтно въ башенку старуха Буроба да за суматохой все добро и поклала себѣ въ мѣшокъ.

И лишилась Зайка серебрянаго золота и черной шкатулки и бисерныхъ кошелековъ.

Только на утро хватились,—туда-сюда, да видно ужь чему быть, того не миновать.

Ну хоть бы тебѣ что, словно въ воду кануло!

Мрачный ходилъ Котофей Котофейчъ, завязывалъ ножку у стола и снова и снова принимался пропажу искать.

— Не завалилось ли куда!—мурлыкалъ Коть.

И съ отчаянія Коть обмиралъ на минуту и опять ходилъ мрачный.

Ночью покликалъ Котофей Котофейчъ Чучелу-чумичелу. Чучело долго не отзывался.

— Трудно тебѣ, кумъ, безъ головы-то?—соболѣзновалъ Коть.

— Страсть трудно, не приведи Богъ.

— А я тебѣ, кумъ, мышиною мази принесъ, ты себѣ помажь шею, оно и пройдетъ.

— Мажусь, не помогаетъ.

— А у насъ, кумъ, несчастье.

— Слышалъ.

— Подумай, кумъ, выручи.

— Ладно.

Отошелъ Коть отъ теплаго отдушника, обошелъ вдоль и поперекъ всю башенку, потрогалъ засовы,—крѣпко ли держатся,—успокоился и замурылкалъ.

Въ окнѣ сидѣлъ Кучерище, давился,—больше не ѣлъ игрушекъ.

Покатывался со смѣху гадкѣи Зародышъ, катался въ фонарикѣ.

И шалилъ огонекъ: то вспыхнетъ, то не видать.

А по лѣстницѣ шлепала-топала старуха Буроба съ огромнымъ мѣшкомъ за плечами, шарила въ потемкахъ Буроба, мѣтила въ башенку, подымалась на пальчики, подступала тихонько къ двери, отмыкала волшебнымъ ключомъ тяжелый засовъ, пріотворяла дверь...

— Кись-кись!—плакала Зайка отъ страха.

Которыя дѣти любятъ поплакать, Буроба въ мѣшокъ собираетъ.

9.

Много ломать голову Котофей Котофеичъ съ Чучелой-чумичелой: жалко имъ было бѣленькую Зайку, не было у Зайки ни кошельковъ бисерныхъ, ни зайца жаренаго, ни козы паленой, ни пупковъ Кошечя, и личико у Зайки стало такое грустненькое, глазки заплаканы.

И порѣшили Котофей съ Чучелой: опять итти Зайкѣ къ подземелью и продѣлать все, что въ первый разъ дѣлала, и тогда все пойдетъ какъ по маслу,—будетъ и черная шка-тулка, будутъ бисерные кошельки, будетъ и золото не простое, а серебряное.

— Только смотри, Зайка, будь осмотрительна!—напутствовалъ Котъ свою Зайку.

Не тутъ-то было.

Шагу не сдѣлала Зайка, попала въ бѣду.

Ну, заглянула Зайка въ окошко къ Ягѣ, ну и хорошо, итти бы ей себѣ дальше, нѣтъ, не утерпѣла. Захотѣлось ей поближе посмотреть. Отворила Зайка дверку да шастъ въ избушку. И это бы ничего, съ полбѣды, а то возьми да и ущипни Ягу за ушко. Яга проснулась, Яга осерчала, сѣла Яга въ ступу да за бѣленькой Зайкой мигомъ въ погоню.

Боже ты мой, чего только не натерпѣлась бѣдняжка! И съ дороги-то Зайка сбилась и сумочку Зайка потеряла и наголодалась и продрогла вся. Спасибо, Коза-рогатая на пути попалась, а то хоть ложись да помирай, вотъ какъ! Шла Коза бодать, примѣтила подъ кустикомъ Зайку, накормила Зайку молочкомъ, взяла къ себѣ на закорки да на дорогу и вынесла.

Вотъ она какая Коза-рогатая!

Шла Зайка, шла, пришла къ подземелью, влѣзла на дерево. Вышли двѣнадцать черныхъ разбойниковъ сердитые-пресердитые, сказали заклинаніе и скрылись.

— Чучело-чумичело-гороховая-гуличина, подай челнокъ, заметай шестокъ!—сказала Зайка по-разбойничьи.

И когда растворилась дверь, и Зайка попала въ подземелье, захлопала Зайка въ ладошки отъ радости: все какъ стояло на своемъ мѣстѣ, такъ и осталось стоять,—и семи-винтовой столъ, и черная шкатулка, и банки съ золотыми рыбками.

Узнала Зайку Мышка-хвостатка, бросилась къ Зайкѣ съ золотымъ ключикомъ. Взяла Зайка у Мышки ключикъ, и захотѣлось ей напередъ рыбку поймать, только одну, самую маленькую. А какъ поймала Зайка рыбку, — Буроба тутъ какъ тутъ.

— А,—говорить,—попалась!

Тутъ Зайка сложила ручки крестикомъ да бултыхъ въ банку прямо къ рыбкамъ.

И рыбкой, не Зайкой поплыла.

10.

Двѣнадцать родилось молодыхъ мѣсяцевъ, и одинъ за другимъ двѣнадцать ясныхъ они рождались слѣва. Съ лѣвой стороны показывались мѣсяцы, рогатые, старому коту Котофею Котофеичу. И Котъ вздыхалъ тяжело.

Не доброе предвѣщали мѣсяцы: не было Зайки, не возвращалась Зайка бѣленькая къ себѣ въ башенку.

И бросили Бѣлки каленые орѣшки грызть, помчались въ лѣсъ разыскивать Зайку, но и Бѣлокъ не было, не возвращались Мохнатки въ башенку.

И сидѣла въ Зайкиной кровати Лягушка - квакушка подъ Зайкиной думкой, квакала.

— Кисъ-кисъ!—кто-то кликалъ, какъ Зайка, въ долгія ночи.

— Чучело-чумичело-гороховая-куличина, выручи! — мяукалъ жалобно Котофей Котофеичъ, не отставалъ отъ Чучелы.

Но Чучело, измазанный мышиною мазью, безъ головы ничего не могъ выдумать.

У меня, кумъ, что-то въ родѣ мышиною головы проби-вается, и я боюсь, ты меня поймаешь и съѣшь.

— Да не съѣмъ,—клялся Коть,—провалиться мнѣ на мѣсяцѣ, не съѣмъ тебя, только выручи!

— Ладно.

Не ладно было въ балпенкѣ, пусто: ни стрекотни, ни го-вора, ни смѣха.

Только Васютка, сынишка Кучерищевъ, свистѣлъ въ трубѣ, пересвистывалъ визгливо.

И ночь приходила, приникала къ окну темными лохмами, застила свѣтъ, а Котофей Котофеичъ все сидѣлъ у окна, пригорюнившись, не спускалъ глазъ, глядѣлъ на дорогу.

Въ окнѣ сидѣлъ Кучерище.

Привязался Коть къ Кучерищу, а Кучерище къ Коту.

Оба въ оба глядѣли.

— Надоумь меня, Демьянычъ!—мяукалъ Коть.

Кучерище ощеривался:

— Дай сроку, Котофеичъ, все устроится.

И молча выползалъ Червячекъ изъ ямки. Росъ Червячекъ, распухалъ, надувался, превращался въ огромнаго страшнаго червя, потомъ онадалъ, становился маленькимъ и червячкомъ уползалъ къ себѣ въ ямку.

— Кисъ-кисъ!—кто-то кликалъ, какъ Зайка, изъ ночи и грустно и жалостно.

Огонечекъ въ фонарикѣ таялъ.

Раннимъ рано, еще Пѣтушокъ-золотой-гребешокъ не при-
маслилъ головки, вышелъ Котофей Котофейчъ изъ башенки
выручать свою Зайку.

Всю дорогу по наущенію Кучерищи Демьяныча и Чучеля-
чумичеля шелъ Коть степенно, заводилъ умныя рѣчи. Ни-
кого не обошелъ онъ, со всякимъ хлѣбъ-соль кушалъ. Встрѣ-
тились Коту по дорогѣ два Козла-барана, ударялись Козлы-
бараны другъ о друга стычными лбами. Коть и Козловъ не
забылъ, помяукалъ бодатымъ. Переночевалъ онъ ночь у
Бабы-Яги, съ Ягой крысьи хвостики ѣли. Посидѣлъ часокъ-
другой у Артамошки съ Епифашкой, осмотрѣлъ ихъ гнѣздо,
похитрилъ чуточку.

— Зайка теперь рыбкой плаваетъ, доловила!—ехидни-
чали полосатые.

— А я ее съѣмъ!—подзадорилъ Коть.

— Анъ не съѣшь!

— Анъ съѣмъ, и очень просто съѣмъ!

— Да какъ же ты ее съѣшь? Разбойники ее караулятъ!

— Ну и пускай себѣ караулятъ.

— Развѣ что Коза...—почесался Артамошка.

— Конечно, Коза!—подхватилъ увѣренно Коть, будто
зная въ чемъ дѣло.

— А дасть ли Коза холодненькую водицу? — усумнился
Епифашка.

— За водицей дѣло не станеть, Гагана обѣщала! — ска-
залъ Артамошка.

Слово за слово, всю подноготную Коть и вывѣдалъ.

Насулили Коту Артамошка съ Епифашкой золотыя горы,
пошли Кота проводить, да на другую дорогу и вывели: не
къ подземелью, а нарочно опять къ Зайкиной башенкѣ.

Вотъ они какіе, полосатые!

Ужъ и плуталъ Коть, плуталъ, только на осьмую ночь-пришелъ Коть къ подземелью.

Все, какъ водится, вышли двѣнадцать черныхъ разбойниковъ, сказали разбойники заклинаніе и скрылись.

— Чучело - чумичело - гороховая—куличина, подай челнокъ, заметай шестокъ!—сказалъ Коть по-разбойничьи, и вошелъ въ подземелье.

Вошелъ Коть въ подземелье, да хвостъ поджалъ.

Неласково встрѣтили Кота двѣнадцать черныхъ разбойниковъ.

— Иди, отофей,—сказали разбойники,—отправляйся, Котофейчъ, по добру, по здорову домой, пока цѣль, нѣтъ у насъ тутъ для тебя никакой корысти.

— А Зайка?—замяукалъ Коть.

— Зайка!—заартачились разбойники,—не отдадимъ мы тебѣ Зайку никогда! Зайка у насъ рыбкой плаваетъ, и мы на пей всѣ женимся: такая она бѣленькая, бѣляночка.

— Ну, вы меня хоть чаемъ угостите, а я вамъ сказку скажу,—будто сдался Коть.

Согласились разбойники, велѣли самоваръ подать, а сами разсѣлись вокругъ Кота, рты разинули.

Коть шилъ въ прикуску, передыхалъ, сказывалъ.

Разсказывалъ Коть длинную-длинную сказку о какихъ-то китайскихъ яблочкахъ и о купцѣ китайскомъ, запутанную сказку безъ конца, безъ начала.

Разбойники слушали, слушали Кота и заснули. А какъ заснули разбойники, опрокинулъ Коть чашку на блюдечко, да и пошелъ по банкамъ ходить, искать Зайку.

— Кисъ-кисъ!—тихонько покликала Зайка.

Котофей Котофейчъ и догадался, выловилъ Зайку лапкой, обернулъ въ платочекъ, да себѣ въ карманъ и сунулъ.

А разбойники дрыхнуть, ничего не видятъ, ничего не слышатъ.

Тутъ загребъ Котофей Котофейчъ въ оханку черную платулку, сказалъ заклинаше, да поминай какъ звали.

— Э-эхъ!—укорялъ дорогой Котофей свою Зайку-рыбку.

— Да я, Котофей Котофейчъ, только одну хотѣла рыбку поймать, самую маленькую.

— Ну и стала рыбкой, прости Господи!—чихалъ Коть, не унимался.

Зайка едва духъ переводила, такъ прытко стремился Коть въ башенку.

И только когда сестричка-звѣздочка съ елки на Кота глянула, сѣлъ Кота посидѣть немножечко.

Вынулъ Котофей Котофейчъ платочекъ изъ карманка, развернулъ платочекъ, покликать Козу-рогатую.

Прибѣжала Коза-рогатая, дала Зайкѣ-рыбкѣ холодненькой водицы. И превратилась Зайка-рыбка въ настоящую бѣленькую Зайку.

Пободала Коза Зайку, сказала путникамъ:

— Опасность, друзья мои, миновала: разбойники ошалѣли отъ гнѣва, пустили погоню... да не въ ту сторону.

— Ну, спасибо тебѣ, Коза-рогатая,—благодарилъ Коть,—заходи когда къ намъ Зайку пободать.

— Хорошо, зайду когда-нибудь,—отвѣчала Коза,—да лучше вотъ что, я васъ сейчасъ до дому провожу...

Такъ втроемъ и отправились: котъ Котофей, Зайка да Коза-рогатая.

Много было страху и опаски: и съ дороги сбивались, и погоня чуялась, и топали шаги Буробы.

Артамощка съ Енифашкой попали въ просакъ и въ отместку Коту свои козни строили.

Радость необычайная, радость невыразимая! Достигли
путники башенки!

Пошелъ въ башенкѣ дымъ коромысломъ.

Снова плясъ, снова смѣхъ, снова пѣсни.

Прибѣжали Вѣлки-мохнатки, притащили кулекъ каленныхъ орѣховъ, вылѣзъ изъ отдушника Чучело-чумичело, прискакала Лягушка-квакушка о двухъ заднихъ лапкахъ, выползъ Червячекъ изъ ямки, явился и самъ Волчій Хвостъ, улыбался Хвостъ поджаро, болтался.

А гадкїй Зародышъ сѣлъ на корточки въ уголь, ударилъ въ ладошки,—и начались хороводы.

Водили хороводъ за хороводомъ, изъ силъ выбились.

А Коза всѣхъ перебодала, да и опять въ лѣсъ за кленовымъ листочкомъ, только Козу и видѣли. А Чучелу-чумичелу чуть было Котофей Котофейчъ не сѣлъ: такая у Чучелы соблазнительная мышинная мордочка выросла!

— Э-эхъ, кумъ,—пенялъ Коту Чучело,—не говорилъ ли я тебѣ, что ты меня съѣсть захочешь?!

Котъ извинялся.

Кучерице сидѣлъ въ окнѣ, ѣлъ игрушки, головой по-матывалъ.

То-то веселье, то-то потѣха!

Насилу Зайку спать въ кроватку уложили,—такъ разрѣзвилась, изъ рукъ вонь.

И три дня пировали въ Зайкиной башнѣ.

На четвертый день утромъ пристунилъ старїй котъ Котофей Котофейчъ къ Зайкѣ, тронулъ Зайку лапкой, сказалъ Зайкѣ:

— Отпусти меня, Зайка, отпусти, бѣленькая, изъ башенки по свѣту погулять, выхолилъ я тебя, Зайку, вынянчилъ, нора и на волю мнѣ.

Утерла Зайка слезки себѣ пальчикомъ, погладила по шерсткѣ Котофея Котофеича и говорить:

— Какъ же я безъ тебя жить буду, Котофей Котофеичъ, меня Буроба съѣсть.

— Не съѣсть, Зайка, не съѣсть, бѣленькая, гдѣ ей, ну а придетъ старая, ты только покличь, я и вернусь въ башенку.

Поцѣловала Зайка Кота въ мордочку, вытащила изъ новой сумочки любимый свой бисерный кошелечекъ съ павлиномъ, подарила его на память Котофею Котофеичу.

— Голубушка бѣленькая, Зайка моя!—прослезился расстроганный Коть.

Такъ и покинулъ Котофей Котофеичъ Зайкину башенку, пошелъ съ палочкой по свѣту гулять.

И осталась Зайка одна въ башенкѣ, надѣла себѣ Зайка золото на пальчики, взяла у Зародыща афт у—такую краску, размазала афту на дощечку и стала свой собственный портретъ писать.

Придетъ старый котъ, вернется Котофей въ башенку, Зайка ему портретъ и отдасть.

— Афта-афта!—гавкалъ въ трубѣ собаченкой Васютка, сынишка Кучерищевъ, стерегъ башенку.

Пѣтушокъ-золотой-гребешокъ на зарѣ по зарѣ распѣвалъ пѣтушиныя голосистыя пѣсни.

И играло солнце надъ башенкой такъ весело, весеннее.

1905 г.

МЕДВѢЖЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Баю бай-бай, медвѣдѣвы дѣтки,—баю бай-бай,
Косолапы да мохнаты, бай-бай.

Батя медь ушелъ искати,—баю бай-бай,
Мама ягоды собирать, бай-бай.

Батя тащить соты-меды,—баю бай-бай,
Мама ягодокъ лукошко, бай-бай.

Кто олѣнюшкѣ, кто медвѣдюшкѣ,—баю бай-бай,
Въ лѣсѣ колыбель повѣсилъ, бай-бай.

Вышли воины удалые,—баю бай-бай,
Небаюканы, нелююканы, бай-бай.

1906 г.

КЪ МОРЮ-ОКЕАНУ.

МЫШИНЫМИ НОРАМИ.

КОТОФЕЙ КОТОФЕИЧЪ.

Котофей Котофеичъ все хмурился. Сентябрѣмъ смотрѣли подслѣповатые его добрые глаза. Ходилъ Коть по башнѣ угрюмый. Ужь Алалей и Лейла и такъ и сякъ къ Коту, — ничего не дѣйствуетъ: все не такъ, все не по немъ. По ночамъ, случилось, ни на минуту глазъ не заведетъ, безъ сна просидитъ Коть до утра съ тигромъ да съ птицею. Вѣрные звѣри: тигръ—желѣзныя ноги, веревочный хвостъ, да рябая, глазатая птица—желѣзный клювъ, безъ головы,—котофеевы вѣрные звѣри какъ-то таинственно перемигивались съ своимъ взлохмаченнымъ другомъ.

Наступали теплые дни. Таялъ снѣгъ. Байбакъ проснулся. Вышелъ изъ норки Байбакъ, началъ свистать. На ранней зарѣ Алалей и Лейла ходили къ озеру съ круглымъ хлѣбомъ встрѣчать весну. Но и весна не развлекала любимца ихъ, стараго Кота.

„Да не случилась ли какая бѣда съ бѣленькой Зайкой?“ — подумалось имъ, когда, разбирая голубые подснежники, вспомнили они прошлый веселый годъ—свое путешествіе по солонь.

— Вы догадались, — сказалъ Котофей Котофеичъ, — съ Зайкой случилась большая бѣда.

— Опять старуха Буроба! — напустились они на Кота: имъ захотѣлось узнать всю правду о бѣленькой Зайкѣ, которую очень любили.

— Не Буроба. Похуже.

— Кто же? — Горынь-змѣй!

— Пострашнѣе.

— Одноглазое — Лихо?

— Да, оно самое, одноглазое, — пригорюнился Коть, — надо итти выручать Зайку.

— И мы съ тобой, Котофей Котофеичъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, — замахалъ Коть сердито, — васъ еще не доставало! Вотъ уму-разуму понаберетесь, тогда и вамъ дѣло найдется, а пока что, оставайтесь въ башнѣ, я самъ одинъ пойду. Коза-любяные-глаза за вами посмотреть.

— Что жъ, Коза?.. Коза и одеа посидитъ.. Кленовыхъ листочковъ у Козы много.

Котофей Котофеичъ ничего не отвѣтилъ — мимо ушей пропустилъ. Коть все самъ съ собою курлыкалъ: Зайкина бѣда была, должно быть, очень большая. Скоро въ башнѣ у печки появилась вербовая палочка и сапоги, — это означало, что ужъ близокъ тотъ день, когда Коть покинетъ башню.

На Алексѣя — человѣка Божьяго съ горъ потекла вода и старая Щука, пробивъ по обычаю хвостомъ ледъ, вышла изъ озера и явилась въ башню Кота провѣдать.

За послѣдніе же дни у Кота появилась такая похватка: сколько ты его ни проси, къ гостямъ Коть никогда не выходилъ или ужъ выходилъ, когда гости за шапки брались. На этотъ разъ произошло то же самое.

Алалелю и Лейлѣ пришлось занимать Щуку. Коза-любяные-глаза хлопотала по хозяйству — старалась Коза, какъ получше угостить рѣдкую гостью. Разговоръ не клеился. Къ

счастью, сама Щука, промолчавшая цѣлую зиму, распустила свои голубыя крылья и очень легко разговорилась: она рассказала объ Осетрѣ и Утрапъ-рыбѣ—которая воевода рыбамъ, и какъ эта Утрапъ-рыба не можетъ Ерша съ хвоста съѣсть, потомъ рассказала объ озерѣ, о морѣ—въ какихъ она моряхъ плавала и сколько чудесъ перевидала на морѣ... на Морѣ-Океанѣ.

Только рты разѣвали отъ удивленія: ничего подобнаго ни о какомъ морѣ они никогда не слыхали.

И когда Щука, накушавшись плотвичками и окунями, очутилась по своему шучьему велѣнью опять у себя на озерѣ, Алалей и Лейла прямо къ Котофею Котофеичу.

— Котофей Котофеичъ, голубчикъ,—сказали они въ одинъ голосъ,—отпусти насъ къ Морю-Океану: хочется намъ поглядѣть на свѣтъ Божій! Отпусти, пожалуйста, что тебѣ стоитъ!

— И думать нечего,—отрѣзалъ Коть,—къ Морю-Океану! Да знаете ли вы, что къ Морю-Океану еще никто путно не добирался, а если и добирались, то плохо приходилось. Что вздумали!

— Да вѣдь ты же посолонь насъ водилъ!

— А вамъ все мало?

— Отпусти, Котофей Котофеичъ, мы только взглянемъ на море и сейчасъ же вернемся.

— Вернемся, вернемся!—передразнилъ Коть,—вернувшихся смѣльчаковъ разъ-два да и обсчелся, да и откуда вы взяли, будто есть гдѣ-то на свѣтѣ Море-Океанъ?

— А намъ Щука сказала.

— Щука?—Коть страшно заворочалъ глазами и тотчасъ же бросился тщательно осматривать Алалея и Лейлу: пересчиталъ у нихъ пальцы на рукахъ и ногахъ, пересчиталъ у нихъ уши и глаза,—это такой народъ, щука!—курлыкалъ Коть, видя все на своемъ мѣстѣ цѣлымъ и невредимымъ,—

живо, что ни понадесть, отхрюпаетъ, старая пожируха! А Моря-Океана никакого нѣтъ!

— Нѣтъ, есть, есть... за Коцеевымъ царствомъ, — уцѣпились за Кота Алалей и Лейла и не отставали.

— Ну, хорошо, есть, — сдался Коть, — только что жъ изъ того? Хотите, чтобы васъ разрубили на мелкія части, хотите, чтобы у васъ вынули сердце и печень, хотите, чтобы вырѣзали изъ вашей спины ремней, хотите, чтобы отрѣзали вамъ пальцы, хотите, чтобы выкололи вамъ глаза, хотите, чтобы привязали васъ къ лошадиному хвосту, хотите, чтобы размыкали васъ по полю, хотите, чтобы васъ отдали на сѣдненіе звѣрямъ, хотите, чтобы васъ закопали въ землю живьемъ или превратили въ камень, вы этого хотите?

— Нѣтъ, не хотимъ.

— А Баба-Яга?.. Небось не откажется Баба-Яга покататься да поваляться на вашихъ косточкахъ! А попадетесь Залѣсной безрукой бабѣ, да ужъ та васъ, не мигнувъ, сцапаетъ!

— А который царь Горохъ воевалъ съ грибами мы его, Котофей Котофеичъ, увидимъ?

Тутъ Коть понялъ, что всѣ его увѣщанія были напрасны и очень разсердился.

— А тебѣ стыдно, Алалей! — царапнулъ Коть Алалея по рукѣ и скрылся.

Цѣлыхъ два дня Котофей Котофеичъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Алалей и Лейла бродили по башнѣ сами не свои: Море-Океанъ не выходило у нихъ изъ головы, а изъ всѣхъ котофеевыхъ страховъ смущала ихъ лишь одна Залѣсная безрукая баба, но скоро и эта хитрая баба перестала пугать.

Коза, между тѣмъ, приняла въ нихъ самое горячее участіе и такъ старалась расположить Кота, чтобы Коть заговорилъ.

На третій день подъ [конецъ обѣда Коть заговорилъ. А они, понятно, воспользовались наступившей переминой, при-

стали къ Коту и такъ приставали къ нему до самаго вечера, что Коть далъ согласіе.

— Хорошо, я согласенъ, вы пойдете къ Морю-Океану,—сказалъ Коть,—только подождите немного, я подумаю.

Наступила ночь. А Коть все думалъ. И Козѣ долго пришлось возиться, чтобы уложить спать Алалея и Лейлу. Но, и лежа въ постеляхъ, они не могли успокоиться. И вотъ ужъ ночью такое нетерпѣніе поднялось, что рѣшили они, немедля, итти къ Котофею Котофеичу и умолять Кота отпустить ихъ и непременно завтра.

У Котофея Котофеича горѣлъ огонекъ.

Не одѣваясь, направились они къ его двери и, тихонько раскрывъ дверь, ужъ готовы были тутъ же на порогѣ стать на колѣни и выкрикнуть Коту послѣднюю свою просьбу, какъ вдругъ зрѣлище, представшее ихъ глазамъ, такъ ихъ поразило, что они, не пикнувъ, пристыли къ мѣсту.

Покои Котофея Котофеича превратились въ вершину высокой горы, на горѣ росъ огромный дубъ, подъ дубомъ сидѣлъ самъ Котофей Котофеичъ, а съ нимъ Черный Орель и Бѣлая Сова.

Коть, Орель и Сова о чемъ-то совѣщались.

— Хорошо,—говорилъ Коть,—я такъ и сдѣлаю, я Одноглазому Лиху выколю его единственный глазъ, и ужъ тогда Лихо потеряетъ всю свою силу, и Зайка будетъ вѣдь опасности.

Орель разинулъ свой красный клювъ, одобряя Кота.

Коть обратился къ Орлу:

— А что ты скажешь, заоблачный Орель, о затѣѣ итти къ Морю-Океану?

Услышавъ о себѣ, Алалей и Лейла перестали дышать и такъ вытянулись, что готовы были всякую минуту сорваться куда-то въ пропасть.

— Надо обладать медвѣжьей силой, волчьими зубами,

соколиными крыльями, рыбьей быстротой, рысьими когтями, чтобы добраться до Моря-Океана, — отчеканилъ Орель.

— Откуда же взять такое? — развелъ Коть безпомощно лапками.

— Затѣя пустая! — сказалъ Орель.

— Очень ужъ пристають они... Горе мнѣ съ ними да и только.

Орель отъ нетерпѣнія приподнялъ свои черныя крылья.

— Я ужъ и самъ не знаю, — продолжалъ Котофей Котофейчъ, — какъ имъ безъ меня однимъ итти? Легко сказать, къ Морю-Океану!

— Пускай себѣ идуть, — вступилась Сова, — доберутся.

— Не думаю, — покачалъ головой Орель и опять раскрылъ свой красный клювъ.

— Опасность большая, но разъ они просятся, надо исполнить, ты отпусти, Котофей! — настаивала Сова.

Въ глазахъ у Амалея и Лейлы позеленѣло, а сердце такъ запрыгало отъ радости, что, ужъ не помня себя, они чудомъ какимъ-то снова очутились въ кроватяхъ.

Ужъ солнце высоко сіяло изъ-за лѣса, когда Амалея и Лейлу разбудила Коза.

— Вставайте скорѣе, пора собираться въ дорогу: завтра вы идете къ Морю-Океану.

Услышавъ отъ Козы такую радостную вѣсть, Амалея и Лейла чуть не задушили Козу, и такъ ее тискали безъ милосердія, и такъ катались съ ней кубаремъ по полу, что Коза раза два и позаправду боднула ихъ только не больно.

Въ этотъ памятный день за обѣдомъ они ѣли змѣиную кашу, чтобы знать и понимать языкъ звѣрей, птицъ и цвѣтовъ, и прихлебывали душистый наваръ изъ чудесныхъ травъ, — Козы изготовленіе: Коза въ этихъ дѣлахъ большой мастеръ.

Потомъ они пробовали примѣрять себѣ всякія звѣриныя

платья, повывнесенныя Козой изъ кладовыхъ, гдѣ не мало всякаго добра хранилось въ ковшаныхъ устюжскихъ сундукахъ. Но звѣриныя платья были пересыпаны отъ моли какимъ-то такимъ ѣдкимъ табакомъ, отъ котораго тотчасъ закружилась голова, и всю рухлядь унесли обратно.

Послѣдній вечеръ прошелъ въ разговорахъ.

Коза долго толковала Алалею и Лейлѣ, какъ итти имъ и что дѣлать и чего не дѣлать, а они, хоть и внимательно слушали Козу, да какъ-то все изъ головы у нихъ само собою вылетало. Впрочемъ, когда Коза кончила свои наставленія, они поклялись ей, что исполнять козиный завѣтъ, и ничего не будутъ дѣлать, чего не падо дѣлать, а всегда будутъ дѣлать то, что слѣдуетъ дѣлать,—и въ подкрѣпленіе своихъ словъ съѣли по комочку земли. И Коза тоже съѣла немножко.

— Всѣ дороги ведутъ къ Морю-Океану,—сказалъ Котофей Котофейчъ, одобривъ Козы науку,—но есть три главныхъ пути: первый путь лежитъ волшебными странами, второй путь лежитъ широкими рѣками, третій путь лежитъ темными лѣсами, болотами, полями и рѣчками.

— Мы пойдемъ волшебными странами!

— Ну вотъ, такъ я и зналъ,—Коть съ досады заходилъ по башнѣ и закурлыкалъ жалобно,—нѣтъ, невозможно, такъ вы пропадете. Первые два пути для васъ закрыты: чтобы итти волшебными странами, надо умѣть ходить широкими рѣками, а до широкихъ рѣкъ надо пройти еще долгій путь, и безъ меня вамъ однимъ не справиться. Остается третій путь, по которому вы и отправляйтесь.

— А когда мы пойдемъ волшебными странами?

— А тамъ увидимъ, когда! Да вотъ еще что: зайдите-ка къ дѣдушкѣ, къ Бѣлуну, дѣдъ васъ давно поджидаетъ. У него отдохнете, старика порадуете, а случится зазимовать, остановитесь у моего стараго свата Копоула Копоуловича. Копоуль котъ ученый, большой баутчикъ! большой баут-

чикъ!—и, пропѣвъ себѣ что-то пріятное подѣ носъ, Котофей Котофейчъ ушелъ въ свои покои: Котъ тоже собирался въ дорогу.

Когда заря вошла въ окошко башни, Алалей и Лейла стали прощаться съ Козой. Козѣ очень не хотѣлось такъ надолго съ ними разставаться.

— Смотрите же, будьте поосторожнѣе, ты, Алалей, береги Лейлу, ты, Лейла, слушайся Алалея, да поскорѣе возвращайтесь!—кричала Коза вдогонку, когда спускались они по ступенчатой лѣстницѣ изъ башни на волю.

Правда, прошло немало времени, прежде чѣмъ Алалей и Лейла вышли на дорогу: Котофей Котофейчъ все возвращался въ башню, забывая то одно, то другое, то будто птицѣ чего-то не сказалъ, то у тигра чего-то не допрошено.

На распутьѣ дорогъ Котофей Котофейчъ еще разъ повторилъ свое наставленіе, поцѣловалъ ихъ, и они разошлись: Котъ пошелъ къ Лиху-Одноглазому выручать Зайку, Алалей и Лейла—за тридевять земель къ Морю-Океану.

1907 г.

ВОЛКЪ-САМОГЛОТЪ.

Каково было чувство нашихъ путешниковъ, когда неожиданно-негаданно, еще не закончивъ и первый день своего невѣдомаго пути къ таинственному Морю-Океану, очутились они въ самомъ невозможномъ и печальномъ положеніи: Алалей и Лейла попали въ брюхо къ Волку-Самоглоту.

И случилось все это очень просто. Встрѣтивъ на полянѣ спящаго волка, Алалей и Лейла не могли удержаться и, забывъ Козы науку, не могли не потрогать страшнаго волка. Они погладили Самоглота по его сѣрой лоснящейся шерсткѣ, правда, совсѣмъ тихонько погладили волка, да волкъ-то съ просонья—волкъ очень чувствительный!—не разобравъ хорошенько, въ чемъ дѣло, хапъ!—и проглотилъ ихъ.

Было бѣ имъ слушаться Козу, строго исполнять даже и такое, чего сама Коза, отправляя путешниковъ въ дорогу, захопотавшись, сказать забыла, и не поступать съ перваго же шага такъ опрометчиво... Шутка ли, вѣдь Волкъ-Самоглотъ не простой волкъ—дураку волкъ гусли-самогуды изъ-за тридевяты земель досталъ! И попасть къ такому волку въ брюхо—не шутка.

Сидя у Самоглота въ брюхѣ, Алалей винилъ Лейлу, Лейла вирила Алалея.

— Это ты все, Лейла,—говорилъ Алалей,—ты! Ну зачѣмъ понадобилось тебѣ гладить этого волчищу! Ну, посмотрѣли мы на него, ну, постояли немножко, подули тихонько на шерстку, и итти бы себѣ тихо и смирно, и зачѣмъ надо было еще руками трогать?

— Нѣтъ, Алалей,—возражала Лейла,—это не я, это ты. Ты мнѣ и волка показалъ, ты меня и къ волку подвелъ и тебя же перваго... нѣтъ ужъ, ты припомни, Алалей, тебя перваго и проглотилъ волкъ, а меня за одно.

— И вовсе не за одно! Я хватился тебя, хотѣлъ закричать и какъ разъ въ эту самую минуту и схватилъ меня волкъ. Кого же перваго проглотилъ волкъ: меня или тебя?

— Тебя., Алалей!

— Конечно, меня! Я всегда виноватъ. И что скажетъ Коза, когда дойдетъ до Козы! Что скажетъ самъ Котофей Котофеичъ! Эхъ, Лейла, пропало наше путешествіе, прощай теперь Море-Океанъ.

— Давай, Алалей, подыдемъ крикъ, будемъ топать, шумѣть, пищать, насъ услышать и освободятъ.

— Кто насъ услышитъ! И гдѣ тутъ потопаешь! Освободятъ? Кому это нужно? Вотъ ты бы не трогала волка, вотъ это нужно.

— Ты меня, Алалей, совсѣмъ не любишь!

— Да если бы я былъ одинъ,—обидѣлся Алалей,—попади я одинъ къ волку въ брюхо, ей Богу, ни о чемъ бы я и не думалъ. Вѣдь, я о тебѣ беспокоюсь...

— Мнѣ, Алалей, вѣсть хочется.

Алалей ничего не могъ отвѣтить. Алалей только безпомощно развелъ руками: въ самомъ дѣлѣ, что достать Лейлѣ, такой капризной и нѣжной и баловнищѣ, тутъ, въ брюхѣ Самоглота волка!

Всѣ углы Самоглотова брюха были завалены всякой жив-

ностью, но все было въ самомъ неподходящемъ и несъѣдобномъ видѣ: живьемъ свалены лежали козы, овцы, бараны, телята и тутъ же всякіе рога, копыта, клювы, хвосты, холки, бороды, гривы и тутъ же вещи совсѣмъ случайныя—рукавицы, валенки, немало стѣнъ холста и красный пузатый самоваръ.

Въ брюхѣ пошелъ дождикъ.

Шелъ дождикъ по осеннему мелкій, и теплый, какъ лѣтомъ.

Самоглотъ бѣжалъ, такъ все и бѣжалъ волкъ по своему волчьему дѣлу, бѣжалъ лѣсомъ и полемъ, и опять лѣсомъ и опять полемъ, черезъ логи, черезъ болота, черезъ овраги и овражки.

Ужъ затихли шаги солнца, ужъ вышелъ мѣсяцъ и соловей—весенняя залетная птица, высвистывая, запѣлъ свою пѣсню, когда пришла ночь и на волка: набѣгавшись всласть грохнулся волкъ на землю и захрапѣлъ по-волчьи.

Успѣвшие и промокнуть и обсушиться, Алалей и Лейла понемногу освоились и, оправившись послѣ толчка, отброшенные на другой конецъ волчьего брюха, пошли бродить въ брюхѣ, отыскивая хоть какой-нибудь свѣтикъ на волю.

Послѣ долгихъ поисковъ въ лѣвомъ боку — Самоглотъ спитъ на правомъ—отыскали они въ родѣ слухового окошка.

Первая выглянула на волю Лейла и тотчасъ отъ страха спряталась за Алалея. Выглянулъ Алалей и зажмурился.

Что случилось? Что было на волѣ? Что такъ испугало Лейлу, отчего зажмурился Алалей?

— Не бойся, Лейла,—сказалъ, Алалей,—это он и... къ нимъ надо привыкнуть... это совсѣмъ не люди, только не бойся, Лейла.

И оба, крѣпко притиснувшись другъ къ другу, высунулись изъ волчьего окошка на волю.

Мѣсяць низко спустиль рога и было видно, какъ днемъ.

Самоглотъ дрыхъ на курганѣ—на какой-то шведской могилѣ, а отъ могилы весь поемный берегъ до самой рѣки раззыбался—кишѣль всякой весенней нечистью.

И кого только не было тамъ: домовые, домихи, гуменные, банные, лѣсунки, лѣсовые, лѣшіе, листотрясы, коренные, душляные, моховые, полевые, водяные, хлѣвники, чужаки, наброжіе и обломъ, костоломъ, кожедеръ, тяжкунъ, шатунъ, хитникъ, лядащикъ, голохвость, ярунъ, долгоносикъ, шныня, куреха и шептунъ со своею шептухой.

Одни пыжились, словно куры при сноскѣ, и топорились и торопились, другіе все въ припрыжку—и тряслись и качались,—черно-кровные, черномазые, захлыщевые, забубенные, игрунки, скакунки, хороводники, третьи тихіе, тихоногіе—трава подъ ними не топчется, цвѣты не ломаются, и полозомъ ползли по змѣиному вислогубые, вислоухіе, крючконосые, тонконогіе, и подземные изъ подземныхъ норъ—изъ сырой и холодной страны.

Всѣхъ весна выгнала, всѣхъ весна выманила изъ зимнихъ темныхъ закутъ, закружила весна—и не спится, все манится.

Коротала нечисть весеннюю ночь, другъ съ дружкою разговоръ вела.

Съ чего началось, неизвѣстно. Да разговоръ у нечисти ни съ чего и не начинается прямо.

Лѣсовой хвалилъ лѣсь.

— Хорошо въ лѣсу — шумѣль Лѣсовой, какъ еловья шишки шумять,—хорошо и легко и весело! Ауку, чай, знаете? Аука въ избушкѣ живетъ: а изба у него съ золотымъ мхомъ, а вода у него круглый годъ отъ весенняго льда, помело у него—медвѣдевая лапа, бойко выходитъ дымъ изъ трубы, и въ морозы тепло у Ауки. Старички и старушки — Лѣсавки въ прошлогоннихъ листьяхъ сидятъ, а какъ осень подходитъ, завидятъ Лѣсавки осеннія

звѣзды, схватятся за руку, скачуть по лѣсу, свистять на весь лѣсъ, безъ головы, безъ хвоста, скачуть, вотъ какъ свистять! Листинъ-слѣпышка и Листина-баба только и знаютъ, бродятъ въ листьяхъ по лѣсу, шуршать. Лѣшакъ-хворостяникъ въ хворостѣ спитъ. Залѣсная-баба—безрукая баба, а такъ и норовитъ тебя сцапать, худа, какъ былинка. А за озеромъ въ черничномъ бору живетъ Болибошка. А за лѣнивымъ болотомъ живетъ Болотяпикъ. А за дикою степью, за березовымъ лѣсомъ — вѣдьма Рогана. Ночью ходитъ Рогана по лѣсу въ вѣнкѣ изъ лѣсныхъ цвѣтовъ, кукуетъ вѣдьма тихо и грустно. А о лютомъ звѣрѣ Корокодилѣ я ничего не знаю. Кто-нибудь слышалъ?

Помалкивала нечисть.

Потрескивалъ перелетный огонекъ, то вспыхивалъ ярко, то чуть свѣтился голубенькой змѣйкой.

Одинъ забубенный—Коровья-нога, облизнувшись, сказаль:

— Я, Коровья-нога! Есть звѣрь котъ-и-левъ—есть онъ звѣрь страшный, усатый, а корокодилъ, я ничего не слыхалъ о корокодилѣ.

— А у насъ совѣмъ по другому,—проницаль Долгоносикъ,—насъ у Адама было дѣтей много. Разъ на Пасху приказаль Богъ Адаму вывести всѣхъ насъ дѣтей себѣ на показъ. Адамъ постѣснялся: совѣстно тащить такую араву. Потациль Адамъ только старшихъ, а мы дома остались. Мы и есть эти самыя сиротыя домашнія дѣти Адама.

— А мы падшіе духи,—прошипѣль тихоногий,—падшіе духи, были мы очень надоѣдливы, дѣла не дѣлали, ходили по пятамъ Бога, ну Богъ насъ и турнулъ съ неба.

— А мы невѣрные, мы бывшіе ангелы, погналь насъ архангель. Сорокъ дней мы летѣли, сорокъ ночей, и кто куда попалъ, тотъ тамъ и остался,—ввернулъ отъ себя бывшій

ангелъ, ни на что не похожій: носъ — зарубка коромысла, ноги—завитокъ бересты, а легокъ, какъ шишка хмеля.

— Звѣрь котъ-и-левъ есть страшный, усатый...—обли- зывался забубенный Коровья-нога; дался Коровьей-ногѣ этотъ звѣрь Котылевъ.

А съ весеннею полночью прямо на нечисть шла по ве- сеннему лугу дочка-веснянка, Зовутка.

Стала Зовутка. Звѣздою рассыпалась ея завивная коса. Моргнула Зовутка зарницей.

И словно громомъ ударило нечисть.

Изъ прошлогодней соломы закурлыкала лядащій бѣсъ со- л о м и н ѣ, притрушенный теплою соломой. И откликнулся лугъ, загудѣлъ, и весь берегъ защелкалъ и заахалъ и заау- калъ, застрекоталъ лѣсъ стрекозою.

Пошелъ хороводъ, заигралъ, закружился,—ой, хороводъ!

Либо копыто, либо рога, либо крыло, либо, Богъ знаетъ что, а можетъ быть, звѣрь котъ-и-левъ, можетъ быть, самъ звѣрь корокодилъ, что-то, кто-то отдалъ волку лапу.

Какъ вскочить Самоглотъ, потянулъ воздухъ, фыркнулъ да и былъ таковъ.

Алалей и Лейла едва-едва успѣли отъ окна отскочить.

Мчался волкъ, летѣлъ Самоглотъ, сломя голову, бѣжалъ лѣсомъ и полемъ, и опять лѣсомъ и опять полемъ, черезъ логи, черезъ болота, черезъ овраги и овражки.

Укачивало въ волковомъ брюхѣ.

Лейла дремала.

— Мнѣ, Алалей, жалко Зовутку.

— Имъ, Лейла, весело.

— Съѣсть ее звѣрь корокодилъ. И какъ это они насъ не замѣтили?

— Имъ не до насъ.

— А кому же до насъ, Алалей?

— Утро придетъ. Дождемся утра, заснетъ Самоглотъ, и мы прямо въ окошко на волю.

— Хоть бы утро скорѣе... я тебя люблю, Алалей, я тебя очень, очень люблю, Алалей.

И когда пришло утро, вышли Алалей и Лейла изъ волкова брюха на волю. И долго бродили они по лѣсу, по полю и по болоту, много встрѣтилось имъ всякихъ напастей и, много узнавъ всякихъ диковинъ, вышли они на тропинку.

Доведетъ ихъ тропинка до Моря-Океана.

— Лейла, я тебя очень, очень люблю!

1910 г.

ВЕСЕННИЙ ГРОМЪ.

Ангелы по мосту ѣдутъ.

— Бѣлые Божіе, куда вы поѣхали?

Стучать, топаятъ кони. Плавно катятъ бѣлыя сосновыя повозки. На повозкахъ возъ полевыхъ цвѣтовъ, цѣлый возъ кудрявыхъ молоденькихъ березокъ.

Плавно катятъ колеса, не скрипятъ: смазаны дегтемъ.

И прямо по пути на грозный перекрестъ, гдѣ расходятся дороги Солнца, Земли и Мѣсяца, твердо ступая на глухихъ желѣзныхъ ногахъ, ихъ ведетъ поводырь—орлокрылая птица Г л а в и н а: женскіе долгіе волосы спущены ей на глаза, а изъ глазъ, ровно льются, летятъ стрѣлы.

Оттого такъ и гремитъ кругомъ.

Ангелы по мосту ѣдутъ.

— Бѣлые Божіе, куда вы поѣхали?

— А поѣхали мы, ангелы, со цвѣтами-колокольчиками и съ кудрявыми березками на седьмое небо къ Богу справлять Троицу.

1908 г.

РЕМЕЗЪ—ПЕРВАЯ ПТАШКА.

Сбились съ пути, а дороги не знаютъ. Лѣсъ незнакомый. И ночь. Лучше бы имъ переждать у сѣдого Ауки въ избушкѣ. Тепло у сѣдогоауки. Самъ Ау ка затѣйный: знаетъ много мудреныхъ доукъ, балагурья, обезьянку соорудить, колесомъ перевернется и охочъ поугать, инда страшно. Да на то онъ Аука, чтобы пугать.

Ливмя лиль дождикъ и лишъ въ вечеру по закату поднявшимся вѣтромъ разволокло сердитыя тучи, и свѣтло за угорь сѣло солнце.

Сбились съ пути, а дороги не знаютъ. Лѣсъ незнакомый. И ночь. Сосны и ели шумять, какъ въ погоду. А звѣзды— а звѣзды—большія!

Выручилъ кустъ. Пустилъ ночевать.

Хорошо еще лѣтомъ: всякій кустъ тебя пустить, а зимой— пропадешъ, когда инеемъ—стужей всю землю покроетъ.

— Тише, Лейла! Тутъ, кромѣ насъ, какъ и мы, безъ дороги одноухій маленький заяцъ съ усомъ! Какъ продрогъ! И всего ужъ боится, бѣдняга.

Заяць ихъ не узналъ. Заяць ихъ принялъ за что-то да за такое, не на шутку струхнулъ и сейчасъ улепетывать, — куда тамъ!

Ну, потомъ все разъяснилось.

И осталось подъ кустикомъ трое: Алалей, Лейла да Заяць съ усомъ ночь коротать.

Разказалъ имъ сѣрый о лисицѣ — которая лиса пѣсни поетъ, и о лютomъ звѣрѣ — который звѣрь сердитый, и о птичьей ногѣ — которая нога сама вездѣ ходитъ. Отогрѣлся и задремалъ.

Они и сами не прочь. Въ сонѣ голову клонить, да язычекъ у кого-то... все бы ему разговаривать и ушки такія... все бы имъ слушать, и глаза такіе... все бы имъ видѣть. Вотъ и не спятъ.

— Зайчикъ заснулъ?

— А то какъ же, — второй сонѣ поди видить!

— Звѣзды большія!

— Большія.

— А самыя большія?

— Въ пустынь тамъ, гдѣ верблюды.

— А если на дерево влѣзть, можно ухватиться за звѣзды?

— А вотъ какъ заснемъ, да влѣземъ на елку, ты и ухватишься.

— А ты мнѣ про птицу-то разказать обѣщался?

— Про какую про птицу?

— Да про ту... ты же мнѣ говорилъ... первая птица такая...

— А! про Ремеза — первую пташку!

— Ну и что жъ она, Алалей, маленькая?

— Такъ себѣ не великая, маленькая, сама коричневатая, горлышко — бѣлое. Носъ у ней — другого такого не найти у птицъ, и лапки особенныя. Суетливая, все ремезить. А гнѣздо она вьетъ — лучше всѣхъ гнѣздъ — гнѣздо у ней кошелемъ... за то и слыветъ первой у Бога. Вотъ и все.

— Нѣтъ, ты хотѣлъ рассказать много!..

— Ну любить Ремезъ, гдѣ рѣки, гдѣ озера, иву любить за море летаетъ. Кто хранитъ гдѣздо Ремеза въ домѣ, въ тотъ домъ громъ не бьетъ. А погибаетъ Ремезъ въ бурю— береговая пташка. И большая пѣвунья: голосъ не великій, маленькій, только что для дѣтей...

— Въ родѣ кукушки?

И глаза засыпаютъ у Лейлы.

Жутко въ лѣсу. Ночь все тѣснѣе, ночь все ближе. Весь лѣсъ обняла. А звѣзды—а звѣзды—большія.

1907 г.

Б Ъ Л У Н Ъ.

Заковали студеному Вѣтру колючія губы, не велѣли холодомъ дуть, и Морозъ-Трескунъ, засыпанный снѣгомъ, сѣлъ отдыхать въ холодномъ царствѣ на полночи.

Пришло теплое лѣто.

Забыто ненастье.

Все живетъ, все у земли копошится, кустомъ разрастается.

Медвѣдь-пыхтунъ зашатался по лѣсу, а кузнечнику—воля: стрекочи хоть всю ночь.

Пошли люди съ косами съ острыми. Поспѣлъ сѣнокосъ.

И куда ни заглянешь, все-то словно невиданно: къ каждому цвѣтку наклоняешься, тронулъ бы всякую травку...

Хороша погода, украслива.

Гей!—подлѣ ржи проходить Бѣлунъ.

Какой бѣлый, самъ въ бѣлой рубахѣ, и отъ солнца не заститя: оно ему любо. Изъ лѣса идетъ: безъ него, говорятъ, темно въ лѣсѣ. Заблудишься, только спроси, Бѣлунъ и дорогу покажетъ.

— Дѣдушка, на сѣнокосъ?

Не слышитъ. Гдѣ тутъ услышишь!

Вотъ ступилъ на межу...

— Дѣдушка!

— Что тебѣ, родный?—дѣдъ улыбнулся: и ему хорошо...

Идетъ Бѣлунъ по межѣ, идетъ лѣтней дорогой, ударяетъ клюкою: вспоминаетъ ли старый стародавнее бусово время или далось на раздумю другое... наша русская доля?

Лязгъ косы звонче.

Стрекочетъ кузнечикъ.

Такъ до бѣлаго мѣсяца лязгъ косы звонокъ.

Ходить по нивѣ Бѣлунъ, надѣляетъ добромъ.

1907 г.

СОБАЧЬЯ ДОЛЯ.

За Могильною горою стоитъ бѣлая избушка Бѣлуна.

Бѣлунъ—старикъ добрый. Алалей и Лейла остались у дѣдушки погостить.

Съ разсвѣтомъ рано отправлялся Бѣлунъ въ поле. Высокій, весь бѣлый, ходилъ онъ все утро по росистой межѣ, охранялъ каждый колосъ. Въ полдень шелъ Бѣлунъ на пчельникъ, а когда спадала жара, опять возвращался на поле. Только вечеромъ поздно приходилъ Бѣлунъ въ свою избушку.

Не отставали они отъ дѣда, такъ и ходили за нимъ и на поле, и на пчельникъ. А какой онъ добрый, какой ласковый бѣлый Бѣлунъ!

Бѣлуна всѣ любятъ. Медвѣдь не трогалъ.

— Страннаго человѣка медвѣдь никогда не тронетъ, онъ знаетъ! — говорилъ старикъ, — встрѣтишься съ медвѣдемъ, скажи ему: „Иди, иди, Миша! Я—странникъ, ничего тебѣ не сдѣлаю“. И медвѣдь уйдетъ.

Разсказывалъ по вечерамъ Бѣлунъ сказки, когда не спалось, или въ погоду, когда было страшно, или очень приставать начинали.

А собака у Бѣлуна—Бѣлка. Станеть старикъ къ ужину хлѣбъ рѣзать, Бѣлкѣ горбушку дать — первый кусокъ. И всегда онъ такъ дѣлалъ: Бѣлкѣ первый кусокъ.

— Мы ѣдимъ Бѣлкину долю, — сказалъ какъ-то дѣдушка, — у человѣка доля собачья.

— Какъ такъ—собачья?

И ужъ они не могли успокоиться, пока Бѣлунъ не разсказалъ имъ всего.

Раньше все не такъ было, не такое. И земля была не такая. Ржаной колосъ съ земли начинался отъ самаго корня и былъ метлистый, какъ у овса. Ни косить, ни жать нельзя было, подрѣзали колосыя каменнымъ шиломъ, чтобы не растерять зерна. И хлѣба было всеѣмъ вволю.

И случилось однажды, вышелъ Христось странникомъ на поле, вышелъ Христось посмотрѣть, какъ живутъ на землѣ его люди. А какъ людямъ жить? Извѣстно, и хлѣба по горло—сыты, такъ другимъ чѣмъ возьмутся другъ друга корить—осатанѣли!

Идетъ странникъ по полю, радуется: зерна такъ много, колосъ полный отъ земли до верхушки. И весь день ходилъ странникъ до вечера, а вечеромъ на ночлегъ собрался.

Туда постучить, сюда попросится,—никто его не пускаетъ.

Гонять странника.

„Еще стащить чего!“ — вотъ у каждаго что на умѣ: страшно за добро, хоть и дѣвать-то его некуда, добра-то всякаго.

Вошелъ странникъ къ богатымъ въ богатый домъ. Не просился онъ на ночлегъ, просить хлѣба кусокъ — милостыню. А пекла хозяйка блины, увидала странника, разругалась, на чемъ свѣтъ стоитъ, турнула за дверь. Да вгорячахъ схватила блинъ, вытерла блиномъ грязную лавку — кошкннъ слѣдъ дурной, кинула блинъ вдогонку.

Поднялъ странникъ блинъ, положилъ въ котомку и пошелъ въ поле.

„Нѣтъ ужъ, ничѣмъ, видно, сытаго не проймешь! Ему горя нѣтъ! Осатанѣлъ человекъ въ вольготѣ!“

Разгнѣвался странникъ и, ставъ среди поля, позвалъ страшную тучу.

И поднялась на его зовъ страшная туча. Загремѣла гроза.

Палило огнемъ, било градомъ, смывало дождемъ.

Ужъ не кричатъ, не вопятъ—остолбенѣли: вѣдь, все хозяйство пропало, весь хлѣбъ погибъ, всѣ колосья онципаны. И одинъ лишь остался маленькій колосъ на длинной соломѣ.

Черно, пусто, голо на вольготной богатой землѣ.

— Тутъ-то вотъ Бѣлка и вышла изъ конурки,—разсказывалъ добрый бѣлый Бѣлунъ,—видитъ собака, дѣло плохо, съ голода подохнешь, и выбѣжала въ поле да какъ завоюетъ. „Ты чего, Бѣлка, воешь?“ „Ѣсть хочу!“ И тронули Бога собачьи слезы, снялъ Богъ грозную тучу. Засвѣтило солнце, пригрѣло. И остался на землѣ маленькій колосъ—собачій, что Бѣлкѣ за слезы ея пришлось отъ Бога, маленькій колосъ собачій, на длинной соломѣ. Съ той поры и ѣдятъ люди долю собачью. Наша доля собачья!

1910 г.

БОЖЬЯ ПЧЕЛКА.

На зеленый дворь залетѣли пчелы — это къ счастью. И остались жить.

Въ цвѣту липа. Липовымъ цвѣтомъ золотится весь душистый садъ.

Частый, сильный рой отъ неба до сырой земли.

То-то хорошо, ну весело!

Вотъ теплый день уплылъ, восходить звѣзда Вечерница, а онѣ, сѣрыя, ярыя, жужжать—собирають медъ.

Много будетъ меда бѣлаго.

И по гречишнымъ полямъ и въ поемныхъ зеленыхъ лужьяхъ, вдоль желтой дремы, въ пестрой кашкѣ и въ алой зорѣ съ цвѣтка на цвѣтокъ вьются пчелы.

Частый, сильный рой отъ неба до сырой земли.

То-то хорошо, ну весело!

Вотъ на смѣну дню распахнется долгая вечерняя заря, а онѣ, сѣрыя, ярыя, жужжать—трудятся.

Много будетъ меда красного.

Густые меду, желтый воскъ.

Хватить всѣмъ сотовъ на Спасовъ день: Богу—свѣчка, ломоть—дѣду, и въ улей довольно на зиму.

— А скажи намъ, пчелка, откуда вы такія зародились?

Выбирала одна пчелка изъ Богородничной травы сладкаго меду.

— А не велѣно намъ сказывать,—отвѣтила пчелка.—Водяной дѣдъ не любитъ, кто не умѣетъ хранить тайну, а Водяной надъ нами главный.

— Мы только дѣдушкѣ скажемъ.

— А дѣдушка Бѣлунъ самъ пчелу водить, мудрый, онъ и безъ васъ знаетъ.

— Ну мы большимъ никому не скажемъ.

— Ну что жъ,—прожужжала пчелка,—вамъ-то я и такъ бы рассказала, только некогда мнѣ долго рассказывать...

И мохнатая сѣрая пчелка запѣла:

— А поссорился Водяной съ Домовымъ, все бъ имъ старымъ ссориться, заѣздилъ сѣдой фроловскаго коня. И валялся конь съ годъ въ сыромъ затрясѣ. Въ кочкорье—болото небось никто не заходитъ! Вотъ отъ этого фроловскаго коняги мы къ веснѣ и отродились. Разъ закинули рыбаки неводъ и вытащили насъ изъ болота, пчелиную силу, и разлетѣлись мы, пчелы, на всѣ цвѣты по всему бѣлому свѣту. Смотрить за нами соловецкій угодникъ Засима и другой угодникъ Савватій, насъ и охраняютъ. Мать наша Свирия и Свѣона, бабушка Анна Судомировна.

И полетѣла Божья пчелка, понесла съ поля меду много на сонъ грядущій.

Горѣло небо багрянымъ вечеромъ.

Тамъ по разволю небесному будто рой золотыхъ пчелъ посылалъ на землю медвяную росу, обѣщая зарю, солнце да ведро.

1907 г.

ПРОЛИВНОЙ ДОЖДЬ.

Баба-Яга собирается хлѣбы печь.

Задумала старая жениться — взять въ мужья рогатаго чорта—Верхового. Онъ, извѣстно, галченкокъ: всѣмъ верховодить.

Взгомозилась на радостяхъ банная нежить: банная нежить въ сырости заводится изъ человѣчьихъ обмылковъ, а потому страсть любопытна. Вотъ заберется она за Гѣнскія горы пировать въ избушку, насмѣется, наѣтся, все перемутить, всѣхъ перепугаетъ,—такая ужь нежить.

А! какъ ей весело: старикъ Домовой на бобахъ остался—показала Яга ему носъ. Тоже жениться на Ягѣ задумалъ!

Да и лѣдъ Домовой въ долгу не остался: подшутить надъ Ягой.

— Бить тебя надо, безпутый, да и обивки-то всѣ въ тебя вколотить!—плачетъ Яга, ходитъ у печи.

— Бабушка, чего же ты плачешь?

— А какъ мнѣ Бабѣ-Ягѣ не плакать, не могу посадить хлѣбы: Домовой укралъ лопату.

И плачетъ. Не унять Ягѣ слезы: скиснутся хлѣбы,—прибѣтъ Верховой.

— Бабушка, не плачь такъ горько, мы тебѣ отыщемъ лопату.

А слезы такъ и льются,—полна капель натекаетъ.

— Эй помогите! Найдемъ мы лопату да бросимъ на крышу: Яга улыбнется—и дождь перестанетъ.

1908 г.

КОЛОКОЛЬНЫЙ МЕРТВЕЦЪ.

Проводилъ Бѣлунъ гостей до Сухого Каратыга. Шли путники цо Самохваткѣ вдоль улицы въ конецъ.

Быль поздній вечеръ.

Золотое солнцезо яблоко, покотившись по лѣсу, закатилось въ оврагъ. И красный вечерній край неба погасъ.

Всѣ пестрехи, чернохи, бурехи ужъ вернулись съ поля домой, а Бурку-коня и Лысына повели въ ночное на травы. И Жучекъ и Бѣльчикъ и Рябчикъ,—всѣ поросятки заснули въ хлѣву и сама свинья, мать сивобрыса, Хавронья, глядя на ночь, по-свиному задумалась. И закрыли и заперли всѣ закуты, загоны, и муха-шумиха и комаръ-пискунъ угомонились. А Чубаръ и Лыско, и Соколь и Зорька, и Пустолайка и Найда, ночь почуя, по-ночному завозились въ конурѣ.

Хоронясь по чужимъ огородамъ и заднимъ воротамъ, проползла на четверенькахъ, словно таптыга медвѣдь, Мамашина бабушка. Надулись кровью старушечьи губы и заострился жаломъ ея оговорчивый пересмѣшливый языкъ: будетъ подоконницѣ что подслушивать, будетъ что и рассказывать,—голосъ у ней гладенькій, слова масленныя.

А въ мѣшкѣ у Мамаишны одномедные пряники!

И пролетѣла надъ Самохваткою Лунь-птица хищная,—
засвѣтилъ вдоль улицы мѣсяцъ.

У моста подъ вербой остановились путники—подъ вербою
ночь ночевать.

— Звѣзды сестрицы!

— Серебряныя.

— Я буду звѣзды считать, Алалей!

— Ты видишь, тянутся гуси?

— Небесныя гуси, какъ много!

— А твоя звѣзда, Лейла?

— А вонъ—та вонъ звѣздочка самая серебряная...

Проскакалъ по мосту Заяць-голова лисичья.

— Что задумано, то исполнится!—проговорилъ по зайчи-
ному Заяць-голова лисичья и закидался Заяць по ельнику,
заметался по березнику, по горькому осиннику.

На луну нашло облако, вѣтеръ пахнулъ холодкомъ.

Глухо и грустно зашумѣло въ лѣсу.

И семь лебедокъ-сестеръ Водяницъ замѣсили болото-зы-
бунъ.

Заблудущая Коза Козовна стукнула копытомъ о бревно

— Вамъ бы пучекъ лыкъ да дровъ костеръ: будетъ
свѣжо.

— Мы звѣзды считаемъ, Коза.

— Ну, считайте. Будетъ свѣжо.

Вылѣзъ изъ-подъ дыряваго моста сухоногій вылыглазь
Окаяшка-птичій носъ. Щелкалъ, косматый, бобы, подвигался
на лугъ. На лугу, на лужайкѣ сходились въ хороводы
Вѣдьмины дѣтки—куцья курочки въ острыхъ хохолкахъ. И,
сцѣпившись ногами-руками, покатались клубкомъ, какъ
гаденыши, за Окаяшкой косматымъ одноглазыя Песы - го-
ловы.

Прошла трепущая рыба Сбухта-Барахта: хвостъ у ней, какъ у лебедя, голова козлиная,—лукаво поглядывала рыба, какъ волкъ на козу, шла трепущая по-тиху, по-долгу на зеленый лугъ. На лугу, на лужайкѣ Вѣдьмины дѣтки—кущя курочки въ острыхъ хохолкахъ, кружась въ хороводѣ, запѣвали по-печальному жалкія пѣсни, подвывали несчастныя на свою хохлатую голову. А на липѣ блестяль стоведерный пузанъ-самоваръ: будетъ чертямъ полунощный чай и угощеніе.

— Охъ, ну тебя!—отбивался воробьенышъ-воробей отъ земляного зуды-жука: полоротъ изъ гнѣзда выпалъ, прозябъ.

— А правда, Алалей, по звѣздамъ все можно знать?

— Какъ кому.

— А что такое все, Алалей?

Шибко рысью промчался по широкому лугу конь Вихрогонъ, стучалъ сивъ-чубарый копытомъ, и далеко звенѣли подковы, звякала сбруя, сіяло сѣдло.

Сильнѣе подулъ полунощникъ.

Глухо и грустно шумѣло въ лѣсу. Тяжко вздыхалъ Лѣсной Охъ.

Семь лебедокъ-сестеръ Водяницъ мѣсили болото-зыбунъ.

И молчкомъ разносили коркуны-вороны бѣлыя кости, косточки, кости съ дороги въ лѣсъ-рѣдколѣсье, не грая, не каркая.

— Одномедные пряники! — Лейла бросила звѣзды считать,—у Мамаишны сколько ихъ, пряниковъ?

— Да съ сотню, поди.

— Намъ бы, Алалей, этихъ пряниковъ одномедныхъ сотню?

— Хоть бы одинъ и то хорошо.

— А почему, Алалей, у Мамаишны сотня пряниковъ одномедныхъ, а у насъ и одного нѣтъ, никакого?

— Такъ ужъ Богъ далъ.

— А почему такъ ужъ Богъ далъ?

— А Ему виднѣе: кому дать, а кому и ничего не дать. Будутъ зубки портиться съ пряниковъ, что хорошаго?

— А я бы всёмъ дала пряниковъ много одномедныхъ, всёмъ... А бобы Окаяшкнины сладкіе?

Изъ каменныхъ овраговъ вышли Еретицы. Еретицы— онѣ за-живо продали душу чорту. И гуськомъ потянулись ягія на кладбище къ провалившимся могиламъ спать свою ночь въ гробахъ.

— Кто насъ увидитъ, тому на свѣтѣ не жить!—ворчали старухи Еретицы ягія.

— А мы васъ не видѣли!—крикнула Лейла, зажмурилась, торопышка такая.

Кто-то всплеснулъ ладонями и застоналъ,--водяной Коть-Мурлышка на луну мяукалъ.

И всё Древяницы и Травяницы вылетѣли изъ своихъ травъ и деревьевъ на водоной къ чистому озеру.

Глухо и грустно шумѣло въ лѣсу.

Колотиломъ подпираясь, шелъ по дорогѣ на колокольню Колокольный мертвецъ; ушатый въ бѣломъ колпакѣ трясъ мертвецъ бороною: сидѣтъ ему старому ночь до пѣтуховъ на колокольнѣ.

— За что тебя, дѣдушка? — озлигнула Лейла, несмолчивая.

— И самъ не знаю,—пріостановился мертвецъ на мосту,— и набожный былъ я, хоть бы разъ на посту оскормился, не потерялъ и совѣсть Божью и стыдъ людской, а вотъ поди-жь ты, заставили стараго всякую ночь до пѣтуховъ сидѣтъ на колокольнѣ! Видно, скажешь лишнее слово и угодишь...

— У тебя языкъ, дѣдушка, длинный?

— Нѣтъ, не рѣчливый! Пѣтъ, не зазорно я жилъ, не на

худо, не про такъ говорилъ и колокольному звону я вѣроваль...

— А зачѣмъ ты, дѣдушка, вѣроваль?.. ты бы лучше въ колокольню не вѣроваль, дѣдушка!

— Нѣтъ ужъ, видно, за слово: скажешь лишнее слово и угодишь.

— А какъ ты узнаешь, дѣдушка, которое лишнее, а которое не лишнее?

— То-то и дѣло, какъ ты узнаешь!

— А если который нѣмой, не говорить ничего?

— А не говорить ничего, попадетъ за другое.

— А кому же не попадетъ, дѣдушка?.. Дѣдушка, скучно?

— Да что за веселье! Изъ любыхъ любую выбралъ бы муку! Девять день я въ аду пробылъ и ничего: по привычкѣ и въ аду хорошо, свыкнешься и кипишь. А тутъ посиди-ка: холодно, вѣтеръ гуляетъ. Пришла мнѣ на вѣкъ колокольня, да видно, и по-вѣки, тамъ мое мѣсто и упокой.

— Дѣдушка, всѣмъ попадетъ?

А мертвецъ ужъ тащился на свою колокольню, колотиломъ подпирался, трясъ бородою, и блестяль по дорогѣ его мертвецкій бѣлый колпакъ.

Брякнули звонко ключи, щелкнулъ колокольный замокъ: тамъ его мѣсто и упокой.

И сѣяла вѣдьма-чаровница любовныя плевелы, зельемъ чаровала красивая землю-мать.

Глухо и грустно шумѣло въ лѣсу.

Тихія подошли тучи. Покропиль дождь.

Длинноногій журавль сталъ на крутомъ берегу, закрылъ глаза. За колючимъ кустомъ забублькала по-ежиному.

— А я журавлей не боюсь!—шеннула Алалею Лейла, зажмурилась, торопышка такая.

И, прижавшись другъ къ другу, подъ вербою они коротали ночь.

Тихо разбрелись тихія тучи: туча за тучей, облако за облакомъ. Утренникъ-вѣтеръ, перелетая, обтрясаль дождевки. И бѣлый свѣтъ разсвѣтился.

И восходило солнце, сѣяло ясное чистымъ серебромъ. И золотыя солнцевы метлы смели всю черную сажу ночи.

1910 г.

З А Д У Ш Н И Ц Ы.

Предразсвѣтныя скрытныя сумерки стянулись лисьей темнотой.

Вѣтеръ вѣяніемъ обнялъ весь свѣтъ и унесся на бѣлыхъ коняхъ за тонко-бранныя облаки къ матери вѣтровъ, оставивъ землѣ тишину.

Унылый предразсвѣтный часъ.

Бѣлая кошка,—она день въ окно впекаетъ,—лежить брюшкомъ вверхъ, спитъ, не шевельнется.

Синіе огни, тая въ туманѣ, горятъ на могилахъ. По молодому повитью дубовъ лѣзутъ Русалки, грызутъ кору. И, пыль подымая по полю, плетется на истомленномъ конѣ изъ ночной поѣздки Домовой.

Унылый часъ.

Ангелы растворили муки въ преисподнихъ земли, солнца и мѣсяца. И сошлись всѣ усопшіе—всѣ родители съ солнца и съ мѣсяца, и другіе прибрели изъ-за лѣсовъ, изъ-за горъ, изъ-за облаковъ, изъ-за синяго моря, съ острововъ незнакомыхъ, съ береговъ небывалыхъ на предразсвѣтное свиданіе въ весеннюю цвѣтную долину.

Въ ихъ тяжкомъ молчаніи,—рѣчь ихъ загадка,—лишь внятнѣе: плачь безъ надежды, грусть безъ отрады, печаль безъ утѣхи.

А глаза ихъ прощаются съ свѣтомъ, съ милой землею, гдѣ когда-то, въ этотъ день Зеленой недѣли, справивъ поминки, и они веселились, гдѣ когда-то, въ этотъ день Зеленой недѣли, и они, надѣясь, воспоминали. Но старая мать, Смертушка — Смерть, тайно подкравшись незнаемой птицей, пресѣкла нить жизни и, уложивъ въ домовище, опустила въ могилу.

Вотъ и тоскуютъ. А прошлое—прошлые дни—безвозвратно.

Надзвѣздный міръ—жилище усопшихъ.

Туда не провѣиваютъ вѣтры и звѣрье не прорыскиваетъ, туда не пролетываетъ птица, не приходятъ, не приѣзжаютъ,—сторона безызвѣстная, путь безповоротный.

Унылый предразсвѣтный часъ.

1907 г.

А Н Г Е Л Ъ - Х Р А Н И Т Е Л Ъ .

Звѣздной ночью неслышно по полетному облаку прилетѣлъ тихій Ангелъ.

— А куда дорога лежитъ?—взмолились путники Ангелу,— третій день мы въ лѣсу, истосковались, Лѣшій отвелъ намъ глаза, кругомъ обошелъ: то заведетъ насъ въ труппобу, то оставить плутать.

— Вы его землянику поѣли, вотъ онъ и шутить.

— Ангелъ! Хранитель! Ты сохрани насъ!

Ангелъ послушалъ, повелъ на дорогу.

А тамъ, на прогалинѣ, гдѣ трава утолочена, у кряковистаго дуба, самъ Лѣшій--дѣдъ сивобородый, выглянувъ, ша-рахнулся въ сторону, а за нимъ стреконулъ звѣрь прыскачій.

Сошла бѣда съ рукъ.

— Ты сохранилъ насъ!

Лѣсъ истяжный—ровный, безъ сучьевъ.

Много въ ночи по небу Божьихъ огней.

Корни ногъ не трудятъ. Ходовая тропа.

Путь способный.

— Помнишь ты или не помнишь,—сказалъ Ангелъ безугрозницѣ Лейлѣ,—а когда родилась ты, Богъ прорубилъ вонъ то оконце на небѣ: черезъ это оконце всякій часъ я слѣжу за тобой. А когда ты умрешь, звѣзда упадетъ.

— А когда конецъ свѣта?

— Когда перестанетъ итъ Пѣтухъ-будимиръ.

— Золотой-гребешокъ?..

— Съ золотымъ гребешкомъ.

— А правда, будто воронъ въ великій четвергъ купается въ рѣчкѣ и всѣ его воронята?..

— Третьяго года купались—у Волосяного моста.

— А земля... земля тоже ходитъ?

— На желѣзныхъ гвоздяхъ.

— А я хотѣла бы, очень хотѣла бы сдѣлаться... мученицей...—задумалась Лейла.

Рѣже лѣсъ становился. Открывалась поляна. Ночь уходила и звѣзды. Падала роса на цвѣты.

И разомкнулась заря.

— Миѣ пора,—сказалъ Ангелъ,—насъ триста ангеловъ солнце вертятъ, а ужъ заря.

И такъ же неслышно по быстролетному облаку отлетѣлъ тихій Ангелъ.

Разсыпались просомъ лучи по травѣ.

— Ангелъ Божій, Ангелъ нашъ хранитель, сохрани насъ, помилуй съ вечера до полуночи, съ полуночи до бѣлаго свѣта, съ бѣлаго свѣта до конца вѣка!

1908 г.

С П О Р Ы Ш Ъ.

Съ первымъ цвѣтомъ, опавшимъ съ яблонь, опало съ иѣсенъ унывное лелю, и съ лѣбными тучами знойное уплыло купальское ладо. Порастерялъ соловей громкій голосъ по вишнямъ, по зеленымъ садамъ. Прощумѣло пролѣтье. Отцвѣли хлѣба. Шелковая, разстилая жемчужную росу, свивалась день ото дня съ травой трава. Покосили на сѣно траву. Стоитъ теплое сѣно, стожено въ стоги—въ ширь широкіе, въ высь высоки—у веселой околицы.

Прошла страда сѣнокосная.

Коса затупилась. Звонкомъ-стрекотомъ—эй, звонкая!—разбудила за лѣсомъ красное лѣто.

Въ красномъ золотѣ солнце красно, люто-огненно пышетъ. Облака, набѣгая, полднемъ омѣзли: не одолѣтъ имъ полдневнаго жара. И тѣ бѣлыя ввечеру—алы, и тѣ темныя ввечеру словно розы. Лишь въ лѣсной одинокой тѣни листьями шумитъ кудрявая береза, бѣлая, вѣстѣ, нагиба вѣтви.

Буйно ядрено колосистое жито. Усать ячмень. Любо глянуть, хорошо посмотрѣть. Урожай вышелъ полонъ.

Стоя, поля задремали.

Пришла пора жатвы.

Тихо день коротается къ теплому вечеру. Къ западу двинулось солнце, и померкаетъ.

Ужъ вечеръ на склонѣ. Затихаютъ багряны шаги.

Путники поле проходятъ, другое проходятъ. А надъ дремлющимъ полемъ во всѣ пути по небеснымъ дорогамъ рассыпастъ ночь золотой звѣздный горохъ.

— Здравствуйте, звѣзды!

Видная ночь. Мать-земля растворяется.

— Ты самое Ночку-темную видѣлъ? Гдѣ ея домикъ?

— За лѣсами, Лейла, за тиновой рѣчкою Стутной—тамъ, гдѣ боръ шумить...

— Она—что же?

— Она въ черномъ: перевивка на ней золотая, пересыпана жемчугомъ. Она легче пера лебединого.

— А гдѣ буря живетъ?

— Буря въ пещерахъ. Ее, когда надо, вызываютъ крикомъ хищныя птицы.

— А хищныя птицы, какія?

— Черноперыя птицы—красные когти, онѣ прилетаютъ изъ подземнаго царства.

— А радуга?

— Радуга собираетъ воду.

— А откуда тучи идутъ?

— Тучи откуда...

— Вотъ и не знаешь! А дырка-то на небѣ! Развѣ ты не замѣтилъ?

Такъ птичкой болтая, говорунья Лейла дѣлится съ Ала-леемъ дружную ночь. Зорко смотритъ она, разбираетъ дорогу: запали пути—заросла вся дорога.

Путники поле проходятъ, другое проходятъ. Не сномъ коротается ночь.

Такъ и есть, это—Спорышъ. Тамъ—въ колосьяхъ—двойчаткахъ! Какъ онъ выросъ: какъ колосъ! А въ майскихъ поляхъ его незамѣтно—отъ земли не видать, когда скачетъ онъ скоки по цѣлой верстѣ.

— Что онъ дѣлаетъ тамъ въ огонькѣ?—ухватилаьс руками Лейла: а сердце такъ и стучитъ.

— А ты не пугайся: онъ вѣнокъ вьетъ.

— Изъ колосевъ?

— Колосяный вѣнокъ, золотой—ж а т в е н н ы й. А кладутъ вѣнокъ въ засѣкъ, чтобы было все споро,хватило зерна надолго.

— Самъ онъ его понесетъ?

— Нѣтъ, онъ отдастъ его самой, самой пригожей, и она, какъ царевна, понесетъ вѣнокъ людямъ.

— Мнѣ бы... хоть одинъ колосокъ!

— А ты попроси.

Потухаютъ звѣзды—звѣзда за звѣздою—робко бродятъ, разливаютъ лучи. Потянулъ зорька-вѣтеръ. Тонкій вихоръ обиваетъ росу съ темнаго лѣса.

И разомкнулась заря—Божій свѣтъ разсвѣтаетъ.

Ой, какъ звонко смѣется!

Лейла смѣется такъ звонко.

Крѣпко держитъ она свое счастье. Лейлѣ Спорышъ отдалъ вѣнокъ. Веселы будутъ дни.

И царевна — вольница Лейла въ колосяномъ вѣнкѣ, а изъ колосевъ, какъ два голубыхъ василька, и видятъ и свѣтятъ глаза

— Ну а ты, Алалей?

— А я старымъ козломъ за тобою, пусть завиваютъ мнѣ ороду!

— А пѣсни ты не забылъ?

— Съ этой дудкою, какъ позабыть!

— Да ты погульливѣ!
— Безъ пѣсни свѣтъ обезлюдить.

Ой, какъ звонко смѣется!
Лейла смѣется такъ звонко.

Какъ весной изъ-за моря слетаются птицы, такъ потянулся съ серпами народъ въ раздолье—на поле. Чуть надносится голосъ жатвенной пѣсни, а за пѣсней хоронится пляска.

И восхожее солнце высоко восходитъ, далеко свѣтитъ черезъ лѣсъ, черезъ поле.

— Здравствуйте, солнце!

1908 г.

ЛЮТЫЕ-ЗВЪРЬИ.

Курію Верховскому.

Лѣтніе дни короче—холоднѣе солнце.

Не чирикають птицы; не щиплетъ коростель колосья, пчелы состроили соты и не блеститъ листъ на березѣ.

Рябина зеленая, въ ожерельѣ попкиная,—красная ягода. Минуло лѣто, приходитъ милая осень.

— Лейла, дочь горностая, куда ты все смотришь?

— Ахъ, Алалей, куда ночью водилъ меня сонъ!

— Отчего жъ ты меня не покликкала?

— Да мнѣ не страшно,—ластится Лейла.

— Нѣтъ, ты боялась.

— Только немножко.

— А что тебѣ снилось?

— Мнѣ снилось... Я понала на поле, на поливанское поле! Не сухой тростникъ—стоитъ войско, не сѣрья пчелы—летаютъ пули, валяются тѣла, что лѣсные стволы, падаютъ головы, что лѣсные листья, и течетъ кровь — стремнистая рѣчка. А изъ-за крутыхъ горъ страшные грозною тучей

идуть на насъ... И вдругъ будто почь, я скачу на конѣ—сивый конь, красное сѣдло. Лучатся шпоры, свѣтятся подковки. Я степью скачу—вѣтеръ шумить, наступлю на камышъ--огонекъ сверкаетъ. Черезъ рощу скачу—въ рощѣ падаетъ роса. Вышла на поле—солнце взошло. Солнце взошло!

— А мнѣ снилось, Лейла, будто ты въ колыбели маленькая такая. Взялъ я тебя на руки, вотъ такъ, и понесъ.

— Не урони, Алалей!

Алалей запѣлъ пѣсню. Подхватила Лейла любимую пѣсню. Пѣли вмѣстѣ, не замѣтили: на зайца наткнулись.

На межѣ сидѣлъ заяцъ, наостря ухо, чесалъ себѣ спинку.

— Въ рощѣ рубили деревья, — разговаривалъ самъ съ собою усатый,—возлѣ рощи тесали, увезли на большую дорогу, будутъ строить новую лодку. По угламъ у лодки будутъ по кукушкѣ. .

— А мы будемъ кататься!—обрадовалась Лейла, соскочила на землю къ зайцу.

А зайца не видать ушей—ускакалъ усатый.

Тихо. Тихая погода. Безвѣтріе.

Земляной зеленый лягушенокъ свиститъ свою пѣсню комарикамъ тонко.

Мицнуло лѣто, приходитъ милая осень.

— Лейла, дочь горностая, куда ты все смотришь?

— Ахъ, Алалей, къ намъ идетъ тигръ!

— Пстой, ты гдѣ его видишь?

— Да вонъ, рыжіій, лапы медвѣжьи... онъ насъ не тронетъ?

— Да это росомаха — сѣверный тигръ: онъ легокъ, какъ заяцъ, умень, какъ дроздь.

Росомаха не мало была удивлена, слыша разговоръ Алалея и Лейлы. Росомаха догадалась, что имъ понятенъ языкъ звѣрей и птицъ,—ѣли, должно быть, змѣиную кашу!—и, не собираясь ихъ трогать, близко подошла къ нимъ и сказала:

— Путники, куда вы идете?

— Къ Морю-Океану,—отвѣтила Лейла.

— Къ Морю-Океану?—переспросила росомаха.

— Да, тигръ, — подтвердилъ Алапей, — насъ отпустилъ самъ котъ Котофѣй Котофѣичъ.

— Вѣдь это не очень далеко, за медвѣжьей берлогой?

— У! куда ваша берлога, дальше!

Росомаха немного смутилась.

— А вы Слона видѣли?—нашлась росомаха.

— Какого Слона?!

— А тутъ неподалеку, вы никому не сказывайте, живетъ одинъ Слоноу Слоновичъ. Мы, звѣри, скрываемъ Слона.

— Покажите намъ вашего Слона!

— Ужъ и не знаю,—сказала росомаха, пожалѣвши, что зря сболтнула.

— Мы его трогать не станемъ.

— Ну, ладно,—сдалась росомаха и повела ихъ Слона показывать.

Долго шли они лѣсомъ, пробирались сквозь чащу, проходили по грядамъ, по гривамъ и золотистымъ мхамъ, перепрыгивали черезъ пни и колоды, черезъ зацербившійся пенъ ели, черезъ поблѣднѣвшій пенъ березы, черезъ позеленѣвшій пенъ осины, черезъ покраснѣвшій пенъ ольхи и вышли въ орѣшникъ.

— Я сейчасъ, я васъ догоню,—сказала росомаха и грѣшнымъ дѣломъ завернула за кустикъ.

И ужъ одни они шли безъ тигра, щипали орѣхи.

А за орѣшникомъ открылась поляна.

Тутъ на полянѣ стоялъ старый престарый Слоноу съ клыками, весь съ головы обросшій длиною рѣдкою шерстью.

— Здравствуйте!—сказалъ вдругъ Слоноу и, помахавъ хвостомъ, сталъ медленно подымать хоботь.

И не то чтобы испугавшись слонова пальца, а скорѣе отъ неожиданности, воскликнула Лейла:

— Настъ привелъ къ вамъ тигръ, вонъ и самъ онъ.

Росомаха подошла, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Не надождайте долго Слопу, — шепнула росомаха.— Слопъ смиренный, какъ рябчикъ, а осердится, живо въ клыки.

— Расскажите намъ что-нибудь, Слопъ Слоновичъ!—стали просить Слона Алалей и Лейла.

— Да, расскажите что-нибудь, Слопъ Слоновичъ! — подкнула росомаха и опять шепнула:—не дергайте Слона за хвостъ, Слопъ не любитъ.

— Про мышъ и сороку, хотите? — Слопъ улыбнулся и, взвивъ высоко хоботъ, пожевалъ нижнею длинною губою.

Алалей и Лейла, усѣвшись подъ самый слоній хоботъ на разбросанные кругомъ по полянѣ старые слоновыя зубы, приготовились слушать. Съ ними на зубы усѣлась и росомаха.

— Жили-были мышъ да сорока, — рассказывалъ Слопъ Слоновичъ,—сорока соръ мететь, мышъ огонь добываетъ. Такъ и жили. Разъ ушла мышъ за сѣномъ, наказала сорокѣ щи мѣшать. Сорока стала щи мѣшать и упала въ горшокъ. Вернулась мышъ, стучить: „Сестрица сорока, отвори, отвори!“ А ужъ гдѣ отворить, если ни лапокъ—ничего: все во щакъ сварилось. Мышь отыскала щелку, пробралась во дворъ, отворила сарай, втащила возъ сѣна, сѣно опростала и вошла въ избу. Вошла мышъ въ избу, вынула изъ печки щи, принялась за ѣду. Попалась ей сорока. Обглодала она сороку до чиста, сдѣлала изъ хребта лодку...

— По угламъ у лодки по кукушкѣ!—перебила Лейла.

— Не мѣшайте Слопу рассказывать, Слопъ спутается,—замѣтила росомаха.

А Слопъ ужъ спутался и началъ Слопъ совѣмъ про другое: то про какой-то хвостъ закорючкой, то про какую-то свинью полосатую да мерина, какъ пріятели чуть-чуть было не съѣли другъ дружку.

Росомаха долго наводила Слона на умъ.

Наконецъ-то Слопъ опомнился.

— Тутъ ничего нѣтъ смѣшного и смѣяться нечего, смѣются одни индѣйскіе пѣтухи,—сказалъ Слононь Слоновичъ и продолжалъ сказку:—ну, сдѣлала мышъ лодку, спустилась къ рѣчкѣ, усѣлась въ лодку и поѣхала: у песчаного берега шестомъ отпихивается, у крутого берега весломъ править. А шесть у ней изъ хвоста выдры, а весло у ней изъ хвоста бобра. Идетъ заяць: „Сестрица мышка, пусти меня!“—„Не пуцу: лодка мала!“—„Я на заднихъ лапкахъ постою“—„Что съ тобой дѣлать, иди!“ А потомъ и лиса, а потомъ и волкъ, всѣ просятся въ мышкину лодку. Мышка всѣхъ и пустила. Идетъ медвѣдь: „Сестрица мышка, пусти меня въ твою лодку!“ „Насъ самихъ много: ты, косолапый, не помѣстишься!“—„Я на одной ножкѣ постою.“—„Иди, что съ тобой дѣлать!“ Медвѣдь усѣлся, лодка опрокинулась и всѣ потонули.

Слононь опустилъ хоботь, пощекоталъ пальцемъ слушателей и, махнувъ хвостомъ, сказалъ:

— Ужъ солнце садится, завтра будетъ вѣтрено.

— Поблагодарите Слона и идите, Слононь спать хочетъ, я васъ на дорогу выведу,—шепнула росомаха.

Алалей и Лейла встали, поблагодарили Слона, погладили хоботь—хоботь у Слона Слоновича мягкій!—и тихонько пошли за росомахой.

Солнце уже скрылось и только на холмахъ все еще лежалъ красноватый закатъ—солнце мертвыхъ, словно разбрызгалась свѣтлая кровь, какъ земляника.

— Болотомъ будетъ итти вамъ страшно, повернемте-ка лучше къ рѣчкѣ, тамъ я и распрошусь съ вами,—сказала росомаха.

— Почему будетъ страшно?

— А Лобаста!

— Какая Лобаста?

— Да развѣ вы никогда ее не встрѣчали?

— Нѣтъ, не встрѣчали.

— А корову съ шишкою на лбу видѣли?

— Нѣтъ.

— А коня съ ногами безъ шерсти?

— Вы, тигръ, намъ про Лобасту скажите! Какая Лобаста?

— А-а испугались! Вотъ она такая Лобаста! Попадете къ ней въ болото, не спуститъ. Ростомъ Лобаста, какъ эта осина, тѣло бѣлое, что заячій пухъ, а ручищи, словно крылье съ краснымъ когтемъ, словить да этимъ когтемъ, хоть и нѣженъ онъ, что костяника, а защекочетъ до смерти.

— А мы тише тѣни пройдемъ, она насъ и не словить.

— А жеребенокъ съ соломенными ногами?

— Вы, тигръ, все нарочно! Мы жеребенка вашего не боимся!

— Вонъ и рѣчка,—остановилась росомаха,—ишь берегъ-то, словно хвоя, когда виситъ на ней соболь.

— Вы, тигръ, такъ знаете много, научите насъ!—уцѣпились путники за росомаху.

— Чему же я васъ научу! Мы тигры—звѣрь лютый. Ну, учитесь играть, какъ играетъ плотва, плескаться, какъ плещется сигъ, метаться, какъ мечется щука, широко гулять, какъ гуляетъ лещъ, и будьте бодры, какъ язь!—и, сверкнувъ бѣлымъ зубомъ, побѣжала росомаха въ лѣсъ.

А они пошли берегомъ.

Подуль вѣтеръ. Гудѣло въ роцѣ.

Сѣрыя улитки подымали рога—смеркалось.

У ивы гусь стоялъ, вытягивалъ по змѣиному шею.

— Прощай, гусь лапчатый, ты улетаешь? — прощалась Лейла.

— Улетаю,—прокричалъ ей гусь.

— Въ теплый край!

— За синее море.

— Кланяйся, лапчатый,—не забудешь?

— Буду кланяться, буду.

Гусь полетѣлъ: пора собирать гусиную стаю да въ путь отправляться—путь длинный за синее море.

Вышли звѣзды, полетѣли по небу. Голубое небо усѣяно бѣлымъ серебромъ—гулянью конца нѣтъ. Падаютъ звѣзды. Минуло лѣто, приходитъ милая осень.

— Лейла, дочь горностая, куда ты все смотришь?

— Ахъ, Алалей, наша лодка плыветъ!

— Ты гдѣ ее видишь?

— Да тамъ...

— Это не наша, это мышкина лодка, вонъ сама мышка, вонъ заяцъ, лиса, волкъ и медвѣдь.

-- А наша тамъ—тамъ... По угламъ по кукушкѣ.

Они поднялись на холмъ. Развели огонекъ.

Подъ кленомъ въ огонькѣ коротаютъ ночь.

„Мышкиной лодки больше не видно, она потонула. И нашей лодки больше не видно, она уплыла въ море“.

— Тихо дуй, вѣтеръ, не качай клена, не буди Лейлу!

„Наша лодка плыветъ теперь по морю. Выпадетъ ли счастье на нашу долю или придется намъ плыть по середкѣ, не видя конца, не видя берега, итти отъ волны до волны, не видя конца, не видя берега“?

— Тихо дуй, вѣтеръ, не качай клена, не буди Лейлу!

Тихо спитъ Лейла, руку прижала къ сердцу. Разсыпались русыя косы. Ей снится, она въ бѣломъ, какъ невѣста, она сидитъ за бѣлымъ столомъ, какъ невѣста, цвѣтетъ алою розой.

— Тихо дуй, вѣтеръ, не качай клена, не буди Лейлу!

А вѣтеръ-голубъ хлопаетъ крыльями, а глаза его полны слезъ: скоро онъ останется въ полѣ одинъ.

Минуло лѣто, приходитъ милая осень.

В Ъ Д О Г О Н Ъ.

Заболотѣла рѣка. Покрты дерномъ въ полѣ распашистыя полосы.

Скошенъ лугъ, убранъ хлѣбъ, конченъ сѣвъ, отошла брусника.

И срываль вѣтеръ листья съ деревь, несъ ихъ, колебля, по воздуху; просушивъ, откатываль, шурша, посторонь осиротѣлаго дерева.

Загружалось листьями озеро.

Золотой кудрявый лѣсъ рудѣль съ каждымъ утренникомъ, рѣдѣль съ каждымъ солнышкомъ. Летала паутина вдоль по лѣсу, подымалась цѣпкая до маковки и, скатясь по вѣтвямъ, обскочила кругъ пустыннаго дерева.

По утрамъ на зарѣ, промерзая, становилась паутина прозрачнѣй и легче и, свившись червемъ, качалась въ дырвяхъ покинутыхъ гнѣздахъ.

Доступила на пѣгой кобылѣ дождливая осень. И ушли прощальные ясные дни.

Дождливая сонная осень.

По берлогамъ звѣри заснули—имъ тепло мохнатымъ, имъ все будто лѣто.

Вѣтеръ, гуляя по полю и лѣсу, шумить на просторѣ.

И поднялись у берлогъ Вѣдогони, стоятъ, караулятъ спящихъ звѣрей. У каждого звѣря свой Вѣдогонь-охранитель.

Стоять караулить подъ дождемъ у берлоги—скучно. И скучно и зябко. Отъ нечего дѣлать Вѣдогони дерутся другъ съ другомъ,—даже до смерти.

Бѣда: не осилить и покориться! Кончить свой вѣкъ Вѣдогонь, и звѣрь Вѣдогоня кончить во снѣ звѣриные дни.

Такъ немало звѣрей погибаетъ въ осеннюю пору неслышно.

Вѣтеръ все глуше. Ночи длиннѣе. Зазимье.

Счастливый,—тотъ, кто родился въ сорочкѣ, у того тоже есть свой Вѣдогонь-охранитель, какъ у звѣря.

Вотъ, ты, счастливый, заснулъ, а твой Вѣдогонь вышелъ мышью, бродить по свѣту. И куда-куда ни заходить, на какія на горы, на какія на звѣзды! Погуляетъ, всего наглядится, вернется къ тебѣ. И ты встанешь утромъ счастливый послѣ тонкаго сна: сказочникъ сказку сложить, пѣсенникъ пѣсню спеть. Это все Вѣдогонь тебѣ наказылъ и напѣлъ — и сказку и пѣсню.

Счастливый, ты родился въ сорочкѣ, берегись, коли дрема крѣпко уводитъ,—твои дни сочтены. Вѣдогони драчливы—встрѣтятся, задѣнутъ другъ друга и пойдетъ потасовка, а послѣ, смотришь, и нѣтъ одного, какой-нибудь кончилъ свой вѣкъ. А ты не проснешься, ты счастливый, ты сказочникъ, пѣсенникъ кончишь во снѣ свои дни.

Такъ немало счастливыхъ гибнетъ въ осеннюю пору неслышно.

Л Е Т А В И Ц А .

Плывучія — ой нелюдимыя — пасмурно замкнуты тучи.
Сѣя, какъ ситомъ, тихо падаетъ сѣвень—осенній обложный
дождь.

Багряный яхонтъ—цвѣтъ прощальныхъ дней—погаснулъ.
Окончились румяные унывные закаты. Обноситъ вихорь хвои
съ сосень. Дрожать обломанныя вѣтви. Обиты, приопали
листья.

Печальны поздніе отлеты птицъ.

Вчера послѣдняя простилась стая. И тамъ, гдѣ озеро за-
волокло травой, въ затонѣ пропѣла лебедь.

Отошло веселье.

Попрятались за тучи звѣзды.

Беззвѣздна, хмура осенняя ночь.

Глядя на ночь въ такую погоду, недалеко уйдешь—
Вѣтеръ,—всѣ, сколько есть всего вѣтровъ, поднялись и зве-
нять. Нѣтъ отъ вѣтра затулы. И сама терпѣливая Найда, хвостъ
поджавши, забилась въ конурку, забыла, какъ тявкать.

Постучались въ избушку.

— Я—Алалей. Моя спутница—Мейла.

— Что вамъ тутъ надо? — высунуль морду двуголовый конь съ золотыми ушами, конь Унеси-голова.

— А чья тутъ избушка?

— Какъ чья избушка?!—замоталъ головой двуголовый,— это теремъ стараго Вія.

— Вія!—голоса у путниковъ стали, какъ струнки: пропадутъ, тутъ имъ живу не быть,—того самаго Вія: подымите миѣ вѣки, ничего не вижу!

— Того самаго ожелѣзномъ пальцѣ. Нынче Вій на покоѣ,—зѣвнулъ одной головой конь двуголовый, а другой головой облизнулся;—Вій отдыхаетъ: онъ немало народу-людей погубилъ своимъ глазомъ, а отъ странъ-городовъ только пепель лежитъ. Накопить Вій силы, примется снова за дѣло. А Пузырь съ клещами да съ жалами померъ.

— Пусти, конь, обогрѣться!

— Пустишь васъ... ужъ сидитъ одинъ странникъ. А вы кто такіе?

— А мы перехожіе люди, бродимъ по свѣту отъ дерева до дерева, отъ камня до камня, а идемъ мы въ дальне-далече къ Морю-Океану.

— Да вы не съ Бурь-болота отъ Кукураковны? Пролымъ лѣтомъ такіе шатались.

— Нѣтъ, мы не такіе... Пролымъ лѣтомъ мы посолонъ шли съ Котофеемъ.

— А съ Латымиркой-вѣдьмой знаете?

— Про сѣдого Ауку мы знаемъ.

— Ну, идите! Да осторожнѣй! Смотрите подъ ноги. Тутъ лежатъ вилы. Не наткнитесь! Это — вилы самого Вія: вилами Вію подымали вѣки! — и конь, колесомъ завивая гриву, разстилалъ долгій хвостъ по землѣ, свѣтилъ золотыми ушами дорогу.

И очутились путники въ избушкѣ у Вія.

Конь Унеси-голова, пока столъ накрывали, взялся показывать хозяйство.

Вольшое хозяйство у Вія.

Первая горница—золото. Тамъ живутъ муравьи: день-деньской только и дѣла имъ—тащутъ со всёхъ концовъ муравьи къ Вію въ избушку червонное золото. Вторая горница — коневая, Коню принадлежитъ: убранство богатое. Третья горница—за столомъ сидятъ семеро, и всё они сини, сибѣ котла, и всё, какъ одинъ, безъ головъ.

А въ другія скрытныя горницы Конь не повелъ—небывалому страшно! И только позволилъ разокъ черезъ щелку взглянуть.

Тамъ жаръ, тамъ огни горять, мигуны тамъ помигиваютъ, свистуны тамъ посвистываютъ, стукъ, брякотня, безурядица, тамъ громы Ильинскіе, морозы Крещенскіе, пѣтухи съ вырваннымъ краснымъ хвостомъ, козьи ноги, пауки, злыя собаки,—все хвостатое, хоботатое, тамъ говоръ, гулъ, шипъ и покрикъ—нежеланные.

Не оторваться отъ щелки. Любоньство такъ и беретъ.

Но Конь ужъ уводитъ къ столу: ужинъ готовъ.

Сѣли за ужинъ.

Служила собачка: подавала миски, мѣняла тарелки. У собачки личико острое, ровно у мальчика, только ушами собачка все пошевеливала.

Позвали къ столу и странника. Странникъ послушался, слѣзъ съ полатей, повертѣлъ ложкой, покаталъ изъ хлѣба катушекъ, а ѣсть не ѣлъ, отказался.

А кормили, чѣмъ Богъ послалъ, и все, какъ слѣдуетъ. И только за кашей подползли къ гостямъ три муравья, покусали немного и тихонько опять отпо ли.

На загладку Конь рассказаль: какой онъ былъ конь. Конь когда-то стоялъ, не простой, за двѣнадцатью замками, за двѣнадцатью дверями, на двѣнадцати цѣпяхъ, а держалъ онъ поскоки горностаевы, повороты зайца, полеты со-

колины. И ужъ сталъ было Конь представлять свои преж-
нiе поскоки, да въ ногу ступило.

И пошелъ себѣ Конь въ свою горницу, и собачка за нимъ.

Конь-то конемъ и собачка собачкой, только Богъ съ
ними!—все какъ-то жутко.

Вii спитъ за перегородкой, только носомъ подсапываетъ
Да мыши подъ поломъ бѣгають, малыя сѣрыя мыши скре-
буются въ углахъ. У мышекъ хвостики длинные.

— Эй, странникъ Божii, ты тоже не спишь?

— Во всю ночь не засну.

— Страшно?

— Нѣтъ, я не боюсь.

— Что же ты?

— Воли миѣ нѣтъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ.

— А ты расскажи!

— А вы заботитесь?

— Не забомся, рассказывай!

Странникъ подвинулся ближе, посупился.

— Я не помню,—рассказывалъ странникъ,—какъ пришла
она, взяла мою волю, мои печальные дни: пристала ко миѣ
Летавица. Слышали вы о Летавицѣ? Красота ея краше
всѣхъ, лицо ея дѣвичье, вольные волосы золотые до самой
земли. Всякую ночь приходитъ она: или ложится въ ногахъ
или станеть и смотритъ всю ночь и, лишь вѣтеръ подуетъ
подъ утро, исчезнетъ. Слышали вы о Летавицѣ? Я оста-
вилъ мой домъ, бросилъ все и пошелъ. И, какъ листъ въ
непогоду, скитаюсь по бѣлому свѣту — только-бъ ее изъ
сердца прочь! Штается тѣнь моя, спотыкаются ноги, а дума
о ней не проходитъ. Побывалъ я въ Москвѣ и у Троице-
Сергiя, въ Соловахъ у Бѣлаго моря и въ вятскихъ лѣсахъ
у Николы Хлыновскаго. Не помогло богомолье. Вотъ и

хожу. Какъ трава, сохну и вяну. Не по силамъ мнѣ мука. Она всюду за мной по пятамъ: станетъ и смотритъ всю ночь...

— Пстой-ка, мы ее видѣли!

— Гдѣ, гдѣ она?—задрожалъ странникъ, какъ листъ.

— А въ горохѣ мы ее видѣли.

— Въ горохѣ?..

— На Бориса и Глѣба. Шли мы горохомъ—порхъ!—и наткнулись: лежитъ такая кра-са-вая! Золотые волосы всю съ головою опутали, глаза, словно колодцы, а сапоги на ней красные...

— Она! она самая!—стукнулъ по столу странникъ, а за перегородкой у Вѣя заворочалось, — да вамъ бы сапоги ея красные снять съ нея и унести, да она бы для васъ безъ сапогъ все тогда дѣлала: ей сапоги—что птицѣ легкое крылье! И меня бы избавили... Экіе вы!—счастье проглушали.

— А ты о Басаврюкѣ что-нибудь знаешь? — хотѣла поразить странника Лейла.

Но странникъ и Басаврюкомъ не подзадорился, странникъ ничего не отвѣтилъ. Да вдругъ какъ выпучить глаза — не стерпѣли огромные, налились глаза черною кровью, стиснулъ онъ зубы, почернѣлъ, что земля, а руки замлѣли. Знать, пришелъ его часъ: стала Летавица.

Онъ навѣки ея нерушимъ, съ нею свой вѣкъ завѣкуеть.

Ночь смѣнилась сѣрымъ утромъ.

Изъ сырой земли, какъ изъ теплаго гнѣзда, за клубился паръ.

Красный слѣдъ Летавицы мелькнулъ въ дверяхъ.

Старый воронъ, перелетывая съ вѣтки на вѣтку, словно все усмѣхался, вѣщій воронъ, граучи, каркалъ.

Странникъ тихо лежалъ: охолонулъ, безприкладный.

Вышелъ изъ-подъ лавки Лизунъ толстомясый — пятки

прямыя, животъ наоборотъ. Походилъ Лизунъ по горницѣ, ничего не сказалъ и спрятался.

А они все молчкомъ обмалчивались: собирали сумки—снаряжались въ путь.

Пришла на заднихъ лапкахъ собачка: на собачкѣ зеленый колпакъ въ кружечкахъ. Напоила собачка ихъ чаемъ, воровато сунула сухариковъ въ сумки:

— Берите!

Топъ копытомъ—Конь появился, самъ конь Унеси-голова

Пожурилъ Конь собачку, что коровы прожорливы сталиа солому поѣли, сѣно подобрали. Потомъ и къ гостямъ обратился: подарилъ имъ сушеный медвѣжій глазъ на веревочкѣ.

— Станеть страшно,—сказалъ Конь,—надѣнь, и страха какъ не бывало.

Даль поддержать имъ въ рукахъ Мечъ-самосѣкъ.

Подержали они въ рукахъ Мечъ-самосѣкъ, поблагодарили Коня за медвѣжій глазъ, ну, и въ дорогу.

Собачка махала имъ лапкой.

— А Пузырь съ клещами да съ жалами померь!—мortalъ головами Конь двуголовый, провозая гостей въ сѣни.

И пошли себѣ путники дальше.

Колесиста дорога. Сиверко. Дождь моросить. Грѣютъ путники въ пазухѣ руки. По колѣно въ грязи.

Не поддавайся упорному вѣтру!

А ужъ скоро ударять морозы — синія крупныя звѣзды сверкнутъ. Въ звѣздахъ ночь засвѣтитъ ясной луною. Весело снѣгъ захруститъ.

— ЗМѢИНЫМИ ТРОПАМИ. —

КОПОУЛЬ КОПОУЛЫЧЬ.

Занесло всѣ дороги, всѣ лѣтнія тропинки, замерзли болота, застыли ручьи, сравнялись рѣки, засумерился день, легла зима—легли снѣга, путь сталъ.

Скрипъ ворота,—морозъ на дворѣ!

У Копоула тепло. Хорошо и тепло Алалею и Лейлѣ зимовать у Копоула въ теплой избѣ.

И свѣтла и просторна изба Копоула, что Кощеевъ дворецъ. Много собрано въ ней всякихъ волшебныхъ диковиць, какъ у Коцея: мечъ-самосѣкъ, топоръ-саморубъ, палка-самобойка, гусли-самогуды, коверъ-самолетъ, санки-самокатки, сапоги-сороходы, шапка-невидимка, скатерть-самобранка.

Копоуль—самъ хозяинъ—кумъ Котофея, ворчливый шамчунь: не можетъ ни скоро сказать, ни скоро пройти, то щами подавится, то лапшей захлебнется. Но зря никогда Копоуль не похвалится небылыми рѣчами и по правдѣ слово разсудить. Носить Копоуль отъ сглазу лапу слѣпого крота, и, хоть не надо ему колдовской неодолимой защиты, пьетъ всякій день настой жабьей косточки.

Одиноко въ лѣсу живетъ Копоуль среди лютыхъ морозовъ въ Кощеевомъ царствѣ. Баранъ и гусь и пѣтухъ давнымъ давно ушли отъ Кота, и лисица ушла отъ Кота.

— Что за шерсть, что за хвостъ!—вспоминаетъ Копоуль свою невѣрную лису, свое прошлое семейное житье-бытье.

А неукротимые звѣри—сосѣди Копоула—куцый волкъ, который волкъ хвостомъ въ проруби рыбку ловилъ, да съ отрубленной ланой медвѣдь, который медвѣдь къ старику и старухѣ по ночамъ приходилъ, пѣлъ свою страшную медвѣжью пѣсню,—волкъ и медвѣдь сами на старости лѣтъ и недолуки и неудаковы. Волкъ еще хорошо языкомъ ищетъ соринки въ глазахъ, но о хвостѣ успѣлъ позабыть, а медвѣдь, хоть и не прочь спѣть свою страшную пѣсню, да не страшно нисколько, и не забьетъ косолапый вола, какъ бывало, не закуситъ зайцемъ, какъ бывало.

Сойдутся свирѣпыя неукротимые звѣри изъ своихъ заброшенныхъ лубяныхъ и ледяныхъ избушекъ къ Коту для совѣта и знай одно себѣ: дружно Копоулу подхрапываютъ.

Который воронъ летаетъ за море и приноситъ живую и мертвую воду, вѣнцій за все зимовье — отъ ноября до февраля — даже ни разу не каркнулъ и только на Наума—въ именинный кошачій праздникъ показался въ Кощеевомъ царствѣ: самъ пришелъ въ гости къ коту Копоулу.

А который кузнецъ Требуха сковалъ Бабѣ-Ягѣ тонкій голосъ, еще третьяго года пирогами объѣлся и приказалъ долго жить послѣ Никольщины.

Не надо Копоулу колдовской неодолимой защиты.

Глаза Алалея и Лейлы—не злые, не сглазятъ.

— А кто васъ знаетъ! — говорилъ Копоуль, принимая слова ихъ въ досаду, и самъ крѣпко держался за лапу слѣплого крота.

Разсѣдаетъ земля отъ мороза.

Тяжки и плящи морозы.

Въ чистомъ полѣ бѣлѣють снѣга. И лишь ель и сосна
зеленятъ бѣлую зиму.

А въ метельныя ночи старый чортъ закрываетъ мѣсяцъ
косматою шапкой, и метель, набравъ снѣга, размахнется
комомъ и пуститъ въ окошко.

Отъ ноября до февраля—волче темное время.

Стучать зубами голодные волки.

— Копоуль Копоульчъ, не косоурьтесь, расскажите-ка
сказку!—проситъ Лейла.

И знаетъ Копоуль, знаетъ и презнаетъ много всякихъ
докукъ и балагурья, да чуфырится: какъ можно, вѣдь ты-
сячу и одну ночь терся котъ въ колѣняхъ у Шехеразады,
когда рассказывала Шахріару сказки Шехеразада!

— Это ни къ чему не поведетъ, это, похоже, не выйдетъ!—
вотъ и весь сказъ Копоула: и на рѣчи не ставится и на
сговоръ не сдается.

Скуки ради ходятъ Алалей и Лейла изъ горницы въ
горницу, смотрятъ въ окно. И сколько разъ, провожая сту-
деные дни, нетерпѣливые, они пересчитывали лысыхъ, чтобы
на двѣнадцатаго лысаго морозъ пересѣлъ. Не слушалъ мо-
розъ Алалея и Лейлы: нагуляется по двору, засядетъ и си-
дитъ трескунъ на Кошечевомъ озерѣ, выставитъ вѣтру свой
красный носъ.

Разсѣдаетъ земля отъ мороза

Тяжки и плящи морозы.

Куетъ зима звѣздный небесный сводъ.

Днемъ, какъ и ночью, норовиль Котъ поспать, похрапѣтъ
повалиться, позѣвать, зотянуться, и ужъ ты отъ Кота ничего
не добьешься—ни за холодную воду. Но напалдаль добрый
стихъ: вдругъ раздобрится Котъ, поведетъ долгимъ усомъ,—
и начинается сказка, ладно удуманная, хорошо улаженная,
зимняя копоулова сказка.

У П Ы Р Ь.

Не вѣдьма Дундучиха застилаетъ на ночь столь ска-
тертью, не ступой закостила наброжая—кроетъ землю бѣлый
снѣгъ, летятъ — падаютъ хлопья надранными лохмотьями,
воетъ, вьется вьюга, выбухаетъ вихорь, мететъ метель-позе-
мелница, закуделила.

Третій день и грустна и печальна коротаеть дни въ
серебряномъ теремѣ царевна Чучелка.

Третій день, какъ печалень и грустенъ уѣхалъ царевичъ
Кострубъ за Лукорье.

За моремъ Лукорье, тамъ рѣки текутъ сытовья, берега
тамъ кисельные, источники сахарные, а вьрїи-птицы не
умолкають круглый годъ.

Полпути не проѣхалъ царевичъ, занемогъ въ дорогѣ и
померъ. И въ чужомъ краю его схоронили.

Вотъ среди ночи слышитъ царевна подъ окномъ кто-то
кличеть:

— Чучелка, Чучелка, отвори!

Вся зардѣлась царевна: узнала Коструба.

Думаетъ царевна: „Это онъ, это женихъ, царевичъ вернулся съ дороги!“ Встала. Отворила.

— Бери свои бѣлыя платья, жемчугъ. Я въ чужомъ краю завоевалъ себѣ землю, мой подземный дворецъ краше Лукорья.

Надѣла Чучелка бѣлыя платья, жемчугъ. Спѣшитъ на крыльцо.

А онъ ее за руку и на коня.

Взвился конь и помчались.

Мчатся. Мчится царевичъ съ царевной. Страхъ змѣей заползаетъ на сердце: видитъ царевна подъ нею не конь, такихъ не бываетъ, а вѣтеръ.

Вѣтеръ—вихоръ несетъ ихъ сквозь темные лѣса, сквозь мхи и болота—ржавцы болота въ шары-бары—пустое мѣсто.

Поровнялись съ церковью, повернули на кладбище.

Тутъ конь исчезъ.

И вдвоемъ остались они надъ могилой: царевичъ Кострубъ и царевна. А въ могилѣ чериѣтъ изъ-подъ снѣга дыра.

— Вотъ мои земли, тамъ мой дворецъ, тамъ мы отпразднуемъ свадьбу: дни будутъ вѣчны и миръ нашъ веселый безъ печали, безъ слезъ...—полѣзай!

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ царевна,—я дороги не знаю, ты—напередъ, я—за тобою.

Послушалъ царевичъ царевну, пропалъ въ могилѣ.

И одна осталась царевна надъ черной дырой. Сняла съ себя платья,—да въ могилу.

— На же, тани за собою. Вотъ бѣлыя платья, вотъ жемчуга!—и, сбросивъ въ могилу все до сафьянныхъ сапожковъ, заткнула дыру, да бѣжать безъ дороги по снѣгу, сама не знала куда.

Летѣла царевна, летѣла—вдалекѣ огонекъ мелькаетъ—притче бѣжить. Добѣжала, смотреть: изба—одна одинока изба стоитъ среди поля. Бросилась къ двери, вломила въ сѣни, да въ горницу...

Мертвецъ на лавкѣ лежитъ, больше нѣтъ никого, и свѣтитъ свѣча.

Царевна со страха на печку, забила въ уголь, сидитъ тихонько.

А тамъ на кладбищѣ, а тамъ на могилѣ обманутый бышелъ изъ гроба царевичъ. Созвалъ Кострубъ мертвецовъ и полетѣлъ съ мертвецами вслѣдъ по царевну.

Прилетѣлъ до избы, кричитъ черезъ окно:

— Мертвецъ, отвори мертвецу! Будемъ съ живымъ пиръ пировать!

Зашевелился мертвецъ: то ногой, то рукой поведеть. А потомъ съ лавки какъ всталъ и пошелъ, дверь отворилъ.

И нашло мертвецовъ полнымъ полна изба. Окружили печь, кличутъ царевну:

— Вылѣзай, вылѣзай—будемъ пиръ пировать!

— У меня нѣтъ рубашки и сафьянныхъ сапожковъ, принесите мнѣ: тамъ они на могилѣ!—говорить мертвецамъ царевна.

Посылаетъ царевичъ мертвеца на могилу.

И вернулся мертвецъ, принесъ и рубашку и сапожки.

И опять кличутъ царевну.

А она имъ: то, говоритъ, рукавичекъ нѣтъ, то платка у нея нѣтъ, то пояса...

Но мертвецы ей все изъ могилы достали: все платье, весь жемчугъ до послѣдней крупинки.

Кличутъ царевну;

— Вылѣзай, вылѣзай—будемъ пиръ пировать!

И надѣла царевна бѣлыя платья, жемчугъ,—вышла. Вышла царевна. И въ кругу мертвецовъ замерла.

А! какъ обрадованъ мертвый живому!

— Я тебѣ вѣренъ за гробомъ,—цѣловалъ царевну мертвый царевичъ и съ поцѣлуемъ живая кровь убывала—теплая кровка текла въ его холодныя синія жилы.

Третьи шѣтухи прошѣли—мертвецы разлетѣлись по темнымъ могиламъ, тамъ, въ могилахъ, облизывали красныя губы.

Не вернулась царевна въ свой серебряный теремъ. Нашли Чучелку утромъ—бѣлая, какъ бѣлый снѣгъ, безъ единой кровинки, далеко въ чистомъ полѣ въ мертвецкой избѣ.

Вьется вьюга и воетъ, валить и, опрокидывая, руша, сбиваетъ съ ногъ. Разворотила, нелегкая, дубья — колодыя, замела дверь, засыпала окна—хоронить серебряный Чучелкинъ теремъ.

Холодна зима—бѣлый снѣгъ.

1909 г.

С О Н Ъ—Т Р А В А.

Дождались весенней поры. Уходила зима. А была она долгая и суровая—снѣгъ по пазуху. Наступили первые теплые дни.

Ясныхъ дней еще пѣтъ. Ясный Ярѣ не отомкнулъ еще неба. Огненный, разбудилъ Ярѣ черную землю.

И пусть свиститъ въ полѣ вѣтеръ, пусть свистомъ зоветъ зима снѣгъ на помощь! Снѣгъ таетъ въ полѣ, и разъ отъ раза темнѣетъ рѣка.

Вздуется ледъ, тронется рѣка—грозно Ярѣ разомкнетъ горячее небо—поплыветъ рѣка и, широкая, зашумитъ она, какъ грозное небо.

— Руки наши крѣпки, глаза видятъ ясно и мы поплывемъ!—повторяетъ за Алалеемъ вѣрная Лейла.

Они на волѣ. Такъ они рады весеннему первому дню.

Они на волѣ, они встрѣтили первый цвѣтокъ.

Какъ печаленъ и грустенъ первый весенній цвѣтокъ!

Сонъ-трава—синеглазый подсиѣжникъ—глядѣла печально. и на тяжелыхъ темныхъ рѣсницахъ горѣла слезинка.

Что огорчаетъ ей сердце? Ждетъ ли кого? Или нѣтъ никого, кто бы утѣшилъ печальное сердце?

У цвѣтовъ есть мать, у Сонъ-травы—мачеха. Разбудить Ярѣ землю. Проснется земля. Но еще спать подь землею и трава и цвѣты.

„Просыпайся, иди на землю, тамъ свѣтло, тамъ всѣ твои братья и сестры, тамъ играютъ птицы!“ — скажетъ мачеха нелюбимой синеглазой сироткѣ.

И послушная она выйдетъ на землю одна, безъ братьевъ и сестеръ, одна изъ-подъ снѣга. Еще спать подь землею и трава и цвѣты.

Ее въ колыбели никто не баюкалъ, ее на рукахъ никто не нянчилъ, ее ласковымъ словомъ никто не забавилъ...

Печально и грустно стоитъ Сонъ-трава—синеглазый под-снѣжникъ.

Въ тихомъ вечерѣ тихимъ полетомъ плывутъ по теплому небу перелетныя птицы.

Птицы всѣ прилетятъ въ свои гнѣзда. И выйдетъ изъ лѣса медвѣдь. И закукуетъ горькая кукушка.

— Руки наши крѣпки, глаза видятъ ясно и мы полетимъ!—повторяетъ за Алалеемъ вѣрная Лейла.

Они на волѣ. Такъ они рады весеннему дню.

И синеглазая Сонъ-трава печально глядитъ на нихъ.

— Ты, сестрица, дождешься солнца!—сказала ей Лейла, и далеко разносился ея голосъ по волѣ:—Солнце, солнышко, выгляни, высвѣти! Солнце, солнышко!

1910 г.

В Е Р Б А.

Ужъ заря, золотясь, осыпается розами въ рѣку.

Отошли дни потемы, потухли всполохи.

Ужъ по зарѣ златорукое солнце возноситъ руки надъ міромъ, зарное, нѣтъ ему бѣлаго облака, чтобы закрыться, захватить все небо.

Небо обняло землю, горячо обнимаетъ.

И земля принялась за свой родъ.

Первая—Верба. Верба, еще изъ-подъ-снѣга распушивъ свои алья гибкія лозы, тихо подымаетъ вѣки, и сѣдя пухлистыя вѣи озолотились слезами.

И куда ни пойдешь, и куда-бъ ни взглянулъ, встрѣтишь вѣстницу мая—печальную вербу.

„Я, послѣдній и самый любимый, рожденный въ Купальскую ночь, расскажу тебѣ, Лейла, о моей матери Вербѣ.

„Моя рѣчь невнятна,—я очень долго молчалъ, мои слова странны,—я очень старъ.

„Я не помню, какъ это было—мои руки сухи, мои пальцы

вялы, а у моей матери руки были влажны и пальцы крѣпки.

„У меня было много братьевъ, сестеръ, сестеръ-братьевъ, все они были старше и разбрелись по землѣ, кочуя до самаго края. Ихъ было такъ много, ихъ было больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ.

„Я помню—мои ноги быстры и легки, какъ крылья, а во лбу свѣти-цвѣтъ купалы. „Ты засвѣти свой цвѣтъ, Купало!“—сказала мнѣ мать.

„Я помню—мы шли искать новую землю: на старой намъ стало тѣсно. Мы шли долго въ ночи, раскапывали пальцами землю—гадали о будущихъ дняхъ. Черная, сбросивъ бѣлые снѣги, земля лежала подъ нами и, тая, дымилась, а въ ея черномъ сердцѣ зависть свивала гнѣздо.

„Моя мать сильна и всехъ прекраснѣй. И пускай послѣ мая знойные дни и жгучіе вихри, и пускай по болотамъ въ полночь, заманивая путниковъ въ гибель, сверкаютъ огни-одноглазы, и полднемъ Полудницы летятъ въ пыли вихрей, и пускай, чуя мертвыхъ, вопить Карина и пускай несетъ темная Желя погребальный пепелъ въ своемъ плающемъ рогѣ,—моя мать сильна и всехъ прекраснѣй.

„И на землѣ цвѣтовъ было меньше, чѣмъ моихъ братьевъ, и на землѣ лѣсу было меньше, чѣмъ моихъ сестеръ, и на землѣ рѣкъ-озеръ было меньше, чѣмъ моихъ сестеръ-братьевъ.

„Я не помню, какъ это было—а какъ всходить зарѣ на гору, передъ разсвѣтомъ, мы вступили въ болото и вотъ черныя руки вдругъ подежались изъ земли и крѣпко охватили мать подъ грудь сзади и, обнявъ, повлекли ее въ топь за собою...

„Я не помню, какъ это было—я стою на краю трясины и кличу и зову мою мать: „Гдѣ найду я новую землю!“ — И кличу братьевъ: „Гдѣ найду я мать!“

„А подъ землю глубоко я вижу, горятъ, какъ свѣчи, глаза. А мать стоитъ—не мать, печальная верба.

Р А Д У Н И Ц А.

Къ намъ!—торопитесь, весенніе вѣтры!
Грачи прилетѣли, пробилъ ледъ щука, вскрылись рѣки,
идутъ, говорливыя, и распушилася верба.

Эй, ты—весна!
Ой, лелю, лелю весна!

Ужъ прошумѣли грозолетныя тучи, неразгонныя дождемъ
пролились студеницы.

И ударило молотомъ въ камень, въ зеленый дубъ прямо
подъ корень.

Эй, ты—весна!
Ой, лелю, лелю, весна!

По теплomu небу алымъ развоемъ наливается роза-заря.
Алый вечеръ угасъ, темная Стрига тьму собираетъ для
ночи.

Ночь кипитъ, весенняя — распущены темныя косы. А
куда ни взглянешь—звѣзды.

Но моя душа полнѣй печалью.

Эй, ты—весна!

Ой, лелю, лелю, весна!

Къ намъ!—торопитесь, весенніе вѣтры!

Ужъ восходитъ изъ нѣдръ ночи красное Солнце, разрываются тяжкія цѣпи,—низвергается Стрига.

И несутся весенніе вѣтры изъ вѣчнаго лѣта, несутъ, колыхая, на крыльяхъ сѣмена лѣсу и полю, а сердцу любовь, и навѣваютъ горячую въ сердце.

Эй, ты—весна!

Ой, лелю, лелю, весна!

1908 г.

КАМЕННАЯ БАБА.

Ушла зима съ морозами, съ трескучими...

Взошло солнце, согнало снѣги.

Пошла вода вольная, полноводная. Подмыла сучки, вѣтки, отросточки.

Весна пріѣхама.

Весна-красна въ аржаномъ колосѣ на сохѣ, на овсяномъ снопу, веселая, привезла ясные дни, частый дождь, зеленую траву.

Приударилъ дождь.

И раскинулись кусты, вошли ручьи въ русла, зазеленѣли луга.

Пойте птицы, и вечеромъ и утромъ,—всѣмъ намъ веселье!

Алалей и Лейла качались на качеляхъ, мылись громовой водой, прыгали черезъ костеръ. Вѣтеръ, вода и огонь ихъ сохранять.

И ужъ имъ не сидѣлось на мѣстѣ у Копоула въ Кощеевомъ царствѣ: манилъ лѣсъ, поле, дорога.

— Будь здоровъ, Копоуль Копоулычъ, спасибо тебѣ за

зимній пріютъ: будемъ помнить твою ледяную горку, блины и вечера, когда рассказывалъ ты сказки.

— Морянѣ, не забудьте, кланяйтесь, какъ попадете на Море-Океанѣ, ей въ волнахъ видно!—прокурлыкалъ Копоулъ на прощанье: сѣдой котъ на огородѣ кошался, капусту да лукъ садилъ.

И снова пошли они въ путь.

Отъ кургана къ кургану ихъ вела ковылевая степь, шелковая, колыхалась волною. Ночью мѣсяць свѣтилъ, освѣщая дорогу.

По небесному краю раскрывалось синее море и, разлившись широкимъ-широко, улетало, какъ лебедь. Попадались верблюды: угрюмо и молча щель верблюдь за верблюдомъ... И пробѣгали стада бѣлыхъ овецъ, порошили, какъ снѣгъ, зеленую степь.

— Эту ночь не пойдёмъ, Алалей, заночуемъ тутъ у кургана возлѣ той вонъ Каменной Бабы!

Вышли звѣзды, пустились по весеннему небу искать золотые ключи отъ восхожей зари. Въ тихомъ снѣ пріумолкла земля.

Баба смотритъ въ ночь. Они смотрятъ на Бабу.

— Что ты, Баба?—Что ты смотришь?—Что ты знаешь?

— Я баба не простая, я Каменная Баба, — провѣщалась Баба,—много вѣковъ стою я въ вольной степи. А прежде у Бога не было солнца на небѣ, одна была тьма, и всё мы въ потемкахъ жили. Отъ камня свѣтъ добывали, жгли лучинку. Богъ и выпустилъ изъ-за пазухи солнце. Далось тутъ всё диву, смотреть, ума не приложить. А пуще мы, бабы! Повыносили мы рѣшета, давай набирать свѣтъ въ рѣшета, чтобы внести въ ямы. Ямы-то наши земляныя безъ оконъ стояли. Подыместъ рѣшето къ солнцу, наберемъ полнымъ-полно свѣта, черезъ край льется, а только что въ яму — и нѣтъ

ничего. А Божье солнце все выше и выше, ужъ припекать стало. Притомились мы, бабы, сильно, хотъ свѣта и не добыли. А солнце такъ и жжетъ, хотъ полѣзай въ воду. Тутъ и вышло такое—начали мы плевать на солнце. И превратились вдругъ въ камни.

Высокая шапка на Бабѣ закачалась, а руки, сложенные на животѣ, поднялись къ высохшей каменной груди.

— Да вотъ тоже, непосѣды вы, все-то бродите, знаю васъ, не впервой васъ вижу: съ Волхомъ рыскали, помню... Въ Духовъ день земля именинница, не скачите вы въ зеленый день, не кувыркайтесь, не стучите, а встаньте рано да поцѣлуйте мать нашу землю, поздравьте! Да еще животныхъ, скотовъ не обижайте, коней, оленей кормите, поите, приглядите...

— Баба, баба! Скажи намъ, ты насъ видѣла, ты насъ знаешь, скажи намъ, гдѣ лежитъ Море... дойдемъ мы до Моря-Океана?

Но Баба ничего не сказала. Баба смотрѣла въ ночь.

А по небу звѣзды серебромъ висли—искали ключи.

1908 г.

Л У Ж А Н К И.

Три бѣлоснѣжныя вѣтровы сестры—Буря, Вьюга и Метель простились съ любимымъ братомъ Вихремъ и ушли за море въ скалы до зимнихъ студеныхъ дней.

Громъ прогремѣлъ, ударилъ громъ въ источникъ до дна. Трубили небесныя трубы, блистали мечи, летѣли стрѣлы. И пролился теплый дождь.

До-сыта полилъ дождь хлѣбородницу землю, до-верху наполнилъ воды — рѣки, луга и озера, и грозой и громомъ крѣпко натянулъ литыя серебряныя струны отъ береговъ до береговъ.

Рѣки шумѣли, какъ гусли, со звономъ половодья звонко по литымъ серебрянымъ струнамъ била волна, бѣжала говорливая, несла счастье.

И зазорились ясныя зори, разлился лѣсъ, зацвѣли все лужайки и роци, запорошились бѣлой душистой черемухой погосты и кладбища, полетѣла изъ улья по цвѣту Ефрейчела за медомъ, воскомъ и затѣснились пчелки-подружки

у огорода вокруг Фелины-пчелы и Аросиды, пчелъ старшихъ, перекликнулся выпью Водяной съ Лѣшимъ, и на красныхъ холмахъ отъ зари до зари застонали свирѣлю пѣсни-веснянки, пѣсни-заклички, оклики мертвыхъ.

Рѣки шумѣли, какъ гусли, со звономъ половодья звонко по литымъ серебрянымъ струнамъ била волна, бѣжала говорливая, несла счастье.

Ключемъ закипала жизнь въ обогрѣтомъ ожившемъ сердцѣ—и ужъ плещетъ она, горячая, льется, кипитъ ключемъ и тамъ въ небѣ, и тамъ въ землѣ, и тамъ въ водѣ, и тамъ въ огнѣ. И какъ просторна, какъ необъятна—и далеко покажется и широко поглянется!—какъ необъятна, необозрима весенняя молодая земля съ солнцемъ и мѣсяцемъ, съ зорями и звѣздами!

Всѣмъ своя воля—до вольная, разволица, разволье и раздолье.

Чуть заря занялась и по зарѣ загѣла сизая птичка, а Алалей и Лейла ужъ на волѣ—въ пути.

— Лейла, а куда улетѣли, какъ два голубыхъ голубка, твои глаза-голубки, Лейла?

— Ты ихъ не видишь?

— Гдѣ они, Лейла?

— Лужанки! Лужанки проснулись! Какъ они рады... Алалей, какія золотыя кудряшки!

На лугу въ полой водѣ купались Лужанки. И подымали брызги, — летѣли, разсыпались брызги дробнѣе маку. Такъ весело, такъ рады были зарѣ Лужанки. И кудрились ихъ золотыя кудряшки.

— А миѣ, Алалей, можно... Я имъ скажу: вы мои братцы—Лужанки, я ваша сестрица Аленушка. Они меня пустять? Я сестрица Аленушка! И ты тоже скажешь...

— Лейла, солнце встаетъ.

И загорѣлось, встало солнце, и подъ солнцемъ загорѣлась земля, и въ первыхъ лучахъ скрылись Лужанки.

— Гдѣ мои Лужанки?

— Улетѣли въ лучахъ.

— А на лугу?..

— На лугу ихъ ночь,—на лугу они спятъ. На лугу ихъ утро,—на лугу они умываются, чтобы къ солнцу летѣть.

— Какія золотыя кудряшки! Алалей... я--не Лужанка?

— Ты... ты сестрица моя Аленушка—Лейла!

Лейла подъ солнцемъ вся золотая. Какъ два голубыхъ голубка, ея глаза-голубки улетали съ лучами, за первыми лучами,—за золотыми Лужанками, къ солнцу.

Рѣки шумѣли, какъ гусли, со звономъ половодья звонко по литымъ серебрянымъ струнамъ била волна, бѣжала говорливая, несла счастье.

1910 г.

К Р Ъ С Ъ.

Эна какая—разливная весна! Повытаяль снѣгъ съ полей, повынесло ледъ съ рѣки, разошлась вода со льдомъ, разлились рѣки съ горъ, протекли мелкія рѣчки—бьютъ ключи, и, круглыя, полныя съ берегомъ, катятъ озера.

А по розсыпи волнъ на волѣ Водыльникъ. И лишъ одна его голова—куча сѣнная, торчитъ надъ водою: ничѣмъ не заманишь чумазаго въ темень на остудное дно, довольно зимой наклевался ершей, и плыветь, охмелѣль.

Суховерхое дерево грѣтся. Веселѣеть еловая роцца.

Оживають дыбучіе мхи.

Вотъ облако къ облаку,—пушистыя облачки сходятся.

Пугливо за облако теряется солнце.

И ужъ движется туча хмуро и грузно: заждалась свистучая, шатаеть подоблачье.

Горностай тягу далъ подѣ малиновый прутникъ.

Черкнула ласточка.

Да какъ заторандить да какъ загрохочеть — съ грохотомъ — громомъ катить гремящій Громовникъ: съ уклада складено сердце, съ желѣза скованы груди. Торокомъ — вихремъ рѣжетъ Громовникъ небесные снѣги.

Подымаетъ тугой лукъ. Нацѣлилъ. Спускаетъ стрѣлу—
крѣсь — —!

И всполохнулся отъ искры небесный сводъ, весело, весело горитъ. И земля подъ топотъ толкучаго грома, просверленная мѣткой стрѣлою, горитъ.

Пробудились, встаютъ клевучія змѣи, встаетъ все звѣрье и всѣ птицы и привѣтливыя и догадливыя, хищныя, жалобныя, горегорькія, скоролетныя, златокрылыя, говорящія, косятыя—соколъ, орелъ, соловей, и гусь заблудуцїй, и сорока поскокунья, и ворона полетучая, и загнанный заяць.

И до самаго вечера, пока туча держалась и во всю громыхаль безстрашный Громовникъ, звон-унылая пѣсня звѣрья разливалась съ края по край — съ береговъ небывалыхъ до береговъ, гдѣ бездорожье живетъ.

И до капельки вылилась туча, высѣявъ землю.

Любуясь, по синимъ дорогамъ ушло солнце, а за солнцемъ теплая ночь поднялась надъ теплой землей.

На прибойномъ сыромъ берегу вѣщая Мокуша, охраняя молнійный огонь, щелкала всю ночь веретенкомъ, пряла горящую нить изъ священныхъ огней. Кузнецы стояли въ кузницахъ, разжигали булатъ—желѣзо, ковали желѣзные обручи на любое сердце. И водныя Бродницы, плавая тихо, волновали синія воды и, чаруя глубокія нѣдра, призывали навовъ изъ темныхъ могилъ.

— Проснитесь и пойте! Проснитесь! Наступило всему воскресенью! Начинайте весеннюю пляску!

Въ землѣ копошилось, раскатывались камни, разсыпались пески, разступалась земля.

А тамъ—ненаглядныя звѣзды. И до зари, какъ всходить ей на небо, звѣзды, играя, свивали тоску, ненаглядныя.

Н Е Ж И Т Ъ.

Вотъ пришелъ ярецъ-май съ ясными днями, поднялъ и слилъ яроводье. Лили дожди и пролились. Канули сиверы—вѣтры.

Съ теплымъ вѣтромъ изъ-за теплаго моря комары прилетѣли.

И текутъ безумно гульливья рѣки.

Гуляй, поколь воля!

Выгнана вербою въ поле скотина. Засѣяна черная пашня. Въ полѣ и въ лѣсѣ ночью и днемъ заливаются—свищутъ пѣвчія птицы: перелетныя, не обошли онѣ, не забыли наши края.

Русь—сторона родимая. Жить—она веселая.

Падаютъ бѣлой зарею большія Егорьевы росы.

Рано солнце играетъ.

Соловьиные дни.

Гуляй, поколь воля!

Все оживаетъ, все пробудилось. Прогремѣть первый громъ и земля очнулась.

Выглянули горныя мавки съ красныхъ горъ и высокихъ буяновъ—стало не въ мочь имъ въ ихъ зимнихъ вершинныхъ могилахъ.

Тихо вѣютъ горныя вѣтры. Парить на солнцѣ.

Встала чужья-змея, вывивается: чуетъ снѣдь.

Вылѣзъ изъ-подъ коневой головы и самъ неприкаянный Нежить, ей встрѣчу идетъ.

Гуляй, поколь воля!

Торна, бойка дорога.

Вотъ обогнулъ Нежить старую ель и бредеть — колыбаются сивья космы. Подвигается тихо, толчетъ грязи по мху и болоту, хлебнулъ болотной водицы, поле идетъ, другое идетъ, неприкаянный Нежить, безъ души, безъ обличья.

То онъ переступитъ медвѣдемъ, то утишится тише тихой скотины, то перекинется въ кустъ, то огнемъ прожигаетъ, то какъ старикъ сухоногій—берегись, исказнить!—то разудалымъ мальцомъ и ужь опять, какъ доска, вонъ онъ —пугало-лугаломъ.

Доли не чаять и не терять—Нежитова доля.

Далѣтъ день. Вечерѣтъ.

Въ теплыхъ гнѣздахъ ладять укладываться на ночь.

Ночь обмыаетъ.

Ночь загорѣлась.

Затянули на буйвищахъ устяжныя пѣсни.

Вѣтъ съ жалъниковъ медомъ и сыченой брагой.

Легкая лодка скользнула въ раakitникъ. Раздвинула кустъ Волосатка, пустилась домовиха по полю ко двору къ Домовому.

Гуляй, поколь воля!

Въ ночинѣ кони въ полѣ кочуютъ, зоблютъ.
Сѣлъ Нежитъ въ мягкую траву, закатилъ болотные пялки,
загукалъ Весну.

А на позовъ изъ бора отукаетъ Дивъ.

Гуляй, поколь воля!

Подливаетъ вода—колыхливая рѣчка, подплываетъ къ
самымъ воротамъ.

Разъяренилась пѣсня.

А тамъ за рѣкою старики стали въ кругъ, изогнулись,
трогаютъ землю, гадаютъ: пусть провѣщаетъ Судина!

И волшанскіе жеребья кинуты.

Слышитъ ярое сердце, чуетъ судьбу, похолодѣло...

Рѣзвый жеребей выпалъ—злая доля выпала ярому сердцу.

Яромъ туманы идутъ. Поникаетъ потокъ. Пѣтуха не до-
будишься.

Дубъ развертываетъ свѣжіе листья.

И мать-земля родитъ буйную зель

Гуляй, поколь воля!

1907 г.

КОЛОВЕРТЫШЪ.

Широкая, уныло день и ночь течетъ Булатъ-рѣка, тиноватая, въ крутыхъ обсыпчатыхъ берегахъ съ пугливую рыбою.

Умылись наши путники въ рѣчкѣ, переѣхали рѣчку Соловьинымъ перевозомъ и вошли въ густой лѣсъ. И всю ночь до зари пробирались они лѣсомъ по темнымъ, тайнымъ дорогамъ. Всю ночь вела ихъ дорога то сквозь трущобы, то пропастями.

И трижды далеко пѣтухи пропѣли — трижды клевуны пропѣли.

Взошла заря.

А на зарѣ, въ подсвѣтѣ, въ восходѣ солнца девять кудрявыхъ дубовъ остановили ихъ путь.

У девяти дубовъ, между двѣнадцатю корнями стоитъ избушка на курьей ножкѣ.

Тихо обошли они дубы вокругъ избушки, робко загнули въ три окна. Но тихо: не повернулась къ нимъ избушка, ее не повернула куриная нога. И въ окнахъ ни души, не слышно крика, ни шума, ни суетни,—знать, покинула вѣдьма избушку!

На крышѣ сидѣла сѣрая сова—чортова птица, а у курьей ноги, у дверей, пригорюнясь, сидѣлъ Коловертышъ: трусикъ

не трусынь, кургузый и пестрый, съ обвислымъ, пустымъ, вялымъ зобомъ.

— Лейла, какой печальный Коловертышь!

— Слѣпой, какъ птица сова?

— Сова—не сова, а глазастый и зоркій: днемъ и ночью разбираетъ дорогу.

— А это что у него за мѣшокъ?

— Это зобъ, туда онъ все собираетъ, что вѣдьма достанетъ: масло, сливки и молоко, всю добычу. Наберетъ полонъ зобъ и тащитъ за вѣдьмой, а дома все вынетъ изъ зоба, какъ изъ мѣшка, вѣдьма и ѣсть: масло, сливки и молоко.

— Вотъ чудеса: Коловертышь!

— Да, Коловертышь.

Они поднялись по ступенчатой лѣстницѣ къ двери, чуть пріотворили дверь—на мышинный глазокъ, но Коловертышь остановилъ ихъ:

— Нѣтъ вѣдьмы,—сказалъ Коловертышь, —нѣтъ хозяйки: напившись въ печкѣ, задохнулась Марина ужъ тридцать три года.

— Эко несчастье!

— Бѣдняжка! Неужто задохнулась въ печкѣ?

— Тридцать три года! взгрустнулъ Коловертышь.

— А ты самъ Коловертышь?

— Я самъ Коловертышь, а бывало-то...

— Что, что бывало?

— А бывало-то, мѣсяць старѣеть и вѣдьма старѣеть, мѣсяць молодѣеть и вѣдьма молодѣеть, вчера она старая кваша,—и не посмотришь, а завтра посмотреть и сдѣлаетъ пьянымъ. А горька, какъ сажа, сладка, какъ медъ, надменна, какъ вепрь, язвительна, какъ слѣпень, ядовита, какъ змѣя. Разрывала Марина оковы, что твою нитку, захочетъ—змѣя уишетъ его ярое жало, а захочетъ—суше вѣтра иссушить, суше вихря, суше подкошенной травы. Вотъ была она какая!

— Марина-вѣдьма!—подхватила Лейла.

— Марина-вѣдьма, ужь тридцать три года...

И, вспомнивъ Марину-вѣдьму, свою хозяйку, о себѣ разсказалъ Коловертышъ, какъ ему скучно, — закрылись все радости, встрѣтились напасти!—и не знаетъ онъ, что ему дѣлать,—ничего не видитъ отъ несносной печали!—и куда ему дѣться, — оголодалъ онъ! — безъ Марины-вѣдьмы, безъ своей хозяйки.

— А какъ тебя сдѣлала вѣдьма?—допытывалась Лейла.

— Изъ собаки сдѣлала, мудрено меня сдѣлала вѣдьма: оценилась наша собака Шумка—Шумку волки съѣли!—взяла вѣдьма мѣсто—тамъ, гдѣ щенята у Шумки лежали, попентала, перетацила въ избу въ задній уголъ подъ печку, а черезъ семь дней я на бѣлый свѣтъ и вышелъ. Я—Коловертышъ, въ родѣ собачьяго сына... Съѣшьте меня, Бога ради, мнѣ скучно!

— Что ты... мы вовсе не сърые волки! Да полно, чего горевать, ну, чего? Ты и другую найдешь, ну, не Марину, ты другую найдешь... Шумку!—растрогалась Лейла, хотѣла утѣшить бѣднягу, который въ родѣ собачьяго сына.

Коловертышъ былъ неутѣшенъ: трусикъ не трусикъ, кургузый и пестрый, съ обвислымъ, пустымъ вялымъ, зобомъ,—бултыхалъ Коловертышъ пустымъ вялымъ зобомъ.

— Кого иѣтъ, того негдѣ взять... Съѣшьте меня, Бога ради, мнѣ скучно!—не унимался бѣдняга, капали крупныя слезы изъ собачьяго, вѣрнаго глаза.

Лейла туркнулась въ дверь. И они попали въ избушку,

У самыхъ дверей — ступа, изъ ступы, какъ заячье ухо, торчалъ залежанный войлокъ: видно, въ ступѣ свилъ себѣ прочно ночное гнѣздо Коловертышъ, и рядомъ со ступой помело длинное, подъ потолокъ, и кочерга, а по угламъ пустая посуда,—въ пустую посуду Коловертышъ выкладывалъ когда-то изъ своего зоба добычу: масло, сливки и молоко,—а на стѣнѣ, въ красномъ углу болтался замыганный, лысый воловій хвостъ и ожерельемъ висѣли вокругъ

сушенныя змѣи, кузнечики, песьи кости, ящерицы, акулье перо и рога оленьи, а на треногомъ столѣ—корки, крошки и черенки, а у печки—громовой камень, угли, кремьнь, кресало, горшокъ золы:—знать, у печки распорядилась сова. И вездѣ паутина—по щелямъ, по потолку, по угламъ.

Вотъ гдѣ жила вѣдьма Марина: старѣла, какъ мѣсяць старѣеть, и молодѣла, какъ молодѣлъ старый мѣсяць, а горька, какъ сажа, сладка, какъ медь, надменна, какъ венеръ, язвительна, какъ слѣпень, ядовита, какъ змѣя, захочеть—змѣя уйметъ, его ярое жало, а захочеть—суше вѣтра изсушить, суше вихря, суше подкошенной травы.

— Съѣшьте меня, Бога ради, мнѣ скучно!—тянулъ свое Коловертышъ, кряхтѣлъ за дверь, у курьей ноги.

Вотъ, гдѣ живетъ Коловертышъ, ничѣмъ неутѣшенъ и никогда—ни днемъ подь солнцемъ, ни ночью подь мѣсяцемъ, ни равными росами, ни вечерней зарею, безъ Марины, вѣдьмы, безъ своей хозяйки, вѣрный вѣдьминъ помощникъ—Коловертышъ, который въ родѣ собачьяго сына.

Постояли они въ избушкѣ, поглядѣли, подумали,—и за порогъ. И у девяти кудрявыхъ дубовъ опять постояли, поглядѣли, подумали да, напившись ключевой воды у обожженного молнией средняго мокрецаго дуба, дальше—въ недалній, неблизній трудній путь по тернистой, унылой тропинкѣ за широкую Булатъ-рѣку искать море, Море-Океанъ.

— Прощайте! Прощай, Коловертышъ!

Коловертышъ не тронулся съ мѣста, и лишь сова вспорхнула на окликъ...

— А вѣдьмины кости, косточки, костки черный воронъ въ поле унесъ, Воронъ Вороновичъ, ужъ тридцать три года, а собаку Шумку... Шумку волки съѣли, ужъ тридцать три года!—кричала вдогонку сова—чортова птица, сѣрая, кричала съ давленнымъ хохотомъ.

1910 г.

Х О В А Л А.

Наволокло,—небо нахмурилось.

Подымалась гроза, становилась изъ краю въ край, закипала облакомъ...

Поднялись вѣтряницы, полетѣли съ горъ, нагнали вѣтеръ и вихрь.

Вѣтры воюють.

И гремучая туча угрюмо стороною прошла.

Не припустило дождемъ.

И осталась земля-хлѣбородница не умытая, не напоена.

Не переможешь жары, некуда спрятаться.

И ходило солнце по залѣсью, сушило въ саду шумливую яблонь, а въ полѣ цвѣты, и жаркое сѣло.

Угрѣвный день смѣнился душной ночью.

По топучимъ болотамъ зажглись свѣтляки, а на небѣ звѣзда красная—одна—вечерняя звѣзда.

Поднялся Ховала изъ теплої риги, поднялъ тяжелыя вѣки и, ныряя въ тяжелыхъ склоненныхъ колосьяхъ, за-свѣтилъ свои двѣнадцать каменныхъ глазъ, и полыхалъ.

И полыхалъ Ховала, раскаляя душное небо.

Казалось, тамъ—пожаръ, тамъ разломится небо на части, и покончится бѣлый свѣтъ.

Пустить бы голосъ черезъ темный лѣсъ!—Не слышать, да и нѣтъ такого голоса.

И куда-то скрылся Индрикъ-звѣрь. Индрикъ звѣрь—мать звѣрямъ—землю забыть. А когда-то любилъ свою землю: когда въ засуху мерли отъ жажды, копалъ Индрикъ рогомъ колянную замлю, и выкопалъ ключи, досталъ воды, пустилъ воду по рѣкамъ, по озерамъ.

Или пришло время послѣднее: хочетъ звѣрь вернуться?

И куда-то улетѣла Страфиль-птица. Страфиль птица—мать птицамъ—свѣтъ забыла. А когда-то любила свой свѣтъ: когда нашла грозная сила, и мiръ содрогнулся, Страфиль-птица побѣдила силу, схоронила свѣтъ свой подъ правое крыло.

Или пришло время послѣднее: хочетъ птица встрепенуться?

И куда-то нырнулъ Китъ-рыба. Китъ-рыба — мать рыбамъ—покинулъ землю. А когда-то любилъ свою землю: когда строили землю, легъ Китъ въ ея основу и съ тѣхъ поръ держитъ все на своихъ плечахъ.

Или пришло время послѣднее: хочетъ рыба сворохнуться?

Грозятъ страшныя очи, ныряетъ Ховала. Съ пути его не воротись...

И омлѣла на небѣ звѣзда вечерняя.

1907 г.

МАРА - МАРЕНА.

Охватила заря край земли—вечерѣтся день—вечерняя тихо заря поблекаетъ.

Смородина-рѣчка дремлетъ. Голубья, огрѣтыя солнцемъ, отлились ея вешнія воды.

Прошли къ берегу по воду дѣвки: зноятся лица, поизмята шитая рубаха, примучились плечи.

Не за горами горячей порѣ. Ужъ довольно морозу пугать съ перезимья!—полегли всѣ морозы, заснули въ стрекучей крапивѣ.

Пойдутъ хороводы. Заиграютъ пѣсни.

Полетятъ за густымъ бѣлымъ облакомъ сквозь зарю, съ вечерней зари до бѣлаго дня, купальскія пѣсни.

По край болота жили лягушки,—квакчуть.

И тихо разсыпались звѣзды, ну—свѣчи, повитыя золотомъ нелитымъ, нетянутымъ.

Идетъ по луговьямъ, по нивѣ Мара-Марена, кукуетъ тихо и грустно, кукуетъ, изнемаетъ тоскою дорогу.

Шумятъ на шатучей осинѣ листья безъ вѣтра.

Клокочетъ кипучь-ключь горячій.

Идетъ Мара-Марена, не топчетъ травы, не ломаетъ цвѣтовъ. Съ половины пути она оглянулась,—заглядѣлись печальныя очи,—далеко звѣздой просвѣтила.

Зеленѣютъ луговья, наливается колосомъ нива.

Боровая ягода зрѣеть.

Брякъ подь окошкомъ!

Тамъ кто-то клянеть и клянется. Зачѣмъ тамъ клянутся Землю и Солнцемъ! Положи ни во что эту знойную клятву. Не будетъ отъ клятвы корысти.

Взглянетъ Мара-Марена, просвѣтитъ — окраситъ весь свѣтъ и погубитъ.

Все пойдетъ по ея.

Все погибнетъ.

Мара-Марена—въ одной рукѣ серпъ, въ другой зеленый вѣнокъ. Она сердце изсушить, подкоситъ вѣковое, разорветъ неразрывное, вздуетъ вѣтры, засыплетъ сыпучимъ снѣгомъ теплое солнце, размахаетъ крѣпкіе дубы.

И затмится на радости день.

И не увѣдаетъ милый о милой, забудутъ: я ли тебя, ты ли меня...

Идетъ Мара-Марена, замутила Смородину-рѣчку, открывастъ кувшинки и дальше идетъ, восходить на горы—горы толкуются—и дальше долиной, по большому полю.

И взмывала во слѣдъ ей непогожая туча съ большимъ дождемъ, непроносная.

Камнемъ шибается къ звѣздамъ птица Могуль, и счастье-перо, кипя смолою, падаетъ счастливому.

Стой! Не приунять, не укротить безповиннаго сердца, бьеть черезъ край.

Тамъ волкъ, зачюявъ смерть свою, завылъ.

И смыкается небо съ землею.

1907 г.

М А Р У Н Ъ.

Заморилась ильинская муха, заросла путь-дорога.
Озимое поле вспахали, счастливо засѣяли.

Не оттянуться осенней порѣ. Падаеть желтый осенній
листь.

Вихорь, прогнавъ полевые вѣтры, сталъ на полетѣ.

И мглнстое утро окуталось тихимъ дождемъ.

Мглисто и тихо. Боже, какъ тихо!

Или ужъ съ моря вышли бѣлоснѣжныя вѣтровы сестры—
Буря, Вьюга, Метель, и идутъ къ намъ сестры быстрой рѣкою,
черезъ озера, черезъ гремучій ключъ, по бѣлому камню, по
чернымъ корнямъ, по мхамъ и болотамъ, несутъ стужу съ
ненастьемъ и по пути поднимають погоду и раздувають жел-
тые листья.

— А гдѣ, Алалей, живутъ сестры?

— На морѣ, гдѣ-то тамъ, у Студенаго моря. А давай, у
олена спросимъ!

Олень—вихорь-Олень стоялъ у сосны: увядала сосна, раз-
ломанная молніей въ щепы.

— Оленюшка,—попросила Лейла,—разскажи намъ о вѣт-
ровыхъ сестрахъ, о Бурѣ, Вьюгѣ, Метели!

Зналь Олень про сестерь, и рассказалъ по-оленьи о сестриномъ морѣ, и какъ зовуть островъ, и о царѣ Марунѣ.

Далеко на морѣ—не на Студеномъ, на Варяжскомъ—есть острова Оланда—скалистый островъ Бурь-бурунъ. Четыре рыбы держатъ островъ: двѣ одноглазья Флюнды и двѣ крылатя Симпы. Царь Бурь-буруна, властитель Оланда—Марунъ. Тронъ его крѣпкій изъ алаго мха, царскій вѣнецъ изъ луннаго ягеля, мечъ и щитъ изъ гранита. Сидитъ царь Марунъ на острой скалѣ высоко надъ моремъ, слушаетъ волны. А вокругъ его—змѣи, надъ нимъ—альбатросы, и по морю мимо проплываютъ печальные бѣлые бриги и шкуны. А онъ неподвиженъ на своемъ аломъ тронѣ, лунный, какъ мохъ-ягель, пасть раскрыта—онъ слушаетъ волны. Никто не взойдетъ на скалы, никто не ступить на берегъ, никто не обойдетъ весь островъ, и только безстрашный, вызывающій смерть, викингъ Сталло, закованный въ сталь, бросаетъ безстрашно якорь. А царь Бурь-буруна, властитель Оланда—Марунъ не видитъ ни печальнаго бѣлаго брига, ни альбатросовъ, ни змѣй, ни викинга Сталло, слѣпой, онъ слушаетъ волны. Далеко на морѣ—не на Студеномъ, на Варяжскомъ—есть острова Оланда—скалистый островъ Бурь-бурунъ. Тамъ и проводятъ лѣтніе дни бѣлоснѣжныя вѣтровы сестры Буря, Вьюга, Метель.

— Сестры ужъ вышли, плывутъ, вѣютъ пенастьемъ,—провѣщаль вихорь-Олень.

— Я непременно хочу увидѣть Маруна!

— Увидимъ, увидимъ, Лейла.

— И альбатроса, и безстрашнаго викинга Сталло!

— Увидимъ, увидимъ, Лейла.

Куталось мглистое утро тихимъ дождемъ. Падали желтые листья.

Мглисто и тихо. Боже, какъ тихо!

1910 г.

Р О Ж А Н И Ц А.

Укатилось солнце за горы. Зажглись на облакахъ звѣзды— ясныя и тусклыя по числу людей, рожденныхъ отъ вѣка.

А отъ Косарей по Становищу души усопшихъ— изъ звѣздъ свѣтлѣе свѣтлыхъ, охраняя пути солнца, повели Денницу къ восходу.

И сама Обида-Недоля, не смыкая слезящихся глазъ, усталая, день исходивъ отъ дома къ дому, грохнулась на землю и подъ терновымъ кустомъ спить.

Родимая звѣзда, блеснувъ, украсила ночное небо.

„Мать пресвятая, позволь положить тебѣ требу, вотъ хлѣбы и сыры и медъ,— не за себя, мы просимъ за нашу Русскую землю.

„Мать пресвятая, принеси въ колыбель ребятамъ хорошіе сны,—они съ колыбели хирѣютъ, кожа да кости, галчата, и кому они нужны, уродцы? А ты постели имъ дорогу золотыми камнями, сдѣлай такъ, чтобы вѣкъ была съ ними да не съ кудластой рваной Обидой, а съ красавицей Долей, измѣни нашъ жалкій удѣлъ въ счастливый, нареки на ново участь безталанной Руси.

„Посмотри, вонъ растерзанный лежень лежитъ,—это наша бездольная, наша убогая Русь, ее повзыскала Судина, добралась до головъ: тамъ, отчаявшись, на разбой идутъ, тамъ много граблено, тамъ хочешь жить, какъ тебѣ любо, а самъ дѣзешь въ петлю.

„Или благословеніе твое насъ миновало или родились мы въ бѣдную ночь и вѣкъ останемся бѣдняками, такъ ли намъ на роду написано: быть несуразными, дурнями—у моря быть и воды не найти?

„Огонь охватилъ нашу жатву, пылаютъ нивы, на морѣ бурей разбило корабль, разворены до послѣдней нитки.

„Смилуйся, мать, посмотри, вонъ твой сынъ съ кускомъ хлѣба и палкой бросилъ домъ и идетъ по катучимъ камнямъ—куда глаза глядятъ, а злыдни—спутники горя, обвиваясь вокругъ шеи, шенчутъ на уши: „Мы отъ тебя не отстанемъ!“

„Вѣщая, лебедь, плещущая крыльями у сняго моря, мать земли—матерь земля! Ты читаешь волховную книгу, попроси творца міра, сидящаго на облакахъ Солнце-Всеvѣда, онъ мечетъ сѣмена на землю и земля зачинаетъ и' міръ весь родится,—попроси за насъ, за нашу Русскую землю, чтобы Русь не погибла!

„Нѣтъ намъ мѣста и не знаемъ, куда дѣваться отъ Кручины и Лиха?

„И если бъ нашелся изъ насъ хоть одинъ, кто бы ударилъ ее топоромъ или спустилъ въ яму и закрылъ камнемъ или бросилъ въ рѣку или, зацемявъ въ дерево, забилъ въ дупло или запряталъ бы ее подъ мельничный жерновъ, худую, жалкую, черную долю—нашу злую судьбу!

„Мы отупѣли—и горды, мы не разрѣшили загадокъ—и покойны, всѣ письма для насъ темны—и мы возносимъ свою слѣпоту... мать, повели имъ, всѣмъ празднымъ, всѣмъ забывшимъ тебя, забывшимъ родину, твою землю и долгъ передъ нею, и пусть они потомъ и кровью удобряютъ хуdorодную, истощенную, заброшенную ниву...

„И неужели Русской землѣ ты судила Недолю,—и всегда растрепанная, несуразная, съ дикимъ хохотомъ, самодовольная униженная и нищая будетъ она пресмыкаться, не скажетъ путнаго слова?

„Мудрая, вѣщая, знающая судьбы, равно распредѣляющая свои удѣлы, подай намъ счастье! Не страшна намъ смерть,—мы клянемся тебѣ до послѣднихъ минутъ жизни отдать все наши силы и умереть, какъ ты захочешь,—намъ страшно твое проклятіе.

„И посмотри, вонъ тамъ молодая, прекрасная Лада, счастливая Доля, въ свѣтѣ зари словно говорящая солнцу: „Не выходи, солнце, я уже вышла!“—она намъ бросаетъ свою золотую нить.

„Мать пресвятая, возьми эти хлѣбы и сыры и медъ съ нашихъ полей и свяжи нашу нить съ нитью Доли, скуй ее съ нашей, свари ее съ нашей нераздѣльно въ одной брачной долѣ на вѣкъ!

1907 г.

Б О Л И - Б О Ш К А .

Тихо идутъ по послѣдней тропинкѣ...

Заторъ за неожиданнымъ заторомъ встаетъ въ заповѣдномъ лѣсу.

Въ темную ночь имъ зѣрить зарница. А далеко за остьюкомъ зрѣютъ хлѣба.

Держатся крѣпко — рука съ рукою. Кто-то немножко боится.

Страшно, глухо, заказано мѣсто, зарочна тропинка.

Трудно, пройдя черезъ степь, черезъ поле, черезъ рѣку и рѣчку, черезъ болото, трудно выйти изъ темнаго лѣса.

Ватажится лѣшая свора: не хочетъ пускать,—такъ не отпустить!

А ягодъ, грибовъ—обору нѣтъ. Полонъ кузовъ несутъ.

Лѣсовикъ ихъ не тронетъ. Лѣсовикъ пріятель Водяному и Полевому. Водяной съ Полевымъ имъ, какъ свои,—Лѣсовикъ ихъ пропуститъ.

— Лѣсовикъ, Лѣсовикъ, на тебѣ ягодъ: ты—съ лѣса, мы—въ лѣсѣ!

А завтра, когда забрежжитъ и, алѣя, дикая роза—другъ-

поводырь — пойдеть, осыпаясь, прощаться, раннимъ-рано расколыхнется завѣтное Море—Море-Океанъ!

Тихо идуть по послѣдней тропинкѣ...

Валежникъ и листья хрустять.

Тише! Вонъ и самъ Боли-бошка!—Почуяль, подходить: набѣдить, рожонъ!

Весь измодѣлый, карла, квелый, какъ палый листъ, птичья губа—Боли-бошка,—востренькій носикъ, самый рукастый, а глаза, будто печальные, хитрые-хитрые.

Была-не-была, — чурь, не поддаваться! Заведеть этотъ Лѣшка въ зыбель-болото, гдѣ самъ чортъ оцуюю ходить. И позабыть имъ про Море.

— Не видали ли, гдѣ я сумку потеряль?—кличеть Боли-бошка.

— Нѣтъ, не видали.

— Поищите!—просится Лѣшка, а самъ дожидаетъ.

— Что ты!—шепчетъ Алалей встрепенувшейся Лейлѣ,— не знаешь его? Не пагибай такъ головку: у этого Лѣшки отродясь никакой и не было сумки. Это—нарочно. Вотъ ты нагнешься, искавши, а онъ тутъ-какъ-тутъ, да на шею къ тебѣ, да петлей и стянетъ. И позабыть намъ про Море.

Гѣсна, узка тропинка. Путаеть паноротникъ. Вспыхиваетъ свѣти-цвѣтъ—волшебный купальскій цвѣтокъ.

— Хочешь, Боли-бошка, ватрушку? — зоветъ желанная Лейла.

— Поищите, милые!—тянетъ свое Боли-бошка: то пропадаетъ, то станеть, ничѣмъ его не прогнать, ничѣмъ не расшухать.

Тихо идуть по послѣдней тропинкѣ...

Заторъ за неожиданнымъ заторомъ встаетъ въ заповѣдномъ лѣсу.

Въ темную ночь имъ зорить зорница. А далеко за осѣнкомъ зрѣютъ хлѣба.

Держатся крѣпко — рука съ рукою. Кто-то немножко боится.

— А Море,—бьется сердце у Лейлы,—а Океанъ не замерзаетъ?..

— Нѣтъ, моя Лейла, оно никогда не замерзнетъ, не волнуется волна: море и лѣто и зиму шумить. Непокорное—пескомъ его не засыплешь, не перегородишь. Необъятное—глубину не извѣдаешь и слезой не наполнишь. Море бездонно, безкрайно—обкинуло землю. А разыграется дикое—топить. А какія на морѣ водятся рыбы! Какія по Морю летаютъ бѣлогрудыя птицы! И береговъ не видать. А корабли одинъ за другимъ уплываютъ неизвѣстно куда...

— И мы поплывемъ?

— И мы поплывемъ. Морского царя увидимъ, крылатаго Змѣя увидимъ...

— А ежикъ, про котораго дѣдушка сказывалъ, онъ насъ не съестъ?—и глаза-ненагляды синѣютъ, что море.

Скоро-скоро забрежжитъ. И пойдетъ, осыпаясь, прощаться дикая роза—другъ-поводырь.

Легкій вѣтеръ ужъ вѣетъ. Тамъ Моряна волны колышетъ.

И, ровно колоколо бьетъ, Море—непокорное, необъятное Море-Океанъ.

1908 г.

ПРИМЪЧАНІЯ

ПОСОЛОНЬ.

Стр. 11—**Посолонь**—по солнцу, по теченію солнца. Церковнославянское слъвъ (слонь), слъвъ-це, (слоньце), древнерусское сълънь (солонь), сълънь-це (солоньце)—солнце, отсюда по-сълънь (посолонь)—по солнцу. На Спиридона-поворота (12 декабря) солнце поворачиваетъ на лѣто (зимній солоневоротъ) и ходитъ до Ивана-Купала (24 іюня), съ Ивана-Купала поворачиваетъ на зиму (лѣтній солоневоротъ).

Содержаніе книги дѣлится на четыре части: весна, лѣто, осень, зима,—и обнимаетъ собою круглый годъ. Посолонь ведетъ свою повѣсть рассказчикъ—„по камушкамъ Мальчика-съ-пальчика“, какъ солнце ходитъ: съ весны на зиму.

1.

Стр. 15—**Весна красна**. Содержаніе Весны представляетъ мифологическую обработку дѣтскихъ игръ (Красочки, Кострома, Кошки-и-Мышки), обряда кумовства—„крещенія кукушки“ (Кукушка) и игрушки (У лисы балъ). Игры, обрядъ, игрушки разсматриваются дѣтскими глазами, какъ живое и самостоятельно дѣйствующее.

Стр. 17—**Монашекъ**—бѣленькій монашекъ—вѣстникъ Солнца. Монашекъ ходитъ по домамъ и раздаетъ первыя зеленыя вѣтки—символъ народившейся Весны. Благовѣщеніе.

Стр. 19—**Красочки** или Краски—игра. Играютъ въ Красочки такъ:

выбираютъ считалкой *) (считаютъ кому водить т. е. быть главнымъ лицомъ, начинать игру) Бѣса и Ангела, остальные называютъ себя какимъ-нибудь цвѣткомъ; названія цвѣтовъ объявляютъ Ангелу и Бѣсу, не говоря, кому какой цвѣтокъ принадлежитъ. Ангелъ и Бѣсъ должны будутъ сами разобрать цвѣты. Сначала приходитъ Ангелъ, звонить, спрашиваетъ цвѣтокъ, потомъ приходитъ Бѣсъ, стучить, спрашиваетъ цвѣтокъ. Такъ, чередуясь, разбираютъ всѣ цвѣты. Играющіе составляютъ двѣ партіи—цвѣты Ангеловы и цвѣты Бѣсовы. Ангелъ приступаетъ къ исповѣди, а Бѣсъ съ своей партіей искушаетъ—разсмѣиваетъ. Вся игра въ томъ и заключается, чтобы разсмѣять: кто разсмѣется, тотъ идетъ къ Бѣсу.

Стр. 19—**Красочки, краски**—цвѣтокъ, цвѣты. Говорятъ: нтъи по красочки, собирать красочки. Хлѣбъ въ краскѣ—время цвѣтенія хлѣбовъ.

Стр. 19—**Вертушка**—тѣ, кто вертится, кто на мѣстѣ смирно минуты не посидитъ, непосѣда, а также человѣкъ вѣтренный.

Стр. 19—**Пузочко**—животикъ.

Стр. 21—**Юлой юлять**—егозять; юла—волчекъ.

Стр. 21—**Гугогня**—хохоть, пискъ, шушуканье, прыскъ сорвавшагося долго сдерживаемаго смѣха, все вмѣстѣ.

Стр. 21—**Рогача**—стрекоча задавать—выверты вывертывать. Тутъ дѣло идетъ о Бѣсенятахъ рогатыхъ. Извѣстно, бѣсенята отскочать да боднуть—такая у нихъ игра. Рогачъ—ухватъ, рогачи—вилы. Стрекоча—стреконуть, скочить кувничкомъ.

Стр. 22—**Да бѣгомъ горѣлками**—играющими въ Горѣлки.

Стр. 22—**Бѣсъ-зажига**—зачинатель; зажигъ—зачинъ.

Стр. 23—**Кострома**—игра. Выбираютъ Кострому или кто-нибудь изъ взрослыхъ разыгрываетъ Кострому, остальные берутся за руки, дѣлая кругъ. Въ серединку круга сажаютъ Кострому и начинаютъ ходить вокругъ нея хороводомъ. Изъ хоровода кто-нибудь одинъ (коноводъ или хороводница),

*) Федя-Мѣдя
Съѣлъ медвѣдя,
Продавъ душу
За лягушу,
Родивонъ
Выди вонъ.

а не всё, допытываетъ у Кострома, что она дѣлаетъ? Кострома отвѣчаетъ—Кострома дѣлаетъ все, что дѣлаетъ обыдѣнно: Кострома встаетъ, умывается, молится Богу, вяжетъ чулокъ и т. д. и, какъ всякій, въ свой чередъ умираетъ. И когда Кострома умираетъ, ее съ причитаніями несутъ мертвую хоронить, но дорогой Кострома внезапно оживаетъ. Вся суть игры въ этомъ и заключается. Окончаніе игры—веселая свалка.

Похороны Кострома, какъ обрядъ, совершался когда-то взрослыми. Въ Русальное заговѣнье на всесвятской недѣлѣ (воскресенье передъ Петровками) или на Троицу и Духовъ день дѣлалось чучело изъ соломы и съ причитаніями чучело хоронилось—топили его въ рѣкѣ или сжигали на кострѣ. Кострому изображала иногда дѣвушка, ее раздѣвали и купали въ водѣ. Въ Купальской обрядности рядомъ съ куклой-женщиной (Купало, Марина—Марена) употреблялась и мужская кукла (Ярило, Кострома, Кострубонько). Миѣ о Костромѣ-матери вышелъ изъ олицетворенія хлѣбнаго зерна: зерно, похороненное въ землю, оживаетъ на волѣ въ видѣ колоса. См. Е. В. Анничкова, Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ. СПб. 1903—5.

Стр. 23—**Кострома**—костеръ—жесткая кора кнопли, костеръ.

Стр. 23—**Лепуны-щекотуни**—прозвище дѣтворѣ. Лепуны—лепетать, лопотать; лепаетъ—говорить кое-какъ.

Стр. 24—**Чувыркаютъ-чивикаютъ**—воробьиное щебечанье. Въ пѣснѣ говорится:

Какъ на крышѣ, на повѣти,
Воробей чувыркаль...

Стр. 25—**Бросаются всѣ захлесь**—одинъ за другимъ безостановочно. Насѣдая, вдѣпляются въ Кострому удавкой,—такъ, что ей ужъ никакими силами не выберать изъ петли дѣтскихъ рукъ.

Стр. 25—**Проходятъ калиновый мостъ**—калина—символь дѣвичьей молодости; ходить по калиновому мосту—предаваться безавѣтному веселью.

„Ой, нагнала лѣта мои на калиновомъ мосту; ой, вернитесь, вернитесь хоть на часокъ въ гости!“

Стр. 26—**Зеленей зеленятся**—зеленятся озимью; зеленыя—озимь, зель въ противоположность яровому (яри).

Стр. 26—**По чернымъ уголкамъ**. Толока—парь, пустое поле.

Стр. 26—**По пробойнымъ тропамъ**—по торнымъ тропамъ. Пробой—выбонна.

Стр. 26—**Гиблое болото**—губящее, гдѣ погибло много народа.

Стр. 26—**Лѣсъ-птица**—мѣстеческая птица, живетъ въ лѣсу, тамъ и гнѣздо вьетъ, а ужъ начнетъ пѣть, такъ поетъ безпросыпу. Въ заговорѣ отъ зубной боли „отъ зубъ денной“ говорится: „Лѣсъ-птица умолкаетъ. умолкни у раба твоего зубы ночные, полуночные, денные, полуденные...“ Лѣсъ-птица—птица лѣсная, какъ лѣсъ-добыча—лѣсная добыча.

Стр. 26—**Егорій кнутомъ ударяетъ**.—Св. Георгій—скотопасъ, всѣ звѣри у него подъ рукою. Егорій вешній—23 апрѣля.

Стр. 27—**Кошки-и-Мышки**—игра извѣстная. Выбирается Кошка и Мышка. Остальные берутся за руки и дѣлаютъ кругъ. Въ кругъ (на конь) пускается Кошка, а за кругомъ (за кономъ) бѣгаетъ Мышка. У Кошки и у Мышки имѣются условленные свои ворота, черезъ которыя можно имъ входить и выходить: однѣ пары играющихъ поднимаютъ руки только для Кошки, другія только для Мышки. Вся игра въ томъ, чтобы Кошка поймала Мышку.

Стр. 27—**Ташили кулекъ съ костяными зубами**—есть такое повѣрье; когда у дѣтей выпадаетъ зубъ, слѣдуетъ его бросить подъ печку мышкамъ, говоря: „на тебѣ мышка зубъ костяной, а дай мнѣ желѣзный“.

Стр. 27—**Заячы ушки**—название ландышей.

Стр. 27—**Громовая стрѣлка**—чортовъ палецъ, силавъ, который образуется отъ удара молніи въ песчаную почву. Эта громовая стрѣлка ведетъ мѣну съ мышками: за зубъ костяной даетъ зубъ желѣзный. А ужъ мышки потомъ дѣтямъ раздають. Вотъ почему мышки къ громовой стрѣлкѣ и пробираются съ кулькомъ.

Стр. 27—**Свистуха**—непосѣда.

Стр. 27—**Коть-котонай**—Котофей. Въ пѣснѣ:

Ужъ ты котъ-котонай,
Ужъ ты сѣренькій котокъ,
Кудреватенькій.

Стр. 28—**Строковать**—строка, насѣкомое изъ породы слѣпней, липнетъ къ котамъ и кусаетъ больно.

Стр. 30—**Гуси-Лебеди**—игра. Выбирается Мать-гусыня и Волкъ.

Остальные играющіе, изображая стадо, бѣгутъ на выгонъ въ поле. Потомъ, когда на зовъ матери гуси собираются домой уходить, всё они перенимаются волкомъ. Мать идетъ выручать гусей и, найдя своихъ, нападаетъ на Волка. Топятъ баню и моютъ Волка. Развязка самая шумная.

Стр. 30—**Черти бились на кулачки** — предразсвѣтный сумракъ—лисыя темнота (полночь).

Стр. 30—**Рай-дерево** — названіе сирени.

Стр. 32—**Томновать** — томность, томный, — тосковать.

Стр. 32—**Дѣвки-пустоволоски** — простоволоски, съ непокрытой головой.

Стр. 32—**бабы-Самокрутки** — округившіяся своей волей, — вѣдьмы.

Стр. 32—**одолень-трава** — одолѣй трава — приворотная, одолѣвающая.

Стр. 32—**водяники** — водяницы, русалки, утопленницы.

Стр. 33—**Кукушка**. — Можно замѣтить, что обрядовыя дѣйствія, выходясь у взрослыхъ, переходятъ къ дѣтямъ въ видѣ игры. Такъ древніе обряды Ивановскаго кумовства (на Ивана Купала) съ завиваніемъ вѣнковъ съ сплетеніемъ травы, волосъ, съ поцѣлуями и пѣснями перешли въ игру „Крещеніе кукушки“. Крестьянъ кукушку на Николинъ день или на Вознесеніе, на Семикъ и Троицу. Гурьбой отправляются дѣти въ лѣсъ или рощу. Дорогой, отыскавъ траву-кукушку, наряжаютъ ее дѣвочкой, а другую траву-кокуна мальчкомъ. Обѣ травки кладутъ подъ березу, на сукъ вѣшаютъ крестъ-тѣльничъ и ставъ другъ противъ друга подъ крестомъ. кумятся: протягиваютъ одна другой руку и, поцѣловавшись, перемѣняютъ мѣсто, такъ трижды. Потомъ раскладываютъ костеръ и готовятъ яичницу. Иногда на кумовствѣ завиваютъ вѣнки, черезъ вѣнки цѣлуются потомъ пускаютъ вѣнки на рѣку.

Стр. 33—**прилетѣлъ куликъ изъ-за моря** — куликъ прилетаетъ 9 марта, на святые Сороки, на сорокъ мучениковъ. Въ этотъ день пекутъ жаворонковъ.

Стр. 33—**кукушечье-горюшечье** — кукушка — символъ тоскующей женщины.

Стр. 33—**виловатая сосна** — развилстая.

Стр. 33—**на красѣ** — на басѣ, такъ что всё только и любятъся.

Стр. 33—**гора-круча** — обрывистая гора.

Стр. 34—**Кукушка, кукушка, сколько годовъ мнѣ осталось жить?**— Кукушка почитается имѣющей вліяніе на судьбу человѣка, по ея голосу можно узнать сколько лѣтъ осталось жить.

Стр. 34—**Ворогуша** — веснуха, одна изъ сестеръ-лихорадокъ, она садится въ видѣ бѣлаго ночного мотылька на губы соннаго и приноситъ ему болѣзнь. Ворогуша—ворогуха—ворожея. Въ Орловской губ. больного купаютъ въ отварѣ липоваго цвѣта. Снятую съ него рубаху больной долженъ раннимъ утромъ отнести къ рѣчкѣ, бросить ее въ воду и промолвить: „Матушка-ворогуша! на тебѣ рубашку съ раба Божьяго, а ты отъ меня откачнись прочь!“ Затѣмъ больной возвращается домой молча и не оглядываясь.

Стр. 34—**въ пѣтушкахъ** — Пѣтушки — цвѣты травы, поднимающіеся изъ листа, будто пѣтушина шейка. Если взять траву и, зажавъ ее въ ладоняхъ, приложить губы къ большимъ пальцамъ и дуть, то можно прокукурекать не хуже молодого пѣтуха.

Стр. 34—**чуриканъ** — сверчокъ, кузнечикъ.

Стр. 35—**У лисы балъ**—деревянная игрушка. Десять фигурокъ укрѣплены на скрещеніи сдвигающихся и раздвигающихся дощечекъ—дранокъ. Когда дощечки раздвинуты, получается рядъ фигурокъ: 1—2—1—2—1—2—1, а когда сдвинуты: 3—3—3—1. Читать надо строго, любовно и важно. Тамъ, гдѣ звѣри собираются и переходятъ ровъ и валь, надо напустить страха: „самъ съ усамъ, самъ съ рогамъ“. Рисунокъ художника *М. В. Добужинскаго*: „У лисы балъ“, воспроизведенъ въ „Золотомъ рунѣ“. Музыка къ тексту — *В. А. Сенилова*.

2.

Стр. 37—**Лѣто красное**. Содержаніе Лѣта представляетъ: мифологическую обработку дѣтской игры (Калечина-Малечина), обряда опахиванія (Черный пѣтухъ), купальской ночи (Купальскіе огни), грозной воробьиной ночи (Воробьиная ночь), обряда завиванія бороды Велесу, Или, Козлу (Борода) легенды о Костромѣ. Сюда же входитъ рассказъ Богомолье о Петькѣ.

Стр. 39—**Калечина-Малечина**—игра. Играютъ такъ: берутъ палочку, ставятъ торчкомъ на указательный палецъ и, стараясь удержать ее, приговариваютъ: „Калечина-Малечина, сколько часовъ до вечера?“ И самъ же держащій палочку отвѣчаетъ: „Одинъ, два, три, четыре...“ На какомъ часѣ палочка съ пальца свалится, столько часовъ, выходитъ, и остается до вечера.

Калечина-Малечина — тоненькая, какъ палочка, объ одномъ глазѣ объ одной рукѣ и объ одной ногѣ. Калечина-Малечина — лѣсная. Братья ея — семь вѣтровъ, а восьмой — витной вихрь — ея другъ сердечный, который и бьетъ ее и треплетъ и невѣренъ, постылый. Цѣлую ночь гуляетъ Калечина въ лѣсу, а на день гдѣ-нибудь въ плетнѣ сидитъ и ждетъ вечера, чтобы снова трепаться. И всякому, кто только ни спроситъ ее о вечерѣ, непременно скажетъ: такъ ждетъ она съ нетерпѣніемъ вечера. Музыка къ тексту написана *В. А. Ситловымъ*.

Стр. 39—**Курица со двора, Калечина въ ворота** — съ разсвѣтомъ важно выступаетъ курица изъ воротъ на улицу, открывая день. Калечина, прогуливаясь ночью, измызганная сигааетъ въ ворота.

„Ку-ри-ца со дво-ра“... — эту фразу надо читать медленно и важно съ приподнятой головой, изображая медлительностью курицынѣ выходъ, и, сдѣлавъ небольшую паузу скороговоркой продолжать: „Калечина въ ворота“.

Точно также и послѣднія двѣ фразы: „Ку-ри-ца въ во-ро-та, — Калечина со двора“.

Стр. 40—**вихрь витной** — свивающій, скручивающій

(Стр. 40)—**вирь** — водоворотъ, крутень.

Стр. 40—**темную нитку прядеть** — ночь, ткущая темную ткань — древній образъ ночи, встрѣчающійся въ Гимнахъ Ведъ.

Стр. 41—**Черный пѣтухъ** — сожженіе чернаго пѣтуха относится къ обряду опахиванія—очищенія села отъ болѣзни и нечисти. Подробное и сравнительное изслѣдованіе этого обряда въ книгѣ проф. *Е. В. Аничкова*, Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ Ч. I и II. СПБ. 1903—5.

Стр. 41—**черный пѣтухъ** — поглощаетъ всѣ болѣзни и нечисть, — символъ всѣхъ золь и напастей и самой Смерти въ противоположность не черному—будиміру, который является символомъ воскресенія, солнца.

Стр. 41—**отъ недѣли до недѣли** — съ воскресенья до воскресенья, съ седмицы до седмицы.

Стр. 41—**алатырное** — блѣдно-янтарное; алатырь — легендарный крае-седмицы угольный камень.

Стр. 41—**пчелка несетъ праздники** — воскъ для церкви и медь для пировъ.

Стр. 41—Коровья смерть — чума на скотъ.

Стр. 42—Веснянка-Подосенница — весенняя и осенняя лихорадка.

Стр. 42—носить змѣйнаго выползка — помогаетъ отъ лихорадки; носить надо мѣсяць, не снимая ни на ночь, ни въ банѣ; выползокъ—змѣенышъ, выползшій изъ норы.

Стр. 42—Подтыница. Навозница, Веретенница, Болонца и др.— названія сорока сестеръ-лихорадокъ.

Стр. 42—спрыши — пѣтушныя яйца, если пѣтухъ возьмется яйца нести.

Стр. 42—стрипаеть изъ ребячьяго сала свѣчу—этой свѣчей можно усыпить; когда такая свѣча зажжена, бери все, что угодно, никто не проснется; сало надо обязательно изъ живого человѣка.

Стр. 42—золотой грибъ — помогаетъ отъ всѣхъ болѣзней.

Стр. 42—курникъ — курятникъ.

Стр. 43—мутовка — палочка съ рожками на концѣ для пахтанья. взболтки и чтобы мѣшать.

Стр. 43—шумя и качаясь—очистительная сила огня.

Стр. 43—съ горящимъ уголькомъ — очистительная сила дыма. Такое же значеніе имѣютъ качели.

Стр. 43—наземъ — навозъ.

Стр. 43—на мѣсяцѣ подымалъ на вилы Каинъ Авеля — народное объясненіе лунныхъ пятенъ.

Стр. 43—дыхаль гарнымъ пѣтушинымъ духомъ—горѣлымъ, пережженнымъ, выжженнымъ огнемъ, гарью.

Стр. 44—надѣлъ на Алену хомутъ — испортилъ, наславъ грудную болѣзнь: одышку, удушье.

Стр. 45—шаландать — шататься, шалить; шаланда—парусное судно

Стр. 45—вольготно — хорошо, легко, удобно, свободно.

Стр. 45—умора — умора да и только, т. е. такое состояніе, при которомъ умираешь со смѣхъ.

Стр. 47—**Купальскіе огни** — канунъ Иванова дня, съ 23 на 24 іюня.

Стр. 47—**солнце закалило зубы** — чортъ дочку замужъ выдаетъ,— такъ говорится, когда свѣтитъ солнце и въ то же время идетъ дождь.

Стр. 47—**чарая** — носящая въ себѣ чары.

Стр. 47—**наведе; навы**—мертвецы, покойники, выходцы съ того свѣта: нава—смерть.

Стр. 48—**Криксы-вораксы** — мнѣшеское существо, олицетвореніе дѣтскаго крика. Если ребенокъ кричить, надо нести его въ курникъ и, качая, приговаривать: „Криксы-вораксы! идите вы за крутыя горы, за темныя лѣсы отъ младенца такого-то“. Крикса-плакса. Варакса-пустомеля. Вараксать — вахлять, валять.

Стр. 48—**зарочныя три головы и т. д.**—зарекать, запрещать. Обыкновенно клады зарывались съ зарокомъ, чтобы, скажемъ, погябло три человѣка и сто воробьевъ и тогда пускай дается кладъ въ руки.

Стр. 48—**кулички** — кулича, выкорчеванный лѣсъ; поговорка возникла при первомъ корчеваніи, когда на такихъ выселкахъ поселялись, и имѣла въ виду отдаленность. См. *С. Максимова, Крылатыя слова*, СПб. 1890.

Стр. 48—**чокнется**—чекъ, бухъ, хлопъ, стукъ, брякъ, шлепъ,—звукъ удара.

Стр. 48—**дубъ сорокавецъ**—древній дубъ.

Стр. 48—**Скоропея**—скорпій, идолъ Скоропитъ, Scorpio.

Стр. 48—**гушъ-гушъ, хай-хай!**—воскличаніе на отогнаніе Бѣса.

Стр. 48—**обломъ**—нечистый, дьяволъ.

Стр. 48—**неподтыканный**—независимый и неприкосновенный: Тронька. попробуй, онъ тебѣ дастъ!

Стр. 48—**съ мухой въ носу** — колдунъ. Въ Бѣлоруссіи о колдунѣ говорятъ: „у него мухи въ носѣ“. Нечистая сила охотно превращается въ мухъ. Выраженіе про человѣка, что онъ „съ мухой“ означаетъ, что тотъ человѣкъ находится въ опьяненіи. Водка—кровь Сатанина. См. *П. Тихановъ, Брянскій говоръ. Сборникъ Отд. Рус. яз. и Словес. Имп. Акад. Наукъ. Т. LXXVI, № 4.*

Стр. 49—**приходи вчера**—говорить противъ дѣйствія живой злоехидной силы. См. *С. Максимовъ*, Крылатыя слова.

Стр. 49—**тихимъ походомъ**—ходомъ.

Стр. 49—**обрада**—желанный.

Стр. 49—**сорока-щектуха**—щекотуха. Въ одномъ заговорѣ говорится: „отъ всякой злой птицы, сороки-щектухи, отъ чернаго ворона“.

Стр. 49—**тихой поплыней**—тихо плывя.

Стр. 49—**Вытарашка**—олицетвореніе любовной страсти, лишаящей человѣка разсудка: ее ничѣмъ не возьмешь и въ черную печь не угоишь, какъ выражается одинъ заговоръ на присуху. См. *Д. Зеленинъ*, Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губернію. Сборникъ Отд. Рус. яз. и Словес. Имп. Акад. Наукъ. Т. LXXVI, № 2. Вытарашка—также названіе вѣчно тревожащагося, мечущагося человѣка.

Стр. 50—**Воробьиная ночь**—такъ называется грозная ночь съ сплошною молніей, когда лишь подъ утро разражается ливень.

Эта ночь представляется воробьиной свадьбой, на которой не вѣста—воробушка передъ вѣнцомъ причитываетъ.

Стр. 50—**копы**—копны.

Стр. 50—**въ заводяхъ**—заводъ, затонъ,—мелкій рѣчной заливъ.

Стр. 50—**Кузнецъ Кузьма-Демьянъ**. Бракъ представляется ковкою.

Стр. 50—**воробушки**—олицетвореніе молній.

Стр. 51—**узлюлекнула**—воскликнула, возрыдала.

Стр. 51—**до-любви**—до сыта, до полного удовольствія.

Стр. 51—**засвирило все небо**—застонало.

Стр. 51—**перекати-поле**—названіе растенія; иначе—бабій умъ, кучерявка.

Стр. 51—**не разжалила**—не разжалобила.

Стр. 52—**гнѣздо ремезово**—за искусство вить гнѣздо ремезъ зовется первой пташкой у Бога; гнѣздо кошелемъ.

Стр. 52—догорѣла страстная свѣча — четверговая, зажигается во время грозы, чтобы оградить домъ отъ молніи.

Стр. 52—поросятки—викуны—викага, визжать.

Стр. 52—въ падалкахъ—въ упавшихъ съ дерева фруктахъ-скоро-спѣлкахъ.

Стр. 53—**Борода** „Завиваніе бороды“ Велесу (Волосу), Спасу Ильѣ, Николѣ, или Козлу—древній жатвенный языческій обрядъ, совершавшійся въ послѣдній день жатвы. называемый дожинками, зажинками, обжинками. См. *А. Н. Афанасьевъ*, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. М. 1866—69. Т. II. На Ильинъ день—20 іюля начинаютъ жатинать рожь. Связь зажинокъ съ Козломъ *А. А. Потебня* (Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. Варшава, 1887, объясняетъ тѣмъ, что по распространенному вѣрованію почти всѣхъ европейскихъ народовъ „душа нивы есть козло—или козообразное существо (какъ фавнъ, Сильванъ), преслѣдуемое жнецами и скрывающееся въ послѣдній несжатый пукъ колосевъ или въ послѣдній снопъ“.

Стр. 53—ильинскій олень окунулъ рога въ рѣчкѣ—по народному повѣрью на Ильинъ день прибѣгаетъ къ рѣкѣ олень и мочитъ свои рога и оттого вода холоднѣетъ.

Стр. 53—на всѣ прилучья—на всѣ случаи.

Стр. 53—скоро-имъ-въ-путь-опять—такая же птичья скороговорка какъ перепелиное: „спать-пора!“ или „пить-пйдемъ!“

Стр. 54—на красное годье—время.

Стр. 54—**Нивка, отдай мою силу!**—„Нивка—нивка! отдай мою силу, что я тебя жала, силу роняла!“

Стр. 54—Пригудка—прибаутка.

Стр. 54—горкуя голубемъ—воркуя голубемъ.

Стр. 55—отъ четырехъ птицъ—желѣзныхъ носовъ—въ одномъ охотничьемъ заговорѣ говорится: „стоитъ въ чистомъ полѣ дубъ, на томъ дубѣ четыре птицы—желѣзные носы“.

Стр. 55—изъ-за темныхъ каточинъ—ложбинъ.

Стр. 55—Купена-лупена—волчья трава, сорочьи ягоды.

Стр. 55—**Вындрикъ-звѣрь**. — Индрикъ-звѣрь — миенчскій звѣрь Индра, ходитъ подъ землею, какъ солнце на небѣ.

Въ Голубиной книгѣ разсказывается объ этомъ звѣрѣ, о властителѣ подземелья и подземныхъ ключей, а также, какъ о спасителѣ вселенной во время всемірной засухи, когда онъ рогомъ выкопалъ ключи и пустилъ воду по рѣкамъ и озерамъ. Индрикъ угрожаетъ своимъ поворотомъ всколебать всю землю. Такъ разсказывается о немъ въ древнихъ стихахъ, но въ болѣе позднихъ христіанскихъ звѣрь укрощенъ: онъ живетъ семьяниномъ и молится Богу, а отъ поворота его колышется только его родная гора, да кланяются ему прочіе звѣри. Индрикъ-звѣрь—мать звѣрямъ. См. *П. А. Безсонова*, *Каліки переходже*. М. 1861. Т. I.

Стр. 56—**Кикимора**—существо проказливое, озорное. На сѣверѣ любить Кикимору, и она дурного ничего не дѣлаетъ, тамъ она почетная гостыя; безъ нея и пиръ не въ пиръ. На югѣ другое, тамъ она родная сестра Полудницы, а Полудницы не очень-то ласковы. Встрѣтишь Полудницу она тебѣ загадку загнетъ, да такую, что вѣкъ не разгадаешь. Ну и пропаль,—защекочетъ до смерти. См. *Ө. И. Буслаевъ*, *Историческіе очерки русской народной словесности и искусства*. СПб. 1861. *И. П. Сахаровъ*, *Сказаніе русскаго народа*. СПб. 1885.

3.

Стр. 57—**Осень темная**. Содержаніе Осени: богатая осень—„бабье-лѣто“, разсказъ „Змѣй“, обрядъ „Разрѣшеніе путь“, Залпачка невѣсты; протяжная осень—„Троецыплевница“, сказка „Ночь темная“ и „Снѣгурушка“

Стр. 59—**Бабье лѣто**—начало осени съ Семенова дня по Аспосовъ день (съ 1—8 сентября), вообще же бабьимъ лѣтомъ зовутся теплые ясные дни осени.

Стр. 59—**расторопица** — распутица, осеннія и весеннія грязи.

Стр. 59—**сырымъ серебромъ**—старинное народное опредѣленіе; сыро“ серебро, сухо золото“.

Стр. 60—**Бдетъ по полю Егорій**—Св. Георгій развѣзжаетъ на бѣломъ конѣ и раздастъ звѣрямъ наказы. Егорій холодный—26 ноября (Юрьевъ день).

Стр. 60—**Вылынъ** — волынять, выплывать.

Стр. 60—**гомонъ** — гомъ, гамъ, громкій говоръ, крикъ, шумъ.

Стр. 61—**житье-бытье испровѣдывать** — узнать, довѣдаться.

Стр. 61—**по-темному** — несправедливо.

Стр. 62—**таратора** — тараторить— безумолку говорить; звукоподражательное слово.

Стр. 62—**смертную рубашку** — рубашку на смерть, въ которой въ гробъ лечь.

Стр. 62—**батюшка-печерникъ** — въ пещерѣ житье.

Стр. 63—**не выведешь монашкой** — монашка — угольная курильная свѣчка, зажигается эта свѣчка, чтобы воздухъ прочистить.

Стр. 63—**пострѣль** — пострѣленокъ — непосѣда, повѣса, сорванецъ сорви-голова.

Стр. 63—**гулена** — праздный, шатунъ.

Стр. 63—**хвостъ зачиклечился** — если нитка или хвостъ бумажнаго змѣя за что-нибудь задѣнетъ и застрянетъ.

Стр. 66—**Разрѣшеніе путь** — сѣверный обрядъ, олонекій.

Стр. 66—**Пунтилей** — св. Пантелеймонъ.

Стр. 68—**Плача**. — Плачь дѣвушки передъ замужествомъ,—съ зырянскаго. См. *Г. С. Лыткинъ*, Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ. СПб. 1889.

Стр. 70—**Троецыпленица**. Троецыпленица—курица, высидѣвшая три семь цыплятъ—по три года парившая. Существуетъ повѣрье, что такого рода курицу нужно непременно зарѣзать, при чемъ ѣсть ее могутъ только „честныя“ вдовы. На обѣдъ съ троецыпленицей допускается всего одинъ мужчина да и тому голову завязываютъ по бабы. Обрядъ „моленія куръ“—троецыпленица справляется 1 ноября въ день Космы и Даміана,—въ курьи именины. См. *Д. Зеленинъ*, Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губернію.

Стр. 70—съ **дерева листья опало** — опаденіе листьевъ — символъ разлуки, потери.

Стр. 70—не состояться водѣ — не просвѣтлѣть не успокоиться.

Стр. 70—очертя голову — отчаянно.

Стр. 70—безъ прилуки — безъ приманки.

Стр. 71—бѣдовое время — отчаянное время. Бѣдовое въ такомъ же значеніи, какъ „бѣдовый человекъ“.

Стр. 71—въ свины-полдни — поздно.

Стр. 71—трубой ввалились — разомъ.

Стр. 71—Хватавщина—„хлѣбныя панихиды“, во время которыхъ на соборъ столикъ кладутся блины и другія съѣстные приношенія „на алчнаго, на жаднаго, на хватущаго“. По окончаніи церковнаго служенія „алчные, жадные и хватущіе“ устремляются къ століку и расхватываютъ приношенія, кто сколько можетъ.

Стр. 71—Семикъ—древній праздникъ, празднуется въ четвергъ на седьмой недѣлѣ по Пасхѣ; вся недѣля называется Русальная, Зеленая, Клечальная. Вдовы на Семикъ собираютъ прошлогодніе уцѣлѣвшіе цвѣты. См. *Д. Зеленина*, Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губернію.

Стр. 71—разводили бабы бобы — канителились.

Стр. 72—алалакають — причитають.

Стр. 73—Ночь темная. Въ этой сказкѣ объ Иванѣ-царевичѣ и царевнѣ Копчушкѣ воспроизводится мотивъ о живомъ мертвецѣ, мотивъ очень древній, восходящій къ древне-классическому сказанію о Протозилаѣ и Лаодаміи. Въ русской литературѣ черезъ Бюргеровскую Ленору этотъ мотивъ разработанъ Жуковскимъ въ Людмилѣ, а въ новѣйшее время Федоръ Сологубъ воспроизводитъ его въ трагедіи „Даръ мудрыхъ пчелъ“. *Собраніе сочиненій*. Изд. Шиповникъ. Т. VIII.

Стр. 73—хунды — лихорадки (Бѣлоруссія).

Стр. 73—гавкала — тявкала, брехала, лаяла.

Стр. 73—Шандырь-шептунъ — колдунъ. Шандырь употребляется въ дѣтской считалкѣ: „Шандырь-бандырь козу гналъ, нѣмецъ курицу укралъ и т. д.“.

Стр. 73—Пери да Мери, Шуды да Луды — знакомыя изъ считалки:

Перя-меря.
Шуда-луда.
Пята-сога.
Ива-дубь.
Кленъ кре.

Стр. 74—**Кокъ-кокоряшка** — тоже изъ считалки:

Свистень-перстень.
Кокъ-кокоряшка.
Сизянка-полянка.
Коль-семиколь.
О полицу лбомъ.

Стр. 74—**стрекаль** — сшибаль, такъ что трескало.

Стр. 74—**украля языкъ**—испортила, сдѣлала такъ, что Коза, подательница плодородія, ужъ не могла ничего говорить. Чтобы украсть у кого-нибудь языкъ, нужно только хватиться (прикоснуться) безымяннымъ пальцемъ къ сучку въ пеловицѣ или въ стѣнѣ, говоря заклинаніе.

Стр. 74—**„съ гуся вода, съ лебеда вода... а съ тебя, мое дитяtko вся худоба на пустой лѣсъ, на большую воду“**. (Спрыскиваніе водой отъ глаза).

Стр. 75—**гремучь вирь** — гремѣщій омутъ.

Стр. 75—**чортовъ логъ** -- чортовъ оврагъ.

Стр. 76—**амъ!!!—съѣлъ** —Эту фразу надо прочитатъ такъ, чтобы дѣйствительно слушатели забоялись, а для этого слѣдуетъ, готовить предыдущими фразами и сразу послѣ паузы: „амъ!!!“

4.

Стр. 79—**Зима лютая**. Зимнее время долгое,—не очень побѣгаешь. Пришла Снѣгурушка, принесла первый бѣлый снѣгъ, а за нею морозъ идетъ. И наступило на землѣ царство Корочуново съ метелчми и морозами—„Корочунъ“. Котъ Котофей Котофенчъ любитъ сказки разсказывать въ зимнее время, вспоминатъ пріятелей: „Медвѣдюшка“, „Морщинка“, „Пальцы“, „Зайчикъ Иванычъ“, „Зайка“. Все заканчивается медвѣжьей колыбельною пѣней.

Стр. 81—**Корочунъ**—зимній дѣдъ—морозъ.—Древнерусское названіе

зимняго Солоноворота (12 декабря), время отъ 15 ноября до Рождественскаго сочельника. Древнерус. карачунъ, корочунъ, корочюнь; малорус. керечунъ,—отъ крачити, кракъ—шагъ, нога. Этотъ самый дѣдъ Корочунъ, оказывается, по словамъ румынской колядки, приютилъ Божию Матерь съ Младенцемъ у себя въ хлѣву. См. *Акад. А. Н. Веселовскій, Р а з ы с к а н і я*. VI—X.

Стр. 81—дунуло много,—буйны вѣтры—дунуло много вѣтровъ,—буйны вѣтры.

Стр. 81—вдарило много,—люты морозы,—вдарило много морозовъ,—люты морозы. Такія опущенія встрѣчается въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ.

Стр. 81—драковитый дубъ—развилыстый.

Стр. 81—вѣтрянникъ—шаловливый вѣтеръ, онъ румянить щеки и вѣшаетъ сосульки на бороды и усы; если въ студеное время отворить дверь наружу, такъ онъ тутъ-какъ-тутъ—заклубится паромъ.

Стр. 81—злющія зюзи—трескучіе морозы, зюзп—морозы (Бѣлоруссія)

Стр. 82—безъ попятю—не спячиваясь, не устремляясь на попятный

Стр. 82—безъ завороту—не возвращаясь, не оборачиваясь.

Стр. 82—сѣкнетъ—лопнетъ, отскочить въ стороны.

Стр. 82—на голодную кутью—5 генваря въ Крещенскій сочельникъ. На эту кутью (кутья бываетъ еще въ Рождественскій сочельникъ—постная, и подъ Новый годъ ласая или щедрая или богатая) чувствуется Корочунъ. Выбрасывая Корочуну за окно первую ложку, зовутъ кутью ѣсть, а лѣтомъ просить жаловать мимо, лежать подъ гнѣлой колодой и не губить поѣвовъ.

Стр. 93—Морщинка. Эту сказку я слышала отъ старухи-няньки.

Стр. 101—Пальцы. Въ основу сказки положенъ южно-славянскій мифъ. См. *И. А. Бодуэнъ-де-Куртенеъ, Матеріалы для южно-славянскій діалектологіи и этнографіи*. II. Образцы языка на говорахъ Терекскихъ Славянъ въ сѣверовосточной Италіи. Сборникъ Отд. Рус. яз. и Словес. Имп. Акад. Наукъ. Т. LXXVIII, № 2. Спб. 1904.

Стр. 103—Зайчикъ Иванычъ. Есть извѣстная народная сказка о трехъ сестрахъ. Рассказывали мнѣ ее въ Сольвычегодскѣ.

Стр. 113—**Зайка**. У дѣтей глаза поделѣповато-внимательные. Для нихъ нѣтъ, кажется, ни уголка въ мѣрѣ незаполненнаго, все вокругъ кишитъ жизнями, которыя позже, по мѣрѣ сознательности, или разсѣются или ужъ сядутъ на свои твердо опредѣленные мѣста. Не отдѣляя сна отъ бодрствованія, дѣти мѣшаютъ день съ ночью, когда руководить ими не мама и нянька, а Сонь. Всякую ночь Сонь приходитъ къ кроваткѣ и ведетъ ихъ гулять на свои поля къ своимъ пріятелямъ. Знакомыя лица игрѣ и игрушекъ ночью живутъ самой полной жизнью, и это отражается на отношеніи дѣтей къ предметамъ въ дневной жизни, когда они кушаютъ. Среди бѣла дня вдругъ покажется Кострома, а станетъ солнце закатываться, глядишь, и Буроба съ своимъ мѣшкомъ тащится, а ужъ когда совсемъ смеркнется и гдѣ-нибудь въ углу червячокъ зашевелился, станетъ расти—и ко сну клонить начинается.

Стр. 114—**Лягушка-квакушка съ отбитой лапкой**—фарфоровая лягушка съ отбитой лапкой.

Стр. 114—**Зародышъ**—такой изъ пузыря человѣкъ, когда его надуешь. распухнетъ, но когда воздухъ выйдетъ, то, пискнувъ, онъ свернется въ гадкую раскрашенную пленку.

Стр. 114—**пупки Коцея**—бульдегомъ. Коробка—25 коп. Самое любимое кушанье дѣтей—вареный курный пупочекъ, и на конфеты сладкія переносится названіе пупочковъ.

Стр. 114—**Кучерище**—игрушка щелкунъ. Сидитъ такое чудище съ разинутымъ ртомъ, а передъ нимъ коробка съ ручкой, если вертѣть ручку, то вылѣзаетъ изъ нея человѣчекъ и прямо въ пасть. И сколько бы ни вертѣть, человѣчекъ все вылѣзаетъ, а чудище, знай, его проглатываетъ. Такая игрушка изображена въ *Азбукѣ* Александра Н. Бенуа. Изд. Экспедиція заготовленія государств. бумагъ. СПБ., 1905 г.

Стр. 115—**Васюшка, сынишка Кучерищевъ**—вѣтеръ въ трубѣ.

Стр. 115—**птица Гагана**—миошеская птица, которая даетъ птичье молочко, гага. Гаганить—гоготать.

Стр. 117—**слѣпышка Листинъ**—въ лѣсу живетъ, весь изъ листьевъ. Есть и Листивна баба—игрушка: туловище сдѣлано изъ мха, а вмѣсто рукъ еловыя шишки. на ногахъ настоящія лапки.

Стр. 118—**Медвѣдь съ Мужикомъ**—деревянная игрушка. На двухъ палочкахъ укрѣплены Медвѣдь и Мужикъ, а между ними наковальня. Если двигать палочки въ разныя стороны, то попеременно Мужикъ и Медвѣдь

ударяють молоткомъ по наковальнѣ. Игрушка изображена въ *Азбукѣ* Александра Н. Бенуа.

Стр. 122—**мороками**—мрачно, себѣ на умѣ.

Стр. 126—**завязывалъ ножку у стола**—такая есть примѣта: чтобы поскорѣй найти потерянное, надо завязать ножку у стола, и потерянная вещь найдется.

Стр. 130—**два козла—барана**—деревянная игрушка, сдѣланная по образцу Медвѣдь и Мужикъ.

Стр. 131—**заартачилась**—заупрямилась.

Стр. 134—**афта**—краска, которой пишутся автопортреты по толкованію Зайки.

Стр. 135--**Медвѣжья колыбельная пѣсня**—съ латышскаго. Хорошо читать колыбельныя пѣсни, **на пѣва я** (мурлыкая). Весною 1906 г., когда я писалъ **Посолонь**, мнѣ приснился „удалой воинъ небаюканный, нелюканный“. Весь закованный подходилъ онъ ко мнѣ, и я слышалъ, какъ въ стукѣ шаговъ его напѣвалась колыбельная пѣсня **медвѣжья**. Мотивъ для этой Колыбельной пѣсни запомнился мнѣ изъ моего сна.

Подъ которыми произведеніями года не подписано, читай: 1906-ой.

КЪ МОРЮ-ОКЕАНУ.

Стр. 136—**Къ Морю-Океану.** — Аладей и Лейла, герои моей поэмы, задумавъ думу идти къ Морю-Океану, насушили себѣ сухариковъ, съѣли по ложкѣ змѣиной каши, чтобы понимать языкъ звѣрей, птицъ и цвѣтовъ, и вышли по весенней зарѣ въ путь. Идутъ они по землѣ странниками, надъ головою у нихъ солнце, луна и звѣзды,—ишутъ они, гдѣ Море-Океанъ. Ихъ путь лежитъ не волшебными странами и не широкими рѣками, а темными лѣсами, дремучими борами, каливниками, черемошниками, болотами, поточинами, водотопинами, полями, рѣчками, узкими тропками—мышинными норами, змѣиными тропами. Цѣлый рядъ приключеній ожидаетъ ихъ въ пути: то попадаютъ они къ Волку-Самоглоту въ брюхо и, сидя въ плѣну у Самоглота, много видятъ въ окошечко, что творится въ Божіемъ мірѣ весеннею ночью, когда пробуждаются всѣ земляныя силы и подземныя, а также слышатъ много разговоровъ и разныхъ чертячьихъ сказокъ, то попадаютъ они къ Бѣлуну въ избушку и живутъ недѣлю у бѣлаго дѣда, дружатъ съ его пчелою, какъ съ сестрицею. Наступаетъ лѣто, застигаютъ ихъ грозы, хоронятся они подъ кустикомъ, и тутъ же подъ кустикомъ, оказывается, заяцъ-единоухъ прячется, и узнаютъ они отъ единоуха-зайца о житіѣ-бытѣ звѣриномъ, потомъ встрѣчаютъ росомаху и отыскиваютъ стараго Слона Слоновича. Позднею осенью забредаютъ они въ избушку Віа. А отъ Віа попадаютъ въ Кошеево царство къ Копоулу Копоулычу. Копоуль приходится сватомъ и кумомъ Котофею Котофенчу. Перезимовавъ у Копоула идутъ они дальше по дорогамъ къ Морю-Океану, глазѣя и разспрашивая, братъ и сестра, отецъ и дочь, женихъ и невѣста. Въ концѣ второго лѣта,

исходявъ родную землю вдоль и поперекъ, добираются они до завѣтной тропинки и въ звѣздной ночи среди послѣднихъ страховъ слышать шумъ Океана,—ужь близко шумить Море-Океанъ.

Стр. 141—**Котофей Котофейчъ** — тотъ самый котъ, который бѣленькую Зайку выходилъ. (См. сказку „Зайка“ въ *Поселони*). Послѣ всякихъ любопытныхъ странствій по бѣлому свѣту Котофей осѣлъ въ башнѣ, въ которой жилъ Алалей съ Лейлой. Какъ попали въ башню Алалей и Лейла, сами они объ этомъ ничего не знаютъ. Надо думать, что владѣтели башни — Тигръ на желѣзныхъ ногахъ либо Птица съ однимъ желѣзнымъ клювомъ на тонкой шеѣ, безъ головы; кто-нибудь изъ нихъ принесъ въ башню Алалея и Лейлу, вынувъ изъ колыбели, повѣшенной въ лѣсу. (См. „Медвѣжью колыбельную пѣсню“ въ *Поселони*).

Стр. 141—**Алалей и Лейла**. Лейла — имя арабское, означаетъ ночь, Алалей — такого нѣтъ имени. Такъ въ дѣтскихъ губкахъ двухлѣтней русской дѣвочки прозвучало въ первый разъ имя Алексѣй.

Стр. 142—**Коза-лубяные-глаза**,—та самая Коза, которая жила въ башнѣ у царевны Копчушки, и у которой въдьма Соломна-Воромика „украла языкъ“. (См. сказку „Ночь темная“ въ *Поселони*). Коза Копчушкина вовсе не пропала, какъ думали, Коза, отыскавъ свой козій языкъ, наколородивъ, попала, какъ и Котофей, въ башню Тигра и Птицы.

Стр. 149—**Волкъ-самоглотъ**—сказку о Волкѣ-самоглотѣ см. у *А. Н. Афанасьева*, Народныя русскія сказки. М. 1887. Т. II.

Стр. 156—**Весенній громъ**—когда гремитъ громъ, ангелы по мосту, ѣдутъ, —народное повѣрье.

Стр. 156—**птица Главина**—главина птица—третій ангельскій чинъ Пачала, ангелы, низводящіе дождь на землю.

Стр. 157—**Ремезъ**—первая пташка—колядки о птицѣ Ремезѣ см. въ *Объясненіяхъ* А. А. Потебни. Варшава. 1887. Птица очень чтимая гнѣздо ея надѣвали подъ шлемъ, какъ ограду отъ пули. За искусство вить гнѣздо величается Ремезъ первой у Бога.

Стр. 157—**Заяцъ единоухъ, пѣвучая Лѣсица, лютый Звѣрь** — игрушки, на Арбатѣ продаются въ Москвѣ.

Стр. 160—**Бѣлунъ**.—См. *А. Н. Афанасьева*, Поэтическія воззрѣнія. М. 1886—69.

Стр. 162—**Собачьядоля**—см. легенду о собаку *А. Н. Афанасьева*. Народныя русскія легенды. М. 1859. II. *Н. Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ*. Этнограф. Обзорѣніе, кн. VII, 1890 г.

Стр. 156—**Божья пчелка**—легенды о пчелѣ у *Афанасьева* въ Поэтическихъ воззрѣніяхъ. Кромѣ того я пользовался заговорами пчелиными. Рукопись заговоровъ принадлежитъ Аннѣ Алексѣевнѣ Рачинской.

Стр. 165—**Вечерница** — вечерняя звѣзда, Венера.

Стр. 165—**Проливной дождь** — когда идетъ дождь, надо бросить лопату на крышу Бабѣ-ягѣ, и дождь перестанетъ, — народное повѣрье.

Стр. 169—**Колокольный мертвецъ**—легенду о Колокольномъ мертвецѣ см. у *В. Н. Бондаренко*, Очерки Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губ. Этнограф. Обзорѣніе, кн. VI, VII, 1890 г.

Стр. 172—**Ягій** — злой.

Стр. 175—**Задушницы** — вторникъ на недѣлѣ передъ Сошествіемъ Св. Духа, называемой зеленой, русальной, клечальной или семицкой. Въ этотъ вторникъ, а также въ троицкую субботу. („Родители троицкіе“) поминаютъ покойниковъ.

Стр. 176—**домовище**—домовика, гробъ. См. *Е. В. Баровъ*, Причитанія сѣвернаго края. М. 1872 — 1882.

Стр. 177—**Ангель-хранитель**—объ ангелахъ—„300 ангеловъ солнце воротятъ“, см. *И. Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Казань, 1872.

Стр. 179—**Спорышъ** — богъ жатвы, стебель съ колосомъ-двойчаткой, черное зерно во ржи — отъ него квашня хорошо подымается. См. *А. А. Потсбля*. Объясненія. *Н. О. Сумцовъ*, Обжинки. Этн. Обоз. 1889. № 3.

Стр. 179—**лелю** — ой лелю! — припѣвъ веснянокъ.

Стр. 179—**ладо** — ой ладо!—припѣвъ купальскихъ и петровочныхъ пѣсенъ.

Стр. 179—**пролѣтье** — пора до Петрова-дня.

Стр. 181—**засѣкъ** — закромя.

Стр. 181—**завивать Бороду**—завиваютъ бороду Велесу, Козлу, Спасу-Николѣ — древній жатвенный обрядъ славянъ, литовцевъ, и другихъ аrio-европейскихъ народовъ. См. Посолонь — Борода.

Стр. 186—**Лютые звѣри**—сказка о мышкѣ и сорокѣ—народная.

Стр. 189—**Вѣтеръ-голубь** — вѣстникъ любви. Любовныя письма пишутъ на крылѣ голубя.

Стр. 190—**Вѣдогонь** — древнеславянское повѣрье, встрѣчающееся у сербовъ, черногорцевъ и поляковъ. Вѣдогону—духу охранителю, живущему въ чѣловѣкѣ, соответствуетъ зырянскій ортъ.

Стр. 192—**Затуль** — затулье, ограда, защита.

Стр. 193—**Пузырь** — „Надъ нимъ (Хомой Врутомъ) держалось въ возуухъ что-то въ видѣ огромнаго пузыря, съ тысячью протянутыхъ изъ середины клешей и скорпионныхъ жалъ; черная земля висѣла на нихъ клоками“.—*Вій*, стр. 434—35. Полн. собр. соч. *Н. В. Гоголя*. Изд. его наслѣд. Т. I. М., 1862 г.

Стр. 193—**Кукураковна** — сплетница.

Стр. 193—**посолонь** — по солнцу, по теченію солнца, какъ ходитъ колесо года — съ весны на зиму.

Стр. 195—**Летавица**—Вѣтреница, Перелестница, Дикая баба—галицко-русское повѣрье. См. Живую Старину, 1897 г. Вып. I. (Статья *Юліана Яворскаю*).

Стр. 195—**Никола Хлыновскій** Великорѣдкій. Хлыновъ — Вятка.

Стр. 196—**Басаврюкъ**—„бѣсовскій челоуѣкъ“ у *Гоголя* въ Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала.

Стр. 196—**граючи** — граять, гаркать, каркать.

Стр. 196—**Лизунъ** — Домовой.

Стр. 204—**Упырь**—см. Живую Старину, 1897 г. Вып. I. (Статья *Юліана Яворскаю*).

Народныя повѣрья даютъ слѣдующее объясненіе происхожденія Упырей: если беременная женщина посмотритъ въ церкви во время Великаго выхода на священника, несущаго чашу, то ея дитя будетъ упыремъ. Упырь по смерти своей между полночью и первымъ пѣтухомъ выходитъ изъ могилы и ходитъ къ тѣмъ, кто ему любъ, и высасываетъ у нихъ

кровь или заманиваетъ ихъ въ могилу и тамъ это дѣлаетъ. Для огражденія отъ Упыря откапываютъ его гробъ, отрѣзываютъ ему голову и кладутъ ее между ногами трупа, прибаваютъ голову или сердце оспновымъ коломъ или желѣзнымъ гвоздемъ ко дну, и тогда Упырь не можетъ тронуться изъ могилы.

Стр. 204—**выри-птицы** — весеннія птицы. Вырей, Ирей — сказочная страна, гдѣ нѣтъ зимы.

Ирь — весна. Въ *Поученіи* Владиміра Мономаха: „И сему ся подиуемы, како птицы небесныя изъ ирья идутъ“.

Стр. 208—**Сонъ-трава**—*Anemone pratensis*. См. *Н. О. Сумцова*, Этн о гра ф. замѣтки. Этн. Обоз. III.

Стр. 210—**Верба**—сказаніе о вербѣ основано на литовскомъ преданіи о женщинѣ по имени Блинда. Ей позавидовала Земля и обратила ее въ вербу. Въ древней Литвѣ верба считалась богиней чадородія, ей приносили молитвы и жертвы. Вербѣ имѣетъ вліяніе на чадородіе. Святою вербою ударяютъ для здоровья, приговаривая: „будь великъ, якъ верба, а здоровъ якъ вода! Вербѣ ограждаетъ домъ отъ грозы и пожара, — Перунова лоза.

Стр. 210—**Дни-потемы** — скрытые мракомъ зимніе дни.

Стр. 210—**Всполохи** — сѣверное сѣяніе; полахъ—полымя.

Стр. 210—**Зарное** — страстное, горячее.

Стр. 210—**Купало** — куп, кып—ярый, кипучій, горячій.

Стр. 211—**Свѣти-цвѣтъ** — народное названіе чудеснаго купальскаго цвѣтка папоротника.

Стр. 211—**Песьи дни** — знойная пора.

Стр. 211—**Полудницы**—по вѣрованіямъ славянскихъ и греческихъ народовъ: всклокоченныя старухи въ лохмотьяхъ съ клюкой, которыя, наступая въ полдень, загадываютъ загадки и щекочутъ до смерти. Только что молитвой на „изгнаніе бѣса полуденна“ возможно кое-какъ отъ нихъ отдѣлаться.

Стр. 211—**Карина** — плакальщица; карити—причитатьъ.

Стр. 211—**Желя**—вѣстница мертвыхъ; жля—жалѣть. Карина и Желя упоминаются въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Стр. 212—**Радуница**—отъ литовск. *Rauda*—погребальная пѣснь Весенній праздникъ солнца для умершихъ. Радуница, позже Радоница—радостная вѣсть. Воскресенье на Ѳомной—Красная горка, понедѣльникъ—Радуница, четвергъ—Навій день.

Стр. 212—**Пробила ледъ щука**—Щука пробиваетъ хвостомъ ледъ на Алексѣя—человѣка Божія, 17 марта.

Стр. 212—**Ой, лелю!**—припѣвъ веснянокъ, которыя начинаютъ пѣть съ Ѳомина воскресенья—Красной горки.

Стр. 212—**Студеницы**—дождевыя тучи.

Стр. 212—**Развой**—разливъ.

Стр. 214—**Каменная баба**. См. *А. Н. Афанасьевъ*, Поэтическія возрѣнія.

Стр. 216—**Волхъ Всеславьевичъ**—Вольга Святославичъ родился отъ княжны и змѣя Горыныча. Его богатырская слава основывается на хитрости-мудрости обирачиваться лютымъ звѣремъ, сѣрымъ волкомъ, яснымъ соколомъ, гнѣдымъ туромъ, щукой. Онъ совершаетъ походъ въ Индію богатую, въ Турецъ-землю. Встрѣчается съ великаномъ-пахаремъ Миколой Селяниновичемъ.

Стр. 217—**Лужанки**—см. *В. Н. Бондиренко*, Очерки Кирсановскаго уѣзда.

Стр. 220—**Крѣсъ**—искра, огонь, вызванный ударомъ изъ камня. небесный свѣтъ.

Стр. 220—**Водыльникъ**—водяникъ.

Стр. 220—**Остудное**—постылое.

Стр. 220—**Торокъ**—порывъ вѣтра.

Стр. 221—**Мокуша**—древнеславянская Мокошь, хранительница молнійнаго небеснаго огня.

Стр. 221—**Бродницы**—сторожили броды.

Стр. 222—**Нежитъ**. См. *Ѳ. И. Буславъ*, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. СПб. 1861 г.

Стр. 222—**Ярецъ**—названіе мая.

Стр. 222—**Яроводье**—сильный разливъ весеннихъ водъ.

Стр. 223—**Мавки** — горныя русалки живутъ на вершинахъ. Мавки маны (manes)—души умершихъ.

Стр. 223—**Буянь** — холмъ, гора.

Стр. 223—**Буйвище** — кладбище (гноище).

Стр. 223—**Жальники** — общія могилы.

Стр. 223—**Волосатка** — Домовиха.

Стр. 224—**Гукать** — Кликать, звать, закликать.

Стр. 224—**Волшанскія жеребья** — вѣщіе. Волшанъ, Волоть—волхвъ. Волоть Волотовичъ—собесѣдникъ премудраго царя Давыда Евсеевича въ „Стихѣ Іерусалимскомъ“ и въ „Книгѣ голубиной. См. П. А. Безсоновъ Каллики переходіе. М. 1861 г. Волоть—великанъ. Волотоманъ—исполнѣ.

Стр. 224—**Рѣзвый жеребі** — рѣшительный.

Стр. 224—**Зель** — молодая озимъ до колошенья.

Стр. 225—**Коловертышъ** — помощникъ вѣдьмы. См. В. Н. Бондаренко. Очерки Кирсановскаго уѣзда.

Стр. 229—**Ховала** — олицетвореніе зарницы, Ховать—прятать, хоронить. Ховалы—зарницы. См. А. Н. Афанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія.

Стр. 231—**Мара-Марена** — Морана, богиня смерти, зимы, ночи. См. А. А. Потебня. Объясненія.

Стр. 232—**Птица Мочуль** — въ былинѣ-сказкѣ о „Ванькѣ Удовкнѣ сынѣ“ помогаетъ Ванькѣ въ благодарность за сохраніе птенцовъ.

Стр. 233—**Марунъ** — морской Богъ (mare). Я нашелъ изображеніе его (сучекъ) на островѣ Вандрокѣ (Оландскіе острова) на скалахъ осенью 1910 года.

Стр. 234—**Сталло**—Stahlmann—стальной человѣкъ, закованный въ латы, лопарскій богатырь, Конечно, такого богатыря баякаль въ лѣсу олень не человѣкъ. См. Н. Харузинъ, Русскіе лопари М. 1890 г. А. Яценко. Нѣсколько словъ о русской Лапландіи. Этнограф. Обоз. 1892 г. нн. XII.

Стр. 235—**Рожаница**.—См. Акад. А. Н. Веселовскій, Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ. Розысканія. XII—XVII. Вып. 5. СПб. 1889 г.

Стр. 235—**Косари** — народное названіе головы Млечнаго пути.

Стр. 235—**Становище** — Млечный путь.

Стр. 236—**Злыдни** — олицетворскіе Недоли.

Стр. 238—**Заторъ** — Задержка въ пути.

Стр. 238—**Осѣкъ** — засѣка, лѣсъ съ покосомъ за изгородью.

Стр. 238—**Зорить** — зарница зорить хлѣбъ—ускоряетъ дозрѣваніе (Народное повѣрье).

Стр. 239—**Измодѣлый** — изможденный.

тр. 239—**Зыбель-болото** — зыбкое болотистое мѣсто.

Стр. 239—**Свѣти-цвѣтъ** — народное названіе чудеснаго купальскаго цвѣтка папоротника.

Стр. 240—**Моряна** — живетъ на морѣ, владѣетъ вѣтрами, топить корабли.

Алалей и Лейла. наконецъ, доходятъ до Моря-Океана. А что же Котофей Котофенчъ, освободилъ Котофей свою бѣленькую Зайку изъ лапъ Лихи-одноглазаго? Не знаю, не скажу.

Одну только з а в и т у ш к у разкажу изъ путешествія Котофея въ царство Лихи-Одноглазаго. Вотъ она какая.

З А В И Т У Ш К А.

Случилось однажды, какъ идти Коту Котофею освобождать свою бѣленькую Зайку изъ лапъ Лихи-Одноглазаго, занесла Котофея вѣтромъ нелегкая въ одинъ изъ старыхъ сѣверныхъ русскихъ городовъ, гдѣ все ужъ по-русскому: и рѣчь русская стараго уклада, и соборъ златоверхій бѣлокаменный и тротуары деревянные, и, хоть ты тресни, толку нигдѣ никакого не добьешься.

Котофей не растерялся, — съ Синдбадомъ самимъ когда-то моря переплывалъ, и не такое видѣлъ!

Надо было Коту себѣ комнату нанять, вотъ онъ и пошелъ по городу. Ходить по городу, смотреть. И видить, домикшко стоитъ плохонькій, трухлявый, — всякую минуту пожаръ произойти можетъ. — а въ окнѣ билетикъ наклеенъ: сдается комната. Котофею на-руку: постучалъ. Вышла женщина съ виду такъ себѣ: и молодое въ лицѣ что-то, и стар-

ческое,—морщины старушечьи жгутикомъ перетягиваютъ еще не квелую кожу, а глаза не то отъ роду такіе запалые, не то отъ слезъ.

— У васъ, — спрашиваетъ Котофѣй, — здается комната?

— Да я ужъ и не знаю, — отвѣчаетъ женщина.

— У кого же мнѣ тутъ справиться?

— Я ужъ и не знаю, — мнется женщина.

— Хозяйка-то дома?

— Да мы сами хозяйка.

— Такъ чего же вы?

— Да мы дикіе.

Долго уговаривался Коть съ хозяйкой, и всякій разъ, какъ дѣло доходило до какого-нибудь окончательнаго рѣшенія, повторялось одно и то же:

— „Да мы дикіе“.

Въ концѣ-концовъ занялъ Котофѣй комнату.

Ребятишекъ въ домѣ полно, ребятишки въ школу бѣгали, драные такіе ребятишки, вихрастые.

Тѣснота грязь, клопы, тараканы, — не то, чтобы гнѣзда тараканьи а такъ сплошь разсадникъ ихній.

„И какъ это люди еще живутъ и душа въ нихъ держится?“ — раздумывалъ пресебя Коть, почесываясь.

Хозяина въ домѣ не оказалось: хозяинъ пропалъ. И сколько Котофѣй не разспрашивалъ хозяйку, отвѣтъ былъ одинъ:

— Хозяинъ пропалъ.

— Да куда? Гдѣ?

— Пропалъ.

Разсчитывалъ Коть одну ночь прожить, — ужъ какъ-нибудь протараканить время, да пришлось зазимовать.

Выпали бѣлые снѣги глубокіе. Завалило снѣгомъ окно. Свѣту не видать, — темь. Тяжкіе морозы трещатъ за окномъ. Ни развѣять, ни замести, — глубоки сугробы.

Вотъ засвѣтилъ Котофѣй свою лампочку, присядеть къ столу, сѣти плететь, — Коть зимой все сѣти плелъ. А чтобы работа спорилась, приметъ пѣсни курлыкать, покурлычетъ и перестанетъ.

— Марья Тихоновна, вы бы сказку сказали! — посмотреть Котофѣй пизъ-подъ очковъ на хозяйку глазомъ.

Хозяйка какъ вошла въ комнату, какъ стала у теплой печки, такъ и стоитъ молчкомъ: некому разогнать тоску, — ей таже не весело.

Коть и разъ позоветъ, и въ другой позоветъ и только на третій разъ начинается сказка. И ужъ такія сказки, — не переслушаешь.

Клопъ тебя кусаетъ, блоха точетъ, шебуршатъ по стѣнѣ тараканы,—ничего ты не чувствуешь, ничего ты не слышишь: ты летишь на коврь-самолетѣ подѣ самымъ облакомъ, за живую и мертвой водой.

Это ли вѣтеръ съ Моря-Океана поднялся, вѣтеръ ударилъ, подхватилъ, понесъ голосъ далеко по всей Руси? Это ли въ большой колоколь ударилъ,—и пасхальный звонъ, перекатываясь, разбѣжался по всей Руси? Прошелъ звонъ въ сырую землю. Воспаленилось сердце. И тоска приотхлынула. Земля!—земля твоя вѣщяя мать голубица. А тамъ стелятся зеленныя вѣтви, на вѣтвяхъ макъ-цвѣты. А тамъ по полямъ черезъ лѣса ѣдетъ на бѣломъ конѣ Свѣтло-Храбрый Егорій. Вотъ тебѣ живая вода и мертвая. И не Марья Тихоновна, Василиса Премудрая, царевна, глядитъ на Кота.

Такъ сказка за сказкой. И ночь пройдетъ.

За зиму Котофей ни одной сѣти толкомъ не сплелъ, все за сказками перепуталъ и узловъ насадилъ, гдѣ не надо. Охотникъ былъ до сказокъ Котофей, самъ большой сказочникъ.

А пришла весна, встрѣтилъ Котофей съ хозяйкой Пасху, разговорлся, и понесло Котофея въ другія страны, не арабскія, не турецкія, а совсѣмъ въ другія — заморскія.

1909 г.

СОДЕРЖАНІЕ

П О С О Л О Н Ь.

	СТР.
ПОСВЯЩЕНІЕ	13
ВЕСНА КРАСНА: Монашекъ	17
Красочки	19
Кострома	23
Кошки и Мышки	27
Гуси—Лебеди	30
Кукушка	33
У лисы балъ	35
ЛѢТО КРАСНОЕ: Калечина—Малечина	39
Черный пѣтухъ	41
Богомолье	45
Купальскіе огни	47
Воробьиная ночь	50
Ворода	53
Кикимора	56
ОСЕНЬ ТЕМНАЯ: Бабье лѣто	59
Змѣй	62
Разрѣшеніе путь	66
Плача	68
Троещипленица	70
Ночь темная	73
Снѣгурушка	77
ЗИМА ЛЮТАЯ: Корочунъ	81
Медвѣдюшка	83
Морщинка	93

Пальцы	СТР. 101
Зайчикъ Пванычъ	103
Зайка	113
Медвѣжья колыбельная пѣсня	135

КЪ МОРЮ-ОКЕАНУ.

МЫШИНЫМИ НОРАМИ. Котофей Котофеичъ	141
Волкъ—Самоглотъ	149
Весенній громъ	156
Ремезъ—первая пташка	157
Бѣлунъ	160
Собачья доля	162
Божья пчелка	165
Противной дождь	167
Колокольный метрвецъ	169
Задушницы	175
Ангель-Хранитель	177
Спорышъ	179
Лютые звѣри	183
Вѣдогонь	190
Летавица	192

ЗМѢИНЫМИ ТРОПАМИ: Коноуль Коноулычъ	201
Упырь	204
Сонъ—трава	208
Вербя	210
Радунца	212
Каменная баба	214
Лужанки	217
Крѣсь	220
Нежить	222
Коловертышъ	225
Ховала	229
Мара-Марена	231
Марунъ	233
Рожаница	235
Болл-Бошка	238

ПРИМѢЧАНІЯ	241
----------------------	-----